

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Абдуллин Денис Тявфикович

**Правовое регулирование антимонопольного контроля за экономической
концентрацией в сфере предпринимательской деятельности в условиях
цифровой экономики**

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
кандидат юридических наук, доцент
Паращук Сергей Анатольевич

Москва – 2024

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Правовые основы антимонопольного контроля за экономической концентрацией в сфере предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики	15
§1. Генезис правового регулирования антимонопольного контроля за экономической концентрацией	15
§2. Экономическая концентрация и ее особенности в условиях цифровой экономики. Виды экономической концентрации	36
§3. Понятие и цели антимонопольного контроля за экономической концентрацией в условиях цифровой экономики	56
Глава 2. Виды и основания антимонопольного контроля за экономической концентрацией в сфере предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики	63
§1. Классификации видов антимонопольного контроля за экономической концентрацией.....	63
§2. Основания антимонопольного контроля за экономической концентрацией в условиях цифровой экономики	78
Глава 3. Осуществление антимонопольного контроля за экономической концентрацией в сфере предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики	93
§1. Процедура антимонопольного контроля за экономической концентрацией в условиях цифровой экономики	93
§2. Основания для признания сделок (иных действий), подлежащих антимонопольному контролю, допустимыми в условиях цифровой экономики.	103

§3. Предписание антимонопольного органа как мера по обеспечению конкуренции при осуществлении экономической концентрации в условиях цифровой экономики. Правовые последствия нарушения требований законодательства об антимонопольном контроле за экономической концентрацией.....	133
Заключение	152
Библиографический список.....	156

Введение

Актуальность темы исследования. Конкуренция является основной движущей силой развития современной рыночной экономики, выступающей важным стимулом повышения качества производимых товаров (работ, услуг), формирования наиболее обоснованной цены на них. Положения ст. 8 Конституции Российской Федерации¹ (далее – Конституция РФ) провозглашают поддержку конкуренции, а также свободу экономической деятельности в качестве конституционных принципов. При этом ст. 34 Конституции РФ запрещает экономическую деятельность, направленную на монополизацию и недобросовестную конкуренцию. Однако увеличение уровня концентрации рынка может привести к монополизации и, соответственно, к ограничению или устранению соперничества между субъектами предпринимательской деятельности. Для недопущения антиконкурентных последствий в результате совершения сделок (иных действий) предусмотрен механизм правового регулирования антимонопольного контроля за экономической концентрацией.

В эпоху цифровизации, роботизации и глобализации в условиях стремительного роста рыночной власти цифровых компаний существующий механизм правового регулирования контроля за экономической концентрацией требует адаптации к особенностям динамично развивающихся рынков цифровой экономики, что находит отражение в том числе в государственной политике. Так, Указом Президента РФ от 21.12.2017 № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» (далее – Указ Президента РФ № 618)² одним из принципов государственной политики провозглашается совершенствование антимонопольного регулирования в условиях развития цифровой экономики, ее глобализации в целях пресечения трансграничных

---

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 04.07.2020. № 144.

² Указ Президента РФ от 21.12.2017 № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 25.12.2017. № 52 (Часть I). С. 8111.

нарушений и повышения конкурентоспособности отечественных компаний на мировых рынках. Кроме того, Концепцией технологического развития на период до 2030 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р¹, предусмотрено принятие и реализация комплекса законодательных мер по развитию конкуренции на цифровых рынках, разработка антимонопольных программ для рынков высокотехнологичной продукции и услуг для целей усиления конкуренции в технологически развитых секторах экономики как ключевого условия значимого расширения рынков инновационной продукции. В этом контексте следует признать, что конкуренция приобретает совершенно новую форму и содержание. Субъекты предпринимательской деятельности все чаще придерживаются стратегии не конкурировать на рынке, на котором уже присутствует большое количество участников, а генерировать новые, на которых они имеют абсолютную рыночную власть. Традиционные инструменты антимонопольного контроля неэффективны на цифровых рынках, которые не поддаются объективному анализу в том числе в силу стремительного характера формирования и развития таких рынков. В связи с этим для недопущения ограничения конкуренции на цифровых рынках как российский, так и зарубежные антимонопольные органы вынуждены осуществлять разработку и применять на практике соответствующие современным реалиям инструменты еще до закрепления в законодательстве. Обозначенные проблемы являются вызовом для антимонопольных органов во всем мире. В новом технологическом укладе адаптация правового регулирования контроля за экономической концентрацией в целях обеспечения защиты конкуренции представляет собой фундаментальную задачу, что делает выбранную тему научного исследования весьма актуальной.

Степень научной разработанности темы исследования. Тема, посвященная исследованию правового регулирования антимонопольного контроля за экономической концентрацией в сфере предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики, является недостаточно

---

¹ Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 29.05.2023. № 22. Ст. 3964.

разработанной в отечественной научной литературе, отсутствуют комплексные монографические и диссертационные исследования по данной проблематике.

Существующие научные работы, включая диссертации, затрагивают либо общие вопросы экономической концентрации и ее антимонопольного контроля, либо отдельные виды и аспекты антимонопольного контроля за экономической концентрацией. Так, диссертационные исследования М.В. Ковальковой¹, С.А. Павлова² по контролю за экономической концентрацией посвящены сравнительно-правовому анализу, диссертации Н.В. Васильевой³, К.Б. Овакимяна⁴ – преимущественно рассмотрению положений действующего законодательства в данной сфере.

Теоретическая основа исследования. По вопросам антимонопольного контроля за экономической концентрацией следует выделить научные труды отечественных правоведов, среди которых Е.Ю. Борзило, В.А. Вайпан, А.В. Габов, Д.А. Гаврилов, А.Е. Гутерман, М.А. Егорова, В.Г. Истомина, К.В. Казарян, А.Ю. Кинев, К.Б. Овакимян, С.А. Павлов, С.А. Парашук, Д.А. Петров, К.А. Писенко, В.Ф. Попондопуло, С.А. Пузыревский, Д.И. Серегин, О.А. Символоков, К.Ю. Тотьев, Е.С. Хохлов, И.С. Шиткина. Некоторые аспекты контроля за экономической концентрацией в условиях новой экономики излагаются в работах А.А. Арутюнян, В.А. Вайпана, Е.А. Войниканис, М.А. Егоровой, А.Ю. Иванова, А.О. Маслова, Д.А. Петрова, В.Ф. Попондопуло, Ю.С. Харитоновой.

В рамках настоящей диссертации проанализированы работы и зарубежных правоведов, посвященные вопросам правового регулирования контроля за экономической концентрацией. Большой вклад в исследование вопросов становления и развития института контроля за экономической концентрацией в

---

¹ Ковалькова М.В. Государственный антимонопольный контроль в российском и американском законодательстве: сравнительно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2006. 207 с.

² Павлов С.А. Государственный антимонопольный контроль экономической концентрации в Российской Федерации, Соединенных Штатах Америки и Европейском Союзе: сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2011. 231 с.

³ Васильева Н.В. Контроль антимонопольных органов за гражданско-правовыми сделками: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 210 с.

⁴ Овакимян К.Б. Правовое регулирование государственного контроля за экономической концентрацией: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 198 с.

Соединенных Штатах Америки (США) и Европейском союзе (ЕС) внесли Д.А. Валентайн (D.A. Valentine), М.К. Какол (M.K. Kаkol), Ф.С. Нил (P.C. Neal), Э.А. Познер (E.A. Posner). Цели контроля за экономической концентрацией затрагивают в своих работах М. Лоренц (M. Lorenz), А. Эзрачи (A. Ezrachi). Особое внимание исследованию общих характеристик контроля за экономической концентрацией на цифровых рынках уделяют Т. Ву (T. Wu), М.С. Гал (M.S. Gal), Р. Комерфорд (R. Comerford), Ж. Кремер (J. Crémer), Д.Л. Рубинфельд (D.L. Rubinfeld), Д.Д. Сокол (D.D. Sokol), А. де Стрил (A. de Streel). Кроме того, в зарубежной юридической литературе анализируются отдельные вопросы контроля за экономической концентрацией в условиях цифровой экономики, в частности, влияние экономической концентрации на инновации (П.И. Коломо (P.I. Colomo), С. Саншайн (S. Sunshine), С.К. Хемфилл (S.C. Hemphill)), а также влияние экономической концентрации на конфиденциальность персональных данных потребителей (С.Р. Санштейн (C.R. Sunstein), Д.Дж. Солове (D.J. Solove), С. Эсайас (S. Esayas)).

При подготовке настоящего исследования также изучены труды таких ученых в области гражданского права, как В.А. Белов, М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, В.С. Ем, О.С. Иоффе, А.А. Карцхия, О.А. Красавчиков, И.Б. Новицкий, С.А. Сеницын, Е.А. Суханов, Р.О. Халфина, Г.Ф. Шершеневич, А.М. Ширвиндт.

Объектом исследования является совокупность общественных отношений, возникающих в процессе правового обеспечения и применения норм законодательства об антимонопольном контроле за экономической концентрацией в сфере предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики.

Предметом исследования выступают нормы международного, российского и иностранного права об антимонопольном контроле за экономической концентрацией, правоприменительная практика, концепции, научные взгляды, теории отечественных и зарубежных ученых в рассматриваемой сфере.

Цель настоящего исследования состоит в комплексном научном исследовании правового регулирования антимонопольного контроля за экономической концентрацией в сфере предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики, выявлении правовых проблем теоретического и практического характера, возникающих при осуществлении антимонопольного контроля за экономической концентрацией в условиях цифровой экономики, а также разработке подходов к их решению на базе анализа действующего законодательства, правоприменительной практики и доктрины.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- проанализировать генезис правового регулирования антимонопольного контроля за экономической концентрацией в России и некоторых зарубежных странах (США, ЕС);

- исследовать сущность экономической концентрации, особенности экономической концентрации в условиях цифровой экономики;

- рассмотреть понятие и цели антимонопольного контроля за экономической концентрацией, сформулировать определение понятия антимонопольного контроля за экономической концентрацией на цифровых рынках;

- классифицировать и дать характеристику видам антимонопольного контроля за экономической концентрацией;

- выявить проблемы, связанные с определением оснований антимонопольного контроля за экономической концентрацией в условиях цифровой экономики, определить подходы к их решению;

- рассмотреть процедуру осуществления антимонопольного контроля за экономической концентрацией и выявить ее особенности в условиях цифровой экономики;

- сформулировать подходы к оценке допустимости сделок (иных действий), подлежащих антимонопольному контролю, в условиях цифровой экономики;

- определить характер предписаний в сфере контроля за экономической концентрацией в условиях цифровой экономики, а также рассмотреть правовые

последствия несоблюдения требований законодательства в сфере контроля за экономической концентрацией.

Нормативную основу исследования составляют источники российского права, в том числе Конституция РФ, Гражданский кодекс Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ), Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях² (далее – КоАП РФ) и иные федеральные законы, включая Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»³ (далее – Закон о защите конкуренции, Закон), акты Президента РФ, Правительства РФ, Федеральной антимонопольной службы (ФАС России), посвященные регулированию контроля за экономической концентрацией, международные и иностранные акты в данной сфере.

Эмпирическую основу исследования формируют материалы правоприменительной практики: позиции Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ, иностранных судов, практика ФАС России, зарубежных антимонопольных органов.

Методологическая основа исследования включает общенаучные методы (анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия, системно-структурный) и частнонаучные методы (историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой, правового моделирования, прогнозирования).

Научная новизна исследования. Настоящая диссертация представляет собой комплексное научное исследование проблематики антимонопольного контроля за экономической концентрацией в сфере предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики. В диссертации автором сформулировано определение понятия антимонопольного контроля за экономической концентрацией на цифровых рынках, предложен новый подход

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Российская газета. 08.12.1994. № 238-239; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Российская газета. 28.11.2001. № 233; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // Российская газета. № 289. 22.12.2006. СПС КонсультантПлюс.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // Российская газета. 31.12.2001. № 256. СПС КонсультантПлюс.

³ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 19.04.2024) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434. СПС КонсультантПлюс.

для учета возможного негативного влияния сделок (иных действий) на инновационную деятельность их участников в рамках осуществления контроля за экономической концентрацией; определена роль правовых аспектов конфиденциальности персональных данных потребителей для анализа сделок (иных действий), подлежащих антимонопольному контролю; предложен новый подход для учета вопросов конфиденциальности при проведении анализа состояния конкуренции на рынке в рамках контроля за экономической концентрацией; определен подход, предусматривающий установление в предписаниях, выдаваемых при осуществлении контроля за экономической концентрацией, обязательств под условием. Также предложен подход для разрешения проблем, связанных с объединением в результате совершения сделки (иного действия) больших данных. Научная новизна исследования проявляется в выносимых на защиту положениях.

Положения, выносимые на защиту:

1. Антимонопольный контроль за экономической концентрацией на цифровых рынках представляет собой урегулированную нормами права деятельность антимонопольного органа, направленную на недопущение ограничения конкуренции, а также на обеспечение прав и законных интересов потребителей в результате экономической концентрации на товарных рынках, основанных на цифровых платформах и иных цифровых технологиях. При осуществлении антимонопольного контроля за экономической концентрацией на цифровых рынках возникает необходимость обеспечения прав и законных интересов потребителей, поскольку в результате совершения сделки (иного действия) по экономической концентрации доступ приобретателя (участника реорганизации) к объединенным большим данным и сетевой эффект могут привести к возникновению у него рыночной власти и, как следствие, позволить в одностороннем порядке оказывать влияние на поведение потребителей (потребительский спрос) путем ценовой дискриминации, ограничения возможности переключения на альтернативных поставщиков.

2. Установление специального правового режима, предусматривающего распространение антимонопольного контроля на все сделки (иные действия) по экономической концентрации с участием обладающих рыночной властью приобретателей (участников реорганизации), которые осуществляют деятельность на цифровых рынках, характеризующихся высокой динамикой и неопределенностью развития, позволит обеспечить выявление антимонопольным органом потенциально антиконкурентных сделок (иных действий).

3. В рамках механизма правового регулирования антимонопольного контроля за экономической концентрацией на цифровых рынках доминирующее положение хозяйствующего субъекта – владельца цифровой платформы подлежит установлению с учетом наличия сетевого эффекта в равной степени как в отношении владельцев транзакционных, так и владельцев нетранзакционных цифровых платформ, поскольку к возникновению (усилению) рыночной власти вследствие усиления сетевого эффекта может привести совершение сделки (иного действия) с участием владельцев всех видов цифровых платформ.

4. Установление в предписаниях антимонопольного органа в рамках контроля за экономической концентрацией на цифровых рынках условия, предусматривающего обособленное хранение больших данных участников сделки (иного действия) после ее совершения, без передачи от одного хозяйствующего субъекта другому, позволит не допустить ограничения конкуренции приобретателем (участником реорганизации) вследствие получения им легальной возможности доступа к объединенным в результате совершения сделки (иного действия) большим данным.

5. Правовым последствием совершения сделки (иного действия) по экономической концентрации на цифровых рынках может выступать ухудшение условий политики конфиденциальности оператора персональных данных – лица, являющегося объектом экономической концентрации. Наступление (возможность наступления) такого последствия может выступать признаком ограничения конкуренции и, соответственно, основанием для выдачи предписания, направленного на обеспечение конкуренции, либо основанием для отказа в

согласовании сделки (иного действия). При проведении анализа состояния конкуренции в рамках контроля за экономической концентрацией на цифровых рынках возможность ухудшения в результате совершения сделки (иного действия) условий политики конфиденциальности лица, являющегося объектом экономической концентрации, подлежит анализу посредством теста (исследования поведения потребителей товара при ухудшении условий политики конфиденциальности), аналогичного «тесту гипотетического монополиста» (исследованию поведения потребителей товара при долговременном повышении цены на товар) и учитывающего особенности цифровых рынков, на которых товары предоставляются без взимания платы.

6. Особенностью экономической концентрации на цифровых рынках, характеризующихся инновационностью, является возможность негативного влияния сделки (иного действия) на развитие инноваций: при наличии у участников сделки (иного действия) пересекающихся (конкурирующих) направлений научных исследований и разработок инновационная деятельность лица, являющегося объектом экономической концентрации, после совершения сделки (иного действия) может быть ограничена, прекращена. Проведение в рамках антимонопольного контроля за экономической концентрацией анализа состояния конкуренции на пересекающихся направлениях научных исследований и разработок, безотносительно к конкретному товарному рынку, позволит оценить не только влияние сделки (иного действия) на рынки товаров (услуг), но также на инновации, лежащие в основе разработки и коммерциализации товаров (услуг). Наступление (возможность наступления) негативных последствий сделки (иного действия) для развития инноваций может являться основанием для выдачи предписания, направленного на обеспечение конкуренции, либо основанием для отказа в согласовании сделки (иного действия). Выдача антимонопольным органом предписания, предусматривающего передачу технологий третьим лицам, осуществление приобретателем инвестиций в инновационную деятельность лица, являющегося объектом экономической концентрации, позволит не допустить сдерживания инноваций в результате совершения сделки (иного действия).

7. Для обеспечения реализации принципов соразмерности и разумности предписаний антимонопольного органа при осуществлении контроля за экономической концентрацией на цифровых рынках установление в предписаниях обязательств под условием, то есть которые ставятся в зависимость от наступления определенных обстоятельств (возникновение непреодолимых барьеров входа на товарный рынок, превышение приобретателем (группой лиц) определенной доли на рынке, сокращение инвестиций приобретателем в инновационную деятельность лица, являющегося объектом экономической концентрации, и другие), позволит обеспечить устранение потенциальных антиконкурентных последствий после совершения сделки (иного действия) с учетом дальнейшего состояния конкуренции на цифровых рынках. Возникновение обязательства по предоставлению доступа к большим данным для обеспечения конкуренции на цифровых рынках может быть поставлено в зависимость от наступления следующих обстоятельств: асимметрия больших данных между приобретателем (объединенным в результате реорганизации хозяйствующим субъектом) и действующими, потенциальными конкурентами как барьер входа на товарный рынок, а также непреодолимость такого барьера входа вследствие невозможности получения больших данных действующими, потенциальными конкурентами из иных источников.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что сформулированные автором выводы могут быть использованы для дальнейшего развития юридической науки.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что его основные результаты могут быть использованы при подготовке проектов нормативных правовых актов, направленных на адаптацию правового регулирования антимонопольного контроля за экономической концентрацией в сфере предпринимательской деятельности к условиям цифровой экономики, при подготовке разъяснений антимонопольного органа, а также в рамках правоприменительной практики.

Достоверность результатов диссертационного исследования обусловлена проведенным анализом российской и зарубежной научной литературы, нормативной базы, материалов правоприменительной практики.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы настоящего исследования опубликованы в статьях автора в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, а также использованы автором при проведении практических занятий со студентами по дисциплинам кафедры предпринимательского права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, при участии в круглых столах, конференциях.

Структура работы обусловлена целью, задачами и методами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, содержащих в совокупности восемь параграфов, заключения, библиографического списка.

Глава 1. Правовые основы антимонопольного контроля за экономической концентрацией в сфере предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики

§1. Генезис правового регулирования антимонопольного контроля за экономической концентрацией

Правовое регулирование антимонопольного контроля за экономической концентрацией и его формирование в качестве правового института антимонопольного законодательства является продуктом длительной эволюции. Истоки противодействия монополиям можно проследить со времен римского права. Так, в частности, эдикт императора Зенона о монополиях 483 г., включенный затем в Кодекс Юстиниана 529 г.¹, содержал специальные правовые нормы, запрещающие монополизацию при осуществлении торговой деятельности (CJ.4.59.2.pr.)². Однако предпосылки для формирования норм о контроле за экономической концентрацией возникли только в XIX в. с ростом концентрации капитала и появлением крупных монополий.

Правовое регулирование контроля за экономической концентрацией берет свое начало в США и насчитывает более ста лет. В конце XIX в. там происходили масштабные процессы концентрации бизнеса и капитала практически во всех отраслях вместе с новыми формами организации производства и рынка. Это было вызвано промышленной революцией, которая привела к стремительной активизации хозяйственной деятельности, появлению множества крупных фирм³. Железнодорожные корпорации стали первыми акционерными компаниями и

---

¹ Новицкий И.Б. Римское право. Учебник для вузов. М.: ИКД ЗЕРЦАЛО-М, 2003. С. 29.

² Акимова М.А., Леус В.Л. Истоки антимонопольного регулирования в римском праве // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 2. С. 190; *Domini Nostri Sacratissimi Principis Iustiniani Codex*. URL: <https://www.thelatinlibrary.com/justinian/codex4.shtml> (дата обращения: 01.06.2024).

³ Kałol M.K. The evolution of US merger control policy – part 1: 1890-1973 // *Ekonomia i Prawo. Economics and Law* / ed. by Polszakiewicz B., Boehlke J. 2014. Vol. 13. No. 3. P. 408.

заложили основу для формирования других, например, банковских¹. Тресты доминировали во многих отраслях экономики и использовали враждебные поглощения как способ экспансии². Одним из примеров является трест Standard Oil, который объединил и координировал деятельность множества нефтяных компаний³. Потенциальным объектам экономической концентрации предоставлялся выбор: присоединиться к тресту или покинуть рынок⁴.

Как справедливо признается в юридической литературе, сегодня экономика и общество переживают трансформации, сопоставимые по масштабу с тем, что переживали в ту самую промышленную революцию, которая и породила антимонопольное законодательство⁵. В последние годы проблема недостаточного антимонопольного регулирования товарных рынков вновь стала ключевой в связи с растущей монополизацией высокотехнологичных секторов⁶.

Акт Шермана⁷, принятый в США в 1890 г., признал ограничивающие торговлю соглашения и объединения, а также монополизацию (попытки монополизации) рынков запрещенными. Д.А. Валентайн подчеркивает, что Акт Шермана не касался непосредственно экономической концентрации, действие акта не распространялось на экономическую концентрацию до тех пор, пока не было доказано, что основная цель такой концентрации заключалась в ограничении торговли⁸.

В целях устранения возникших сложностей, связанных с формулировками закона и отсутствием специального органа для пресечения и рассмотрения

---

¹ Мозолин В.П. Корпорации, монополии и право США. М.: Издательство Московского университета, 1966. С. 37.

² Kaol M.K. The evolution of US merger control policy – part 1: 1890-1973. P. 408.

³ Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. СПС КонсультантПлюс.

⁴ Kaol M.K. The evolution of US merger control policy – part 1: 1890-1973. P. 408.

⁵ Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху. Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции / под ред. А.Ю. Цариковского, А.Ю. Иванова, Е.А. Войниканис. 2-е изд. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. С. 20-21.

⁶ Иванов А.Ю. Контроль монополизации в условиях цифровой экономики: первая часть дискуссии о пятом антимонопольном пакете // Закон. 2018. № 2. С. 106-119. СПС КонсультантПлюс; Свечников К.Л. Проблемы монополизации в цифровой экономике // Вестник Российского университета кооперации. 2021. № 2 (44). С. 71.

⁷ Sherman Antitrust Act of 1890. 15 U.S.C. §§ 1-7 (2004). URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-3055/pdf/COMPS-3055.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

⁸ Valentine D.A. The Evolution of U.S. Merger Law. Prepared Remarks before INDECOPI Conference // Federal Trade Commission. 13.08.1996. URL: <https://www.ftc.gov/news-events/news/speeches/evolution-us-merger-law> (дата обращения: 01.06.2024).

нарушений в рассматриваемой сфере, в развитие положений Акта Шермана были приняты следующие акты.

Во-первых, был принят Акт Клейтона 1914 г.¹, который внес существенные изменения в антимонопольное законодательство. Акт установил запрет на приобретение акций конкурирующих компаний, если это может привести к существенному ограничению конкуренции или созданию монополии (ст. 7).

Во-вторых, Актом о Федеральной торговой комиссии 1914 г.² был создан специальный орган власти, наделенный полномочиями по рассмотрению нарушений антимонопольного законодательства, для целей применения Акта Шермана и Акта Клейтона³.

В связи с тем, что в 40-е годы XX века рост числа действий по экономической концентрации в экономике США, многие из которых совершались путем приобретения крупными компаниями субъектов малого предпринимательства, свидетельствовал о дальнейшей монополизации и стал вызывать обеспокоенность⁴, Конгресс США был вынужден принять в 1950 г. Акт Селлера-Кефопера⁵, который запретил приобретение любых активов предприятий, если это приводит к антиконкурентным последствиям. Более того, такие ограничения распространялись не только на горизонтальную, но также и на вертикальную и конгломератную концентрацию⁶.

Целью нового регулирования стало сохранение и развитие рыночных структур, способствующих конкуренции⁷. Принятие Акта Селлера-Кефопера означало разворот в политике контроля за экономической концентрацией: от чрезмерной терпимости (что привело к высокой концентрации на рынках) к

---

¹ Clayton Act of 1914. 15 U.S.C. § 18 (1996). URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-3049/pdf/COMPS-3049.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

² Federal Trade Commission Act of 1914. 15 U.S.C. § 45 (1988). URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-388/pdf/COMPS-388.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

³ Fugina K. Merger Control Review in the United States and the European Union: Working towards Conflict Resolution // *Northwestern Journal of International Law & Business*. Volume 26. Issue 2. Winter 2006. P. 474.

⁴ Kaol M.K. The evolution of US merger control policy – part 1: 1890-1973. P. 410-411.

⁵ Celler–Kefauver Act of 1950. URL: <https://fraser.stlouisfed.org/title/celler-kefauver-anti-merger-act-5841> (дата обращения: 01.06.2024).

⁶ Neal P.C. The Clayton Act and the Transamerica Case // *Stanford Law Review*. 1952. Vol. 5. P. 185.

⁷ 1968 Merger Guidelines // U.S. Department of Justice. URL: <http://www.justice.gov/atr/hmerger/11247.htm> (дата обращения: 01.06.2024).

ужесточению мер по борьбе с антиконкурентными сделками¹. Верховный суд США придерживался позиции о необходимости наличия на рынке большого количества субъектов малого предпринимательства, и, соответственно, выступал противником их интеграции и появления крупных корпораций. В двух громких делах – Brown Shoe² и Von's Grocery³ – Верховный суд США признал слияния незаконными, хотя совокупная доля созданных в результате их совершения фирм на рынке составляла 5% и 7,5% соответственно. Слияния были заблокированы несмотря на то, что они вряд ли могли обеспечить их участникам рыночную власть⁴.

В 1963 г. Верховный суд США постановил, что любое действие по экономической концентрации, в результате которого появляется фирма, которая контролирует «неоправданную процентную долю» на рынке (не менее 30%), что «приводит к значительному увеличению концентрации фирм на этом рынке», может существенно ограничить конкуренцию⁵. Такая экономическая концентрация считалась незаконной в отсутствие доказательств, ясно показывающих, что действие вряд ли будет иметь такие антиконкурентные последствия. Указанный подход нашел отражение в опубликованном в 1968 г. Министерством юстиции США первом Руководстве о слияниях⁶.

Постепенный отход от этой позиции к акценту на более глубоком экономическом анализе влияния сделок на конкуренцию как результат растущей популярности Чикагской экономической школы наметился лишь в 1974 г. после решения по делу United States v. General Dynamics Corp.⁷, которым было одобрено приобретение крупной угледобывающей компанией контрольного пакета акций

---

¹ Kaḡol M.K. The evolution of US merger control policy – part 1: 1890-1973. P. 411.

² Brown Shoe Co. v. United States, 370 U.S. 294 (1962). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/370/294> (дата обращения: 01.06.2024).

³ United States v. Von's Grocery Co., 384 U.S. 270 (1966). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/384/270> (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ Kaḡol M.K. The evolution of US merger control policy – part 1: 1890-1973. P. 413.

⁵ United States v. Philadelphia National Bank, 374 U.S. 321 (1963). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/374/321> (дата обращения: 01.06.2024).

⁶ 1968 Merger Guidelines // U.S. Department of Justice. URL: <http://www.justice.gov/atr/hmerger/11247.htm> (дата обращения: 01.06.2024).

⁷ United States v. General Dynamics Corp., 415 U.S. 486 (1974). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/415/486> (дата обращения: 01.06.2024).

конкурента¹. Верховный суд США, отказавшись от вынесения решения только на основании доли рынка, учел другие, по его мнению, важные факторы, влияющие на угольную отрасль. Так, суд заявил, что значительная часть запасов угля объекта экономической концентрации уже была распределена по долгосрочным контрактам с крупными потребителями, поэтому его возможность манипулировать ценами на уголь в будущем или приобрести рыночную власть существенно ограничена².

Следующие важные изменения были предусмотрены Актом Харта-Скотта-Родио 1976 г.³, который установил механизм предварительного уведомления Федеральной торговой комиссии (далее – ФТК) и Министерства юстиции США о действиях по экономической концентрации. Требование подачи уведомления возникает при превышении порогов по цене сделки, стоимости активов или выручке участников действия по экономической концентрации. При этом если регулятор по результатам рассмотрения уведомления придет к выводу об антиконкурентном характере действия, он обращается в суд с требованием наложить запрет на его осуществление.

Акт преследует следующие цели: во-первых, предоставить ФТК и Министерству юстиции США достаточную информацию о планируемых сделках, чтобы компетентные органы могли предварительно определить, может ли сделка нарушить антимонопольное законодательство; и, во-вторых, предоставить им право ходатайствовать о предварительном запрете на совершение действий по экономической концентрации до вынесения решения суда по иску уполномоченного органа⁴.

Новая концепция регулирования контроля за экономической концентрацией отразилась в принятых Министерством юстиции США и ФТК практических рекомендациях.

---

¹ Kałol M.K. The evolution of US merger control policy – part 2: 1974-2013 // *Ekonomia i Prawo. Economics and Law* / ed. by Polszakiewicz B., Boehlke J. 2014. Vol. 13. No. 3. P. 418-419.

² *United States v. General Dynamics Corp.*, 415 U.S. 486 (1974).

³ Hart-Scott-Rodino Antitrust Improvements Act of 1976. 15 U.S.C. § 18a. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-90/pdf/STATUTE-90-Pg1383.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ Titus J.W. Stop, Look and Listen: Premerger Notification Under Hart-Scott-Rodino Antitrust Improvements Act // *Duke Law Journal*. 1979. P. 358.

Так, в Руководстве Министерства юстиции США о слияниях 1982 г.¹ подчеркивалось, что анализ действия по экономической концентрации должен, помимо долей хозяйствующих субъектов, учитывать качественные факторы (барьеры входа, взаимозаменяемость, поведение хозяйствующих субъектов на рынке).

Для принятых позднее Руководств о слияниях была характерна оценка действий по экономической концентрации в зависимости от наличия потенциальной эффективности от них. Так, согласно Руководству о слияниях 1984 г.² Министерство юстиции США разрешает горизонтальные сделки (иные действия) даже в отраслях с высоким уровнем концентрации, если их результатом является рост эффективности, например, за счет экономии от масштаба.

В Руководстве Министерства юстиции США и ФТК о слияниях 1992 г., уточненном в 1997 г.³, подчеркивается, что при анализе действий по экономической концентрации учитываются только возникающие в результате их совершения и при этом подтвержденные показатели эффективности. Соответствующие преимущества от такой эффективности должны быть получены потребителями, а не только участниками таких действий.

Руководство о горизонтальных слияниях 2010 г.⁴ устанавливает, что действие по экономической концентрации не должно создавать, усиливать рыночную власть и способствовать такому созданию, усилению путем повышения цен, сокращения объемов производства, сдерживания инноваций или иного причинения вреда потребителям. Подчеркивается, что независимо от того, как создание, усиление рыночной власти может проявляться, оценка действий по экономической концентрации по общему правилу осуществляется на основе их влияния на потребителей.

---

¹ 1982 Merger Guidelines // U.S. Department of Justice. URL: <https://www.justice.gov/archives/atr/1982-merger-guidelines> (дата обращения: 01.06.2024).

² 1984 Merger Guidelines // U.S. Department of Justice. URL: <https://www.justice.gov/archives/atr/1984-merger-guidelines> (дата обращения: 01.06.2024).

³ 1997 Merger Guidelines // U.S. Department of Justice and the Federal Trade Commission. URL: <https://www.justice.gov/archives/atr/1997-merger-guidelines> (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ 2010 Horizontal Merger Guidelines // U.S. Department of Justice and the Federal Trade Commission. 19.08.2010. URL: <https://www.justice.gov/atr/file/810276/dl?inline> (дата обращения: 01.06.2024).

В свою очередь, Руководство о слияниях 2023 г.¹ делает акцент на актуальных вопросах, связанных с цифровой экономикой. В п. 2.6.A руководства указывается, что такие факторы, как сетевые эффекты, экономия от масштаба, издержки переключения на альтернативных поставщиков, могут чрезвычайно затруднить для нового участника товарного рынка предложение всех функций товара (услуги) на условиях, которые предлагает действующий игрок, в сопоставимом качестве. Также Министерство юстиции США и ФТК подчеркивают, что действия по экономической концентрации могут быть направлены на устранение зарождающихся конкурентов приобретателя, ссылаясь на концепцию «экосистемной» конкуренции, идея которой заключается в том, что фирма, действующая на нескольких смежных рынках, может иметь возможность нанести конкурентный ущерб другой фирме, действующей только на одном из этих рынков.

Особое внимание в руководстве (п. 2.9) уделяется многосторонним платформам, посредством которых предоставляются различные товары (услуги) двум или более группам потребителей (сторонам). Предполагается, что вред конкуренции может быть причинен владельцем платформы различными способами, в том числе путем приобретения конкурентов (в частности, путем приобретения доминирующей компанией более мелких или перспективных владельцев платформ со специализированными технологиями или услугами), поставщиков конкурентов (например, поставщиков данных), участников платформы (приобретение крупного продавца на платформе может затруднить привлечение конкурентами владельца платформы потенциальных покупателей), либо компаний, оказывающих услуги, облегчающие участие на нескольких платформах (например, приобретение компании, предоставляющей инструменты для сравнения цен на разных платформах, может привести к снижению количества пользователей платформы конкурента).

---

¹ 2023 Merger Guidelines // U.S. Department of Justice and the Federal Trade Commission. 18.12.2023. URL: <https://www.justice.gov/d9/2023-12/2023%20Merger%20Guidelines.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

В юридической литературе перспективным направлением, выраженным в руководстве, признается разработка методологий оценки сделок, которые уменьшают инновационные стимулы компаний (п. 4.2.Е): методы признаются многообещающими, но требующими дальнейшего развития в судебных процессах¹.

Следует согласиться с высказыванием Э.А. Познера, который утверждает, что историю руководств антимонопольных органов США следует понимать как серию зигзагов между конкурирующими нормативными стандартами, которые отражают идеологические ценности, преобладающие на момент их принятия².

Институт контроля за экономической концентрацией в США развивается вместе с экономикой США, процессами концентрации рынка, антиконкурентной практикой фирм, препятствующей свободной конкуренции, и экономическими теориями. Если в первые годы действия Акта Шермана и Акта Клейтона суды и антимонопольные органы снисходительно относились к экономической концентрации, в 1950-х и 1960-х годах их подход изменился и стал более интервенционистским, сменившись в эпоху Чикагской школы политикой невмешательства с акцентом, прежде всего, на оценке эффективности от сделок. В последние десятилетия контроль за экономической концентрацией был сосредоточен на повышении благосостояния потребителей и защите конкурентного процесса³. Хотя Руководство о слияниях 2023 г. подтверждает более интервенционистский подход, его практический эффект еще предстоит определить.

С момента принятия Акта Шермана соответствующие нормы были установлены в большинстве юрисдикций, однако этот процесс не был одномоментным.

Стремление к созданию системы контроля за экономической концентрацией на уровне ЕС было вызвано решением Суда Европейского союза (далее – Суд ЕС)

---

¹ Hovenkamp H. The 2023 Merger Guidelines: Law, Fact, and Method. 2024. P. 16. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4684465 (дата обращения: 01.06.2024).

² Posner E.A. The Whig History of the Merger Guidelines // ProMarket. 31.05.2023. URL: <https://www.promarket.org/2023/05/31/the-whig-history-of-the-merger-guidelines> (дата обращения: 01.06.2024).

³ Kačol M.K. The evolution of US merger control policy – part 2: 1974-2013. P. 427-428.

по делу *Euroemballage and Continental Can v Commission* 1973 г.¹, в котором подчеркивалось, что на действия по экономической концентрации, совершаемые доминирующим хозяйствующим субъектом, распространяются нормы Договора о функционировании Европейского союза 1957 г.², предусматривающие запрет на злоупотребление доминирующим положением³. При этом неопределенность, вызываемая вмешательством *ex post* на основании норм о запрете на злоупотребление доминирующим положением, не соответствовала интересам субъектов предпринимательской деятельности⁴. Кроме того, такие нормы не могли применяться в отношении сделок (иных действий), в которых приобретателями являлись компании, не занимающие доминирующее положение на рынке⁵.

В 1990 г. (через сто лет после принятия Акта Шермана) вступил в силу Регламент Совета Европейского экономического сообщества № 4064/89 о контроле концентраций между предприятиями (далее – Регламент № 4064/89)⁶. Согласно § 1 ст. 3 Регламента № 4064/89 концентрация определялась как смена контроля в результате слияния или приобретения прямого или косвенного контроля. В соответствии с регламентом определенные превышающие предельные значения по выручке действия по экономической концентрации между компаниями подлежали предварительному уведомлению Европейской комиссии (далее также – Комиссия).

---

¹ Judgment of the Court of Justice of 21.02.1973. *Euroemballage Corporation and Continental Can Company Inc. v Commission of the European Communities*. Case 6-72. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61972CJ0006> (дата обращения: 01.06.2024).

² Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union (25.03.1957; Rome) // Official Journal of the European Union C 202/1. URL: http://data.europa.eu/eli/treaty/tfeu_2016/oj (дата обращения: 01.06.2024).

³ Mulder J., Sauter W. A new regime for below threshold mergers in EU competition law? *The Illumina/Grail and Towercast judgments* // *Journal of Antitrust Enforcement*. 2023. Vol. 11. Issue 3. P. 550.

⁴ De Smedt P., Vandersanden G. *The EC Merger Control Regulation* // *Hastings Int'l & Comp. L. Rev.* Vol. 13. 1990. P. 440.

⁵ *Ibid.* P. 441.

⁶ Council Regulation (EEC) No 4064/89 of 21.12.1989 on the control of concentrations between undertakings // OJ L 395. 30.12.1989. P. 1-12. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX:31989R4064> (дата обращения: 01.06.2024). Repealed.

В 2004 г. с принятием нового Регламента ЕС о контроле концентраций между предприятиями № 139/2004¹ вместо ранее применявшегося для оценки сделок (иных действий) критерия возникновения или усиления доминирующего положения установлен критерий значительного препятствования эффективной конкуренции, под концентрацией понимается смена контроля только на длительной основе.

К базовым правовым документам ЕС в части оценки действий по экономической концентрации² также относятся руководства о горизонтальных и негоризонтальных слияниях. В Руководстве о горизонтальных слияниях 2004 г.³ изложены факторы, которые Комиссия учитывает при оценке последствий экономической концентрации, включая возможность устранения реальных или потенциальных конкурентов. В свою очередь, в Руководстве о негоризонтальных слияниях 2008 г.⁴ признается, что негоризонтальная концентрация, как правило, с меньшей вероятностью будет ограничивать эффективную конкуренцию, чем горизонтальная (§ 11). Однако такие сделки (иные действия) также могут ограничивать конкуренцию, поскольку могут изменить способность и стимулы конкурировать со стороны объединяющихся компаний и их конкурентов таким образом, что это причинит вред потребителям (§ 15). Как указано в руководстве, Комиссия оценивает каждую сделку по существу и учитывает как возможные антиконкурентные последствия, так и возможные благоприятные для конкуренции последствия, возникающие в результате сделок (§ 92).

Появление крупных технологических компаний оказывает влияние на законодательство и политику в области конкуренции. Так, специальное правовое регулирование контроля за экономической концентрацией с участием владельцев ключевых платформ, которые являются посредниками (gatekeepers),

---

¹ Council Regulation (EC) No 139/2004 of 20.01.2004 on the control of concentrations between undertakings // OJ L 24. 29.01.2004. P. 1-22. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX%3A32004R0139> (дата обращения: 01.06.2024).

² Иванов А.Ю. Указ. соч. СПС КонсультантПлюс.

³ Guidelines on assessment of horizontal mergers under the Council Regulation on the control of concentrations between undertakings // OJ C 31. 05.02.2004. P. 5-18. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A52004XC0205%2802%29> (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ Guidelines on the assessment of non-horizontal mergers under the Council Regulation on the control of concentrations between undertakings // OJ C 265. 18.10.2008. P. 6-25. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52008XC1018%2803%29> (дата обращения: 01.06.2024).

предусмотрено Актом о цифровых рынках 2022 г.¹ (далее – Акт о цифровых рынках ЕС), цель которого состоит в обеспечении состязательности и добросовестности на цифровых рынках.

Действие норм Акта о цифровых рынках ЕС распространяется на посредников – компании, имеющие существенное влияние на рынок ЕС; оказывают услуги ключевой платформы, которая обеспечивает взаимодействие субъектов предпринимательской деятельности с конечными пользователями; занимают или могут занять в будущем устойчивое положение на рынке (ст. 3(1) Акта о цифровых рынках ЕС). При превышении определенных предельных значений (по выручке, рыночной капитализации, количеству активных конечных пользователей платформы) создается опровержимая презумпция того, что критерии для целей применения Акта о цифровых рынках ЕС соблюдены (ст. 3(1, 2, 5) Акта о цифровых рынках ЕС). При этом Комиссия может признать компанию посредником для целей применения Акта о цифровых рынках ЕС даже при непревышении количественных пороговых значений по результатам анализа рынка, принимая во внимание положение на рынке, сетевые эффекты, преимущества, основанные на данных, эффекты масштаба и охвата, затраты на переключение пользователей на альтернативных поставщиков и другие характеристики (ст. 3(8), 17(1) Акта о цифровых рынках ЕС). Согласно ст. 14(1) Акта о цифровых рынках ЕС компании, признанные посредниками, обязаны среди прочего информировать Европейскую комиссию о любых планируемых действиях по экономической концентрации независимо от того, подлежат ли такие действия уведомлению, если объект экономической концентрации (участники слияния) предоставляет услуги в цифровом секторе или позволяет осуществлять сбор данных.

Если Комиссия придет к выводу, что нарушения положений Акта о цифровых рынках ЕС являются систематическими, в отношении посредника

---

¹ Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14.09.2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) PE/17/2022/REV/1 // OJ L 265. 12.10.2022. P. 1-66. URL: <http://data.europa.eu/eli/reg/2022/1925/oj> (дата обращения: 01.06.2024).

может быть установлен запрет на совершение в течение определенного периода действий по экономической концентрации в отношении компаний, предоставляющих услуги в цифровом секторе или позволяющих осуществлять сбор данных (ст. 18(2) Акта о цифровых рынках ЕС).

Таким образом, в рамках Европейского союза сформирован и активно развивается механизм правового регулирования контроля за экономической концентрацией, учитывающий характеристики цифровых рынков и особенности формирования (усиления) рыночной власти на них. При этом важно отметить тенденцию деунификации законодательства о конкуренции государств-членов ЕС: если к началу XXI века было достигнуто его единообразие с законодательством ЕС, в настоящее время наблюдается обратный процесс – регулирование институтов конкурентного права не является идентичным¹ (например, критерий цены сделки установлен только на уровне некоторых государств (Германия², Австрия³)).

С момента зарождения российской системы антимонопольного законодательства, еще до перехода в 1992 г. к рыночной экономике⁴, закреплялся антимонопольный контроль за созданием, реорганизацией, ликвидацией крупных организаций. Так, п. 4 Постановления Совета Министров СССР от 16.08.1990 № 835 «О мерах по демонополизации народного хозяйства» (далее – Постановление № 835)⁵ задача по рассмотрению материалов о создании, реорганизации и ликвидации крупных участников хозяйственного оборота возлагалась на Антимонопольный комитет СССР при Совете Министров СССР.

---

¹ Борзило Е.Ю. Система правовых антимонопольных ограничений предпринимательской деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 22-23.

² Competition Act in the version published on 26.06.2013 (Bundesgesetzblatt (Federal Law Gazette) I, 2013, p. 1750, 3245), as last amended by Article 1 of the Act of 25.10.2023 (Federal Law Gazette I, p. 294). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_gwb/englisch_gwb.html (дата обращения: 01.06.2024).

³ Bundesgesetz gegen Kartelle und andere Wettbewerbsbeschränkungen 2005. URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=20004174> (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ Указ Президента РСФСР от 03.12.1991 № 297 (ред. от 28.02.1995) «О мерах по либерализации цен» // Российская газета. 25.12.1991. СПС КонсультантПлюс.

⁵ Постановление Совета Министров СССР от 16.08.1990 № 835 «О мерах по демонополизации народного хозяйства» // СП СССР. 1990. № 24. Ст.114. Утр. силу.

Затем ст. 9 Закона СССР от 10.07.1991 № 2326-1 «Об ограничении монополистической деятельности в СССР» (далее – Закон № 2326-1)¹ закрепила обязанность Антимонопольного комитета СССР по осуществлению предварительного контроля за созданием, реорганизацией (в форме слияния, присоединения, преобразования), ликвидацией хозяйствующих субъектов при передаче антимонопольным органом республики соответствующего ходатайства на рассмотрение Антимонопольного комитета СССР, за реорганизацией (в форме слияния, присоединения) предприятий по решению органов управления СССР, а также участвующих в общесоюзном обороте товаров хозяйствующих субъектов при превышении пороговых значений и за созданием органов управления такими участниками общесоюзного товарооборота. Кроме того, ст. 10 Закона № 2326-1 предусматривала контроль за приобретением акций, паев, долей в уставном фонде хозяйствующих субъектов. Основанием отказа в даче согласия на реорганизацию в форме слияния и присоединения являлась возможность хозяйствующего субъекта занять доминирующее положение, и, как следствие, существенно ограничить конкуренцию. Однако даже в этом случае регулятор мог разрешить такую реорганизацию, если ее осуществление значительно поспособствовало бы насыщению рынков, улучшению потребительских свойств товаров и повышению их конкурентоспособности в том числе на внешнем рынке (абз. 5 п. 2 ст. 9 Закона № 2326-1). При несоблюдении требований в рассматриваемой сфере соответствующие действия признавались недействительными (п. 5 ст. 9 Закона № 2326-1).

Таким образом, антимонопольные органы должны были не допустить возникновения новых интегрированных структур монопольного характера, не препятствуя не ограничивающей конкуренцию экономической интеграции хозяйствующих субъектов и позволяя отечественным хозяйствующим субъектам эффективно конкурировать с зарубежными компаниями.

---

¹ Закон СССР от 10.07.1991 № 2326-1 «Об ограничении монополистической деятельности в СССР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 31. Ст. 885. Утр. силу.

Нормы о контроле за экономической концентрацией содержались и в законодательстве на уровне РСФСР (позднее – РФ), а именно в Законе РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» (далее – Закон о конкуренции 1991 г.)¹, ст. 17 которого устанавливала предварительный контроль для целей предупреждения доминирующего положения отдельных хозяйствующих субъектов. Так, контролю при превышении установленных предельных значений подлежали создание, реорганизация в форме слияния, присоединения, преобразования и ликвидация хозяйствующих субъектов. Контроль осуществлялся и за приобретением хозяйствующим субъектом с долей более 35% на рынке акций, паев, долей конкурента, а также приобретением лицом контрольного пакета голосующих акций, паев, долей доминирующего хозяйствующего субъекта (ст. 18 Закона о конкуренции 1991 г.).

С принятием Федерального закона от 25.05.1995 № 83-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»², в частности, изменилась цель осуществления антимонопольного контроля: вместо предупреждения доминирующего положения в качестве цели провозглашалось предотвращение возможного злоупотребления доминирующим положением, ограничения конкуренции, что представляется более верным³. Кроме того, новым законом в отношении определенных действий введен последующий (уведомительный) контроль при сохранении предварительного, установлен контроль за приобретением имущества хозяйствующих субъектов, прав в отношении них.

---

¹ Закон РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 18.04.1991. № 16. Ст. 499.

² Федеральный закон от 25.05.1995 № 83-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» // Российская газета. № 103. 30.05.1995.

³ Экономическая концентрация: опыт экономико-правового исследования рыночных и юридических конструкций: монография / отв. ред. д.ю.н. М.А. Егорова (автор параграфа – А.В. Габов). М.: Юстицинформ, 2016. СПС Гарант.

Результатом следующей значимой реформы системы контроля за экономической концентрацией в 2002 г.¹ стало распространение последующего (уведомительного) контроля на изменение состава участников, создание, слияние, присоединение объединений коммерческих организаций; пороговые значения для возникновения обязанности согласования экономической концентрации с антимонопольным органом были увеличены в два раза.

Российские² и зарубежные³ ученые указывали, что рассмотренные акты в сфере контроля за экономической концентрацией не способствовали противодействию ограничению конкуренции, при этом создавая зачастую неоправданные административные издержки для осуществления предпринимательской деятельности⁴. Более того, определенная законодателем сфера осуществления контроля за экономической концентрацией была неадекватна целям антимонопольного регулирования, в частности, относительно установления масштаба действий, подлежащих согласованию⁵: антимонопольный контроль осуществлялся не только в отношении коммерческих организаций, но и некоммерческих.

Основополагающим источником контроля за экономической концентрацией является Конституция РФ. Прежде всего, стоит выделить положения ст. 8 Конституции РФ, которые провозглашают принципы поддержки конкуренции, свободы экономической деятельности, а также ст. 34, закрепляющей запрет экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию.

---

¹ Федеральный закон от 09.10.2002 № 122-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» // Российская газета. № 194. 12.10.2002.

² Авдашева С.Б., Шаститко А.Е. Новое антимонопольное законодательство: результат стратегического взаимодействия? // Экономическая политика. 2007. № 3. С. 78.

³ Reynolds S. Competition Law and Policy in Russia // OECD Journal of Competition Law and Policy. 2005. Vol. 6. No. 3. P. 7.

⁴ Pittman R. Competition Law in Central Eastern Europe: Five Years Later // The Antitrust Bulletin. Vol. 43. No. 1. 1998. P. 191.

⁵ Авдашева С.Б., Шаститко А.Е. Указ. соч. С. 78.

На наднациональном уровне российская конкурентная политика опирается на Договор о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор о ЕАЭС)¹, подписанный в 2014 г. В рамках международной организации государства-участники обеспечивают эффективный контроль за концентрацией для целей защиты и развития конкуренции, а также функционирование компетентного органа власти, наделенного соответствующими полномочиями (пп. 4, 5 ст. 75 Договора о ЕАЭС).

В современных реалиях определяющее значение также имеет заключенное в 2022 г. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о единых правилах конкуренции², согласно ст. 11 которого стороны соглашения обеспечивают контроль за экономической концентрацией в степени, необходимой для защиты и развития конкуренции на рынках стран-участников соглашения.

В целях реализации конституционно-правовых норм в России разработан и введен целый комплекс актов, направленных на регулирование контроля за экономической концентрацией.

Так, ГК РФ, в частности, закрепляет оспоримый (по общему правилу) характер сделок, совершенных без получения в предусмотренном законом порядке согласия государственного органа (абз. 1 п. 1 ст. 173.1 ГК РФ).

Отдельно следует отметить положения КоАП РФ, которые предусматривают административные наказания в рассматриваемой сфере (ч. 2.3 ст. 19.5, ч. 3, 4 ст. 19.8 КоАП РФ).

Действующий Закон о защите конкуренции, в отличие от ранее рассмотренного Закона о конкуренции 1991 г., содержит более подробное регулирование отношений в сфере контроля за экономической концентрацией. Объединения коммерческих организаций выведены из-под режима антимонопольного контроля, в отношении внутригрупповых действий при

---

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 16.01.2015. СПС КонсультантПлюс.

² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о единых правилах конкуренции (Заключено в г. Москве 09.11.2022) // Бюллетень международных договоров. № 5. 2023.

выполнении определенных условий установлен последующий контроль. Новый Закон с учетом иностранного опыта детализировал критерии, при совокупном наличии которых действия по экономической концентрации признаются допустимыми (ч. 1 ст. 13 Закона). Определяющее значение в данном случае имеет совершенствование производства, стимулирование прогресса, повышение конкурентоспособности отечественной продукции на внешнем рынке и выгода таких действий по экономической концентрации для потребителей¹.

С момента вступления Закона о защите конкуренции в силу нормы о контроле за экономической концентрацией претерпели ряд существенных изменений. Несомненно, для правового регулирования отношений в сфере цифровой экономики наибольшее значение имеет «пятый антимонопольный пакет»², который вступил в силу в сентябре 2023 г. и устанавливает, в частности, альтернативный (применяющийся независимо от иных критериев – выручки, стоимости активов) критерий экономической концентрации – цена сделки, обязанность выдачи антимонопольным органом в определенных случаях заключения об обстоятельствах ходатайства, возможность очного рассмотрения ходатайства, право заявителя представить предложения по условиям выдаваемого регулятором предписания, распространение института экспертизы на контроль за экономической концентрацией. «Пятый пакет» также предусматривает право антимонопольного ведомства продлить с согласия Правительства РФ срок рассмотрения ходатайств о даче согласия на осуществление трансграничных сделок (иных действий) (не более чем на 3 года).

Важно заметить, что при разработке Закона о защите конкуренции законодатель учитывал опыт ЕС в сфере антимонопольного регулирования, что в целом находило поддержку в юридической литературе с учетом появившихся в эпоху глобализации новых моделей осуществления предпринимательской

---

¹ Шиткина И.С. Правовое регулирование экономической концентрации (в свете нового Федерального закона «О защите конкуренции») // Хозяйство и право. 2007. № 1. С. 14-23. СПС КонсультантПлюс.

² Федеральный закон от 10.07.2023 № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 17.07.2023. № 29. Ст. 5319.

деятельности, форм хозяйствования¹. Сближение российского и европейского законодательства о конкуренции, а также предоставление технического содействия для совершенствования и имплементации правил конкуренции было предусмотрено действовавшим на момент принятия Закона Соглашением о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС², заключенным в 1994 г. (п. 4 ст. 53, ст. 55).

Изменения, предусмотренные «пятым антимонопольным пакетом», также являются отражением мирового опыта: критерий цены сделки, институты экспертизы, заключения об обстоятельствах ходатайства, добровольного предложения проконкурентных обязательств участниками сделки (иного действия) находят широкое применение в зарубежных странах, в том числе на уровне ЕС.

В условиях цифровой экономики сближение в различных правовых порядках правового регулирования контроля за экономической концентрацией представляется обоснованным. Соответственно, вопросы унификации норм российского законодательства, прежде всего, в части критериев экономической концентрации и оценки допустимости действий по экономической концентрации, с актами других юрисдикций, прежде всего, имеющих национальных чемпионов (транснациональные компании в высокотехнологической сфере³), продолжают оставаться актуальными.

Необходимо выделить Указ Президента РФ № 618, который среди принципов государственной политики по развитию конкуренции обозначил совершенствование антимонопольного регулирования в условиях развития цифровой экономики в целях эффективного пресечения трансграничных нарушений и повышения конкурентоспособности отечественных компаний на мировых рынках.

---

¹ См. Иншакова А.О. Европейские минимальные правовые стандарты в российском антимонопольном регулировании (часть 1) // *Цивилист*. 2010. № 2. С. 90-94.

² Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны (заключено на о. Корфу 24.06.1994) // *Собрание законодательства РФ*. 20.04.1998. № 16. Ст. 1802.

³ Доклад об итогах деятельности Минэкономразвития России за 2018 год и задачах на 2019 год. URL: <https://economy.gov.ru/material/file/612137a2d55d7c3a649e94c1decfaa6c/doklad20182019.pdf> (дата обращения: 01.06.2024). С. 140.

Большая роль при регулировании контроля за экономической концентрацией принадлежит Правительству РФ и ФАС России. Так, в утвержденной Правительством РФ Концепции технологического развития на период до 2030 года указано на принятие и реализацию комплекса мер по развитию конкуренции на цифровых рынках, планируемую разработку антимонопольных программ для высокотехнологичных рынков.

В указанной сфере можно выделить и акты, которые определяют полномочия ФАС России в сфере контроля за экономической концентрацией. Такие полномочия регулятора закреплены главным образом в Положении о Федеральной антимонопольной службе¹ и конкретизируются в административных регламентах антимонопольного ведомства².

Также немаловажную роль играют имеющие рекомендательный характер разъяснения антимонопольного органа. Так, важно выделить Разъяснение ФАС России от 11.06.2021 № 19 «Об особенностях осуществления государственного антимонопольного контроля за экономической концентрацией» (далее – Разъяснение № 19)³, в котором регулятор описал особенности процедуры осуществления контроля, основные подходы к оценке экономической концентрации, принятию решений, выдаче предписаний и обобщил правоприменительную практику в рассматриваемой сфере. Следует особо заметить, что в Разъяснении № 19 изложены критерии взаимосвязанности сделок,

---

¹ Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 331 (ред. от 31.08.2023) «Об утверждении Положения о Федеральной антимонопольной службе» // Российская газета. 31.07.2004. № 162. СПС КонсультантПлюс.

² См., например: Приказ ФАС России от 25.05.2012 № 342 (ред. от 26.04.2013) «Об утверждении административного регламента Федеральной антимонопольной службы по исполнению государственной функции по согласованию создания и реорганизации коммерческих организаций в случаях, установленных антимонопольным законодательством Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 28.08.2012 № 25304) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 10. 11.03.2013. СПС КонсультантПлюс; Приказ ФАС России от 20.09.2007 № 294 (ред. от 06.02.2008) «Об утверждении административного регламента Федеральной антимонопольной службы по исполнению государственной функции по согласованию приобретения акций (долей) в уставном капитале коммерческих организаций, получения в собственность или пользование основных производственных средств или нематериальных активов, приобретения прав, позволяющих определять условия ведения хозяйствующим субъектом его предпринимательской деятельности, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 19.10.2007 № 10370) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 51. 17.12.2007. СПС КонсультантПлюс; Приказ ФАС России от 28.12.2007 № 457 (ред. от 03.04.2012) «Об утверждении регламента Федеральной антимонопольной службы по осуществлению государственного контроля за экономической концентрацией, осуществляемой группой лиц». СПС КонсультантПлюс.

³ Разъяснение ФАС России от 11.06.2021 № 19 «Об особенностях осуществления государственного антимонопольного контроля за экономической концентрацией» (утв. протоколом Президиума ФАС России от 11.06.2021 № 3). СПС КонсультантПлюс.

основания для признания соглашений об отказе от конкуренции допустимыми. В Разъяснениях по порядку и методике анализа соглашений о совместной деятельности 2013 г. (далее – Разъяснения о совместной деятельности)¹ указаны понятие и признаки соглашений о совместной деятельности, обозначены подходы ведомства к оценке таких соглашений.

Для современного правового регулирования антимонопольного контроля за экономической концентрацией в России свойственно усиление контроля за экономической концентрацией. Так, в результате введения в 2023 г. критерия цены сделки расширен круг сделок (иных действий), подлежащих антимонопольному контролю. Кроме того, планируется замена последующего (уведомительного) контроля предварительным² в отношении внутригрупповых сделок (иных действий), в то время как п. 2.1.6 Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период 2013-2024 гг.³ предусматривал исключение уведомительного контроля за экономической концентрацией в целях снижения административной нагрузки хозяйствующих субъектов. Также предусмотрено расширение контроля за экономической концентрацией на финансовых рынках⁴ (подробнее предлагаемые изменения рассмотрены в параграфе 1 главы 2).

Выводы: Исследование генезиса правового регулирования контроля за экономической концентрацией позволяет сделать вывод о том, что в связи с растущей угрозой монополизации рынков цифровыми гигантами современное право сталкивается с вызовами, сопоставимыми с событиями времен промышленной революции конца XIX века, которые положили начало антимонопольному законодательству в США. Институт антимонопольного контроля за экономической концентрацией развивается вместе с экономикой, процессами концентрации рынка, антиконкурентной практикой хозяйствующих

---

¹ Разъяснения ФАС России «Разъяснения по порядку и методике анализа соглашений о совместной деятельности». 2013. URL: <https://fas.gov.ru/documents/575737> (дата обращения: 01.06.2024).

² Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» (законопроект № 565349-8). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/565349-8> (дата обращения: 01.06.2024).

³ Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период 2013-2024 гг. (утв. Президиумом ФАС России 03.07.2013). СПС КонсультантПлюс.

⁴ Проект Федерального закона «О внесении изменений в статью 29 Федерального закона «О защите конкуренции» (законопроект № 709858-8). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/709858-8> (дата обращения: 30.08.2024).

субъектов. Специальное правовое регулирование контроля за экономической концентрацией на цифровых рынках в ЕС, а также введенные в США меры, направленные на адаптацию антимонопольного регулирования к потребностям развития цифровой экономики, несомненно, будут служить адекватным ответом на существующие вызовы цифровой трансформации. При этом очевидно, что процесс формирования антимонопольного регулирования в рассматриваемой сфере не закончен.

Российское законодательство о контроле за экономической концентрацией является образцом молодого законодательства, которое восприняло наиболее прогрессивные инструменты, используемые в зарубежных правовых системах, учитывая при этом особенности отечественной правовой системы. Российское антимонопольное законодательство о контроле за экономической концентрацией образца 1991 г., 2006 г. и, наконец, 2024 г. существенно различается, что говорит не только об истории становления новой сферы регулирования, но и о потенциале и перспективах ее будущего развития. В новой цифровой реальности, как и в предшествующие периоды, антимонопольное законодательство остается восприимчивым к происходящим переменам.

В настоящее время возникает необходимость учета в нормах отечественного законодательства о контроле за экономической концентрацией позитивного опыта других юрисдикций, прежде всего, в части критериев экономической концентрации и оценки допустимости действий по экономической концентрации, поскольку в условиях цифровой экономики сделки (иные действия) приобретают трансграничный характер, что позволит адаптировать российское законодательство к мировым стандартам, будет способствовать созданию единого последовательного подхода в отношении сделок (иных действий) в технологическом секторе.

§2. Экономическая концентрация и ее особенности в условиях цифровой экономики. Виды экономической концентрации

Экономическая концентрация в экономике и праве рассматривается как единое явление, имеющее различные формы своего внешнего выражения¹.

Концепция экономической концентрации в экономической науке является составной частью структуры рынка как базовой экономической категории². При этом термин «экономическая концентрация» определяется как «сосредоточение экономически значимых признаков или характеристик в руках незначительного количества хозяйствующих субъектов»³.

Следует заметить, что в отечественной литературе понятие «экономическая концентрация» до перехода в конце XX века к рыночной экономике использовалось редко. Так, В.И. Ленин рассматривал концентрацию в качестве условия появления монополии: «Концентрация, на известной ступени ее развития, сама собой подводит, можно сказать, вплотную к монополии. ... затруднение конкуренции, тенденция к монополии порождается именно крупным размером предприятий»⁴. В современной юридической литературе указывается, что экономическая концентрация ведет к изменению рыночного потенциала отдельных предприятий либо к уменьшению числа независимых производственных объектов⁵.

По вопросу правового содержания термина «экономическая концентрация» имеются различные позиции.

С.А. Пузыревский и Д.И. Серегин под экономической концентрацией в широком смысле понимают процесс изменения состояния конкуренции на рынке

---

¹ Семякин М.Н. Экономическая концентрация как междисциплинарная модель познания в правоведении и экономической науке // Государственно-правовые явления. 2020. Вып. 3. С. 42.

² Князева И.В. Антимонопольная политика в России: учеб. пособие. М.: Омега-Л, 2008. С. 56.

³ Там же.

⁴ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 27. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 311.

⁵ Экономическая концентрация: опыт экономико-правового исследования рыночных и юридических конструкций: монография / отв. ред. д.ю.н. М.А. Егорова (автор параграфа – А.Ю. Кинев). СПС Гарант.

вследствие действий хозяйствующего субъекта¹. В.Ф. Попондопуло определяет экономическую концентрацию как результат сделок (иных действий), предусмотренных главой 7 Закона о защите конкуренции и оказывающих влияние на состояние конкуренции².

Согласно позиции Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) концентрация – операция, предполагающая устойчивое изменение структуры управления предприятием или его части³.

Согласно п. 21 ст. 4 Закона о защите конкуренции экономическая концентрация представляет собой «сделки, иные действия, осуществление которых оказывает влияние на состояние конкуренции». Определение схожего содержания закреплено в пп. 21 п. 2 Приложения № 19 к Договору о ЕАЭС, а также в п. 18 ст. 2 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о единых правилах конкуренции 2022 г.: «сделки, иные действия, осуществление которых оказывает или может оказать влияние на состояние конкуренции».

Указанное в российском Законе определение подвергается критике со стороны отечественных исследователей. В частности, Д.И. Серегин называет его чрезмерно широким, поскольку не уточняет ни характер влияния на конкуренцию (отрицательное/положительное), ни механизм такого влияния (например, влиять на конкуренцию могут и обычные предпринимательские договоры)⁴. К.Б. Овакимян предлагает уточнить законодательное определение экономической концентрации, понимая под ней сделки, иные действия, которые влекут такое перераспределение объектов гражданских прав, при котором изменяются

---

¹ Гаврилов Д.А., Пузыревский С.А., Серегин Д.И. Конкурентное право: учебник / отв. ред. С.А. Пузыревский. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. С. 272 (авторы главы – С.А. Пузыревский и Д.И. Серегин).

² Предпринимательское право: учебник: в 2 т. / под ред. В.Ф. Попондопуло. 6-е изд., перераб. и доп. Т. 1. М.: Проспект, 2023. СПС КонсультантПлюс.

³ Challenges in the design of a merger control regime for young and small competition authorities. Note by the UNCTAD secretariat / United Nations Conference on Trade and Development. TD/B/C.I/CLP/45. 26.04.2017. P. 5. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ciclpd45_en.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ Серегин Д.И. Особенности контроля экономической концентрации при приобретении основных производственных средств и нематериальных активов // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2020. № 1. С. 29.

возможности хозяйствующих субъектов в одностороннем порядке оказывать влияние на общие условия обращения товаров на рынке¹.

Из приведенных определений можно выделить следующие признаки экономической концентрации: 1) наличие действия; 2) оказание (возможность оказания) таким действием влияния на состояние конкуренции. Остановимся на анализе каждого признака подробнее.

1. Наличие действия. Итак, с позиций теории юридических фактов факты реальной действительности, с которыми правовыми актами связывается возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей², подразделяются в зависимости от наличия/отсутствия воли участников правоотношений на действия и события³.

В теории права к юридическому действию относят волевое поведение людей, внешнее выражение воли и сознания граждан, воли организаций⁴. В.А. Белов указывает, что действия – сознательные и волевые обстоятельства реальной действительности, направленные на достижение определенного результата⁵. В свою очередь, действия подразделяются на правомерные и неправомерные. К неправомерным действиям относятся, например, сделки, признанные недействительными или являющиеся ничтожными в силу прямого указания закона, к правомерным – юридические акты (сделки, решения собраний, административные акты, судебные решения⁶) и юридические поступки⁷.

Основным видом правомерного юридического действия является сделка, поскольку именно посредством сделки достигается хозяйственная цель субъекта⁸. Сделки – действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (ст. 153 ГК РФ). Выделяются следующие

---

¹ Овакимян К.Б. Правовое регулирование государственного контроля за экономической концентрацией: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 29-30.

² Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. I: Общая часть / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. С. 377 (автор параграфа – В.С. Ем).

³ Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву / отв. ред. С.И. Аскназий. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. С. 80.

⁴ Алексеев С.С. Общая теория права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 405.

⁵ Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. II. Лица, блага, факты: учебник. М.: Юрайт, 2013. С. 470-471.

⁶ Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. I: Общая часть. С. 378-382 (автор параграфа – В.С. Ем).

⁷ Там же. С. 382 (автор параграфа – В.С. Ем).

⁸ Филиппова С.Ю. Юридические факты в гражданском праве. Часть 1: Правомерные юридические действия: гражданско-правовые проблемы классификации. М.: Статут, 2020. С. 192.

признаки сделок, отличающие их от иных действий: осознанный, целенаправленный, волевой характер; сделки всегда являются волеизъявлениями, адресованными другим лицам; цель совершающих сделку лиц носит всегда правовой характер; сделки – только правомерные действия, совершенные в соответствии с законом¹.

Юридические поступки понимаются в доктрине как правомерные юридические действия, с которыми нормы права связывают юридические последствия вне зависимости от наличия/отсутствия направленности действия на указанные последствия² (например, создание произведений литературы, науки и искусства).

С.Ю. Филиппова указывает на отсутствие возможности установления закрытого перечня юридических действий, признаваемых в качестве юридических фактов, поскольку они выводятся из общего начала и смысла гражданско-правового регулирования, фиксируемого главным образом в источниках неписаного права (принципах права, правовых обычаях) в конкретный исторический момент в соответствии с текущими экономическими и социальными потребностями³.

Как отмечают М.А. Егорова и Д.А. Петров, для целей антимонопольного законодательства в качестве юридических фактов рассматриваются обстоятельства, которые порождают предпосылки для его нарушения, что влечет применение предупредительных или пресекательных мер⁴.

2. Оказание (возможность оказания) действием влияния на состояние конкуренции. Конкуренция определяется как соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на рынке (п. 7 ст. 4

---

¹ Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. I: Общая часть. С. 385-389 (автор параграфа – В.С. Ем).

² Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. С. 156.

³ Филиппова С.Ю. Юридические действия как юридические факты в российском гражданском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. С. 12.

⁴ Юридические факты и их влияние на отраслевые институты права: проблемы и направления развития: монография / под общ. ред. В.Н. Синюкова, М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2021. С. 279 (авторы параграфа – М.А. Егорова, Д.А. Петров).

Закона). С.А. Паращук понимает под конкуренцией состязательность хозяйствующих субъектов за потребительский спрос на рынке, обусловленную факторами экономического, этического и правового характера, направленную на получение прибыли¹. Г.Ф. Шершеневич применительно к понятию конкуренции относил к условиям экономического характера наличие общественного разделения труда, специализации производства; юридического характера – наличие норм, основанных на принципах свободного развития предпринимательства, равенства участников имущественных отношений, охраны частной собственности, свободы договора; относительно этического характера указывал, что «если бы человек совершенно отрекся от личного расчета и проникся альтруистическими мотивами... конкуренция была бы немислима»². В юридической литературе конкуренция характеризуется в целом как общественное благо, правовая ценность³.

Рассматривая состояния как особую группу юридических фактов, С.С. Алексеев определяет состояния как обстоятельства, которые существуют длительное время, непрерывно или периодически порождают правовые последствия⁴. Состояние конкуренции применительно к затрагиваемым сделкой (иным действием) рынкам подлежит анализу при осуществлении контроля за экономической концентрацией. Исходя из установленной Порядком проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке, утвержденным Приказом ФАС России от 28.04.2010 № 220 (далее – Приказ № 220)⁵, структуры такого анализа, состояние конкуренции определяется, в частности, количеством хозяйствующих субъектов, действующих на соответствующем рынке, их долями, барьерами входа. Экономическая концентрация может влиять на конкуренцию

---

¹ Паращук С.А. Недобросовестная конкуренция: содержание и правовые средства ее пресечения): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995.

² Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. СПб.: Тип. т-ва печ. и изд. дела Труд, 1908. С. 109.

³ Паращук С.А. Правовое обеспечение защиты конкуренции в российском правовом порядке: состояние и тенденции развития // Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография / отв. ред. Е.П. Губин. М.: Юстицинформ, 2019. СПС КонсультантПлюс.

⁴ Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1964. С. 157.

⁵ Приказ ФАС России от 28.04.2010 № 220 (ред. от 12.03.2020) «Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке» (Зарегистрировано в Минюсте России 02.08.2010 № 18026) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 34. 23.08.2010.

как негативно (объединение компаний с целью доминирования на рынке), так и позитивно (объединение активов с целью создания нового производства)¹.

При этом, если согласно российскому законодательству экономическую концентрацию составляют лишь действия, фактически влияющие на конкуренцию (п. 21 ст. 4 Закона), то на уровне ЕАЭС действия могут являться экономической концентрацией и в том случае, когда они могут оказать такое влияние. Последний случай охватывает ситуации, когда такое воздействие на состояние конкуренции лишь предполагается. Данный подход представляется более верным, поскольку сделки (иные действия), подпадающие под контроль за экономической концентрацией, необязательно приводят к антиконкурентным последствиям, однако могут к ним привести².

Таким образом, объективно усматривается необходимость уточнения определения понятия «экономическая концентрация» в Законе о защите конкуренции. При этом существующее широкое законодательное определение понятия экономической концентрации позволяет обеспечить гибкость устанавливаемых законодателем границ антимонопольного контроля в данной сфере.

Рассмотрим особенности экономической концентрации в условиях цифровой экономики. В современном мире неотъемлемой частью предпринимательской деятельности стали цифровые коммуникации. Цифровизация породила глубокие структурные изменения, затрагивающие практически все экономики, которые заключаются в объединении цифровых технологий с физическим миром³.

Цифровую экономику принято рассматривать как экономическую деятельность по использованию хозяйствующими субъектами информационных

---

¹ Петров Д.А., Попондопуло В.Ф. Конкурентное право: учебник и практикум для вузов / под общ. ред. В.Ф. Попондопуло. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2023. С. 233-234.

² Экономическая концентрация: опыт экономико-правового исследования рыночных и юридических конструкций: монография (автор параграфа – М.А. Егорова). СПС Гарант.

³ Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху. Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции. С. 33.

систем (платформ) в информационно-телекоммуникационных сетях¹. Цифровая экономика согласно позиции Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) включает в себя рынки, основанные на цифровых технологиях (обычно такие цифровые рынки связаны с торговлей информационными товарами или услугами посредством электронной торговли)², всю экономическую деятельность, зависящую от использования цифровых ресурсов или значительно улучшенную за счет их использования, включая цифровые технологии, цифровую инфраструктуру, цифровые услуги и данные³. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы⁴ связывает цифровую экономику с данными в цифровом виде как ключевым фактором производства.

Цифровая экономика включает, прежде всего, цифровые рынки⁵ – товарные рынки, основанные на цифровых технологиях. К таким рынкам относятся, в частности, рынок операционных систем; смартфонов, компьютеров, приложений для них; поисковых систем; коммуникационных сервисов; маркетплейсов⁶.

Следует отметить, что хотя термин «цифровые рынки» широко используется, правовое определение таких рынков в отечественном законодательстве не сформулировано. Вместе с тем Акт о цифровых рынках, конкуренции и потребителях Великобритании 2024 г.⁷, устанавливающий специальное регулирование контроля за экономической концентрацией в

---

¹ Егорова М.А., Петров Д.А., Попондопуло В.Ф. Цифровая (платформенная) экономика в свете антимонопольного регулирования (сетевой эффект, цифровая платформа, запрет монополистической деятельности) // Конкурентное право. 2024. № 1. С. 2-3.

² The Digital Economy // OECD. DAF/COMP(2012)22. 07.02.2013. P. 5. URL: <https://www.oecd.org/daf/competition/The-Digital-Economy-2012.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

³ A Roadmap Toward a Common Framework for Measuring the Digital Economy: [9] Report for the G20 Digital Economy Task Force // OECD. 2020. P. 5. URL: <https://web-archiv.oecd.org/2020-07-23/559604-roadmap-toward-a-common-framework-for-measuring-the-digital-economy.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 15.05.2017. № 20. Ст. 2901.

⁵ Цифровые рынки – это рынки, на которых хозяйствующие субъекты разрабатывают и применяют новые технологии на благо других хозяйствующих субъектов и потребителей или создают совершенно новые продукты и услуги, используя цифровые возможности, объединяя группы потребителей новыми и инновационными способами. К цифровым относятся рынки социальных сетей, мобильных приложений и маркетплейсов. См. подробнее: Digital Markets, Competition and Consumers Bill. Explanatory Notes. 08.11.2023. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/bills/cbill/58-04/0003/en/230003enlp.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

⁶ Маслов А.О. Цифровые рынки в конкурентном праве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 2. С. 56.

⁷ Digital Markets, Competition and Consumers Act 2024. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2024/13> (дата обращения: 01.06.2024).

отношении субъектов предпринимательства, осуществляющих цифровую деятельность – имеющих стратегический статус на рынке, определяет цифровую деятельность как: а) оказание услуг через сеть Интернет за плату или иным образом; б) предоставление цифрового контента за плату или иным образом; в) любую другую деятельность для целей деятельности, указанной в пункте «а» или «б» (ст. 3(1)).

К.А. Писенко, Э.Г. Гаспарян относят к рынкам цифровой экономики рынки, на которых сферой обращения товара является сеть Интернет и (или) самим товаром являются товары, которые возможно реализовывать исключительно в цифровом виде¹.

Учитывая изложенное, к цифровым рынкам следует относить товарные рынки, основанные на цифровых платформах и иных цифровых технологиях. К таким цифровым технологиям следует относить, в частности, искусственный интеллект и машинное обучение, Интернет вещей, технологии дополненной реальности, технологии сбора и обработки больших данных, облачные сервисы, технологии защиты и безопасности в Интернете². Однако понятие цифровой экономики не ограничивается цифровыми рынками, в связи с тем, что цифровизация оказывает влияние на экономику и общество в целом³.

В условиях цифровой экономики процессы экономической концентрации сохраняются, но их содержание трансформируется, что усложняет оценку экономической концентрации антимонопольным регулятором. Процессы экономической концентрации в современном мире характеризуются заметным ускорением: увеличивается не только абсолютное число операций, но и темпы их роста, объемы сделок, растет число международных сделок⁴. В целом процессы экономической концентрации обусловлены объективными экономическими

---

¹ Писенко К.А., Гаспарян Э.Г. Актуальные вопросы правового обеспечения антимонопольной политики на цифровых финансовых рынках // Финансовое право. 2018. № 8. С. 34-38. СПС КонсультантПлюс.

² Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 31.

³ Егорова М.А., Петров А.А., Кожевина О.В. Влияние цифровизации на реализацию антимонопольного регулирования и контроля за экономической концентрацией в высокотехнологичном секторе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. Т. 13. 2022. № 2. С. 330.

⁴ Ячеистова Н. Глобализация и конкуренция // Конкурентная Россия. Метаморфозы конкуренции. Конкурентная политика. Экономический рост / под ред. И.Ю. Артемьева, А.Н. Голомолзина, В.А. Димова и др. М.: Издательство Московского университета, 2004. С. 57-58.

причинами и в условиях глобализации рынков являются важным средством конкурентной борьбы¹.

Экономическая концентрация обладает существенной спецификой на цифровых рынках. Данная специфика обусловлена особенностями цифровых рынков, цифровых моделей осуществления предпринимательской деятельности.

Во-первых, цифровые рынки, как правило, имеют глобальный характер, поскольку географические барьеры и ограничения для таких рынков перестают иметь значение². Географические границы рынков, как и продуктовые, в условиях трансформации экономики имеют тенденцию к расширению: часто почти невозможно определить границы соответствующего рынка в связи с низкой или нулевой ценой транспортировки цифровых товаров, в связи с чем рынки оцениваются регуляторами широко – в качестве глобальных³.

Во-вторых, цифровые модели осуществления предпринимательской деятельности часто характеризуются значительной экономией от масштаба. Например, предоставление услуг новому пользователю обычно связано лишь с минимальными предельными издержками для цифровой компании⁴. Помимо этого, на многих цифровых рынках важную роль также играет экономия от охвата, которая имеет место, если предложение различных товаров одной компанией может быть реализовано с меньшими затратами, чем предложение этих продуктов разными компаниями⁵. Более того, для выхода на новые рынки действующие игроки могут использовать свою существующую базу пользователей, что обеспечит сильные сетевые эффекты. Именно поэтому цифровая экономика благоприятствует развитию экосистем, предоставляя действующим игрокам конкурентное преимущество⁶.

---

¹ Ячеистова Н. Указ. соч. С. 57-58.

² Unlocking digital competition, Report of the Digital Competition Expert Panel 38 (Mar. 2019). P. 32. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/785547/unlocking_digital_competition_furman_review_web.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

³ Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху. Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции. С. 63.

⁴ Crémer J., de Montjoye Y.-A., Schweitzer H. Competition policy for the digital era. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019. P. 20.

⁵ Гохан П.А. Слияния, поглощения и реструктуризация компаний / пер. с англ. 4-е изд. М.: Альпина Паблишерз, 2010. С. 157-158.

⁶ Crémer J., de Montjoye Y.-A., Schweitzer H. Op. cit. P. 2.

Для целей правового регулирования цифровая экосистема определяется как сообщество экономических субъектов, сервисов и связей между ними, функционирующих в цифровых условиях¹. Указанный подход к определению цифровой экосистемы отражен в Решении Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года»². Такая экосистема может быть отражена в технической связи между различными товарами, предлагаемыми компанией³. Это может привести к взаимодополняемости или синергии⁴. В этом контексте исследователи подчеркивают, что чрезвычайно важно понимать системную конкуренцию, а не фокусироваться на узко определенном соответствующем рынке⁵.

В-третьих, особенностью цифровых рынков является высокая динамика их развития. Быстрое технологическое развитие ведет к структурным трансформациям на рынках, с изменением старых рынков и формированием новых. В таких условиях одним из ключевых вопросов становится поиск и применение надлежащих инструментов для адаптации антимонопольного регулирования к динамичному характеру цифровой экономики⁶.

В-четвертых, заметную роль в цифровых моделях осуществления предпринимательской деятельности и цифровых рынках играют инновации⁷. При этом сделки по приобретению крупными участниками зарождающихся стартапов, которые далеко не всегда подпадают под антимонопольный контроль, могут

---

¹ Вайпан В.А. Понятие цифровой экосистемы и принципы ее регулирования // Проблемы создания цифровой экосистемы: правовые и экономические аспекты: монография, коллектив авторов / под ред. д.ю.н., доц. В.А. Вайпана, д.ю.н., проф. М.А. Егоровой. М.: Юстицинформ, 2021. СПС Гарант.

² Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org>. 10.11.2017. СПС КонсультантПлюс.

³ Харитоновна Ю.С. Регулирование цифровых экосистем: вопросы правовой политики // Проблемы создания цифровой экосистемы: правовые и экономические аспекты: монография, коллектив авторов; под ред. В.А. Вайпана, М.А. Егоровой. М.: Юстицинформ, 2021. СПС Гарант; Вайпан В.А. Понятие цифровой экосистемы и принципы ее регулирования. СПС Гарант.

⁴ Bourreau M. and de Streel A. Digital Conglomerates and EU Competition Policy. 11.03.2019. P. 11. URL: <https://ssrn.com/abstract=3350512> (дата обращения: 01.06.2024).

⁵ Zingales N., Renzetti B. Digital Platform Ecosystems and Conglomerate Mergers: A Review of the Brazilian Experience // World Competition. 2022. Vol. 45 (4). P. 473-510.

⁶ Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху. Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции. С. 34.

⁷ Crémer J., de Montjoye Y.-A., Schweitzer H. Op. cit. P. 35.

привести к негативному воздействию на инновации, в частности, путем прекращения инновационной деятельности объекта экономической концентрации после сделки.

В-пятых, ключевая роль на цифровых рынках отводится цифровым платформам¹, функционирующим на многосторонних рынках². Согласно п. 4.1 ст. 4 Закона цифровая платформа – программа (совокупность программ) для ЭВМ в информационно-телекоммуникационных сетях, обеспечивающая совершение сделок между продавцами и покупателями товаров.

Многосторонней именуется платформа, владелец которой оказывает услуги двум и более разным категориям потребителей³. Дискуссионным остается вопрос порядка определения многостороннего рынка: следует ли определять его в качестве единого рынка или отдельно в отношении каждой из сторон⁴.

В-шестых, многие цифровые модели осуществления предпринимательской деятельности и рынки характеризуются сетевыми эффектами⁵. Согласно п. 4.1 ст. 4 Закона о защите конкуренции сетевой эффект – свойство рынка, при котором потребительская ценность цифровой платформы изменяется в зависимости от изменения количества продавцов и покупателей на платформе. Прямой сетевой эффект состоит в том, что потребители получают выгоду от применения товара в зависимости от общего количества его потребителей⁶, косвенный – в изменении ценности товара для одной группы пользователей при изменении количества пользователей в другой группе⁷. Сетевые эффекты способны приводить как к

---

¹ Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху. Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции. С. 34.

² Доценко А.В., Иванов А.Ю. Антимонопольное регулирование, цифровые платформы и инновации: дело Google и выработка подходов к защите конкуренции в цифровой среде // Закон. 2016. № 2. С. 38.

³ Маслов А.О. Антимонопольные требования к функционированию цифровых платформ: правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 26.

⁴ Егорова М.А., Хохлов Е.С. Современные проблемы анализа товарных рынков для целей антимонопольного регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 1. С. 113-114.

⁵ Market Definition in Multi-Sided Markets - Note by Dr Lapo Filistrucchi // OECD. DAF/COMP/WD(2017)27/FINAL. 12.01.2018. P. 2. URL: [https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/WD\(2017\)27/FINAL/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/WD(2017)27/FINAL/en/pdf) (дата обращения: 01.06.2024).

⁶ Маслов А.О. Антимонопольные требования к функционированию цифровых платформ: правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. С. 44.

⁷ Борзило Е.Ю. Эволюция определения «доминирующее положение» в российском антимонопольном законодательстве // Закон. 2018. № 10. С. 120-126. СПС КонсультантПлюс.

содействию предпринимательской деятельности, так и к ограничивающему конкуренцию поведению, и выступать серьезным барьером входа на рынок¹.

Кроме того, товары на цифровых рынках часто предоставляются одной стороне рынка по нулевой цене² в обмен на персональные данные и финансируются за счет размещения таргетированной рекламы другой стороной платформы³. Отсутствие доходов от реализации товаров на одной из сторон платформы создает потребность в новых показателях для измерения рыночной власти.

Применение новейших технологий для обработки получаемых от пользователей больших массивов данных делает возможным мгновенное выявление и анализ закономерностей в поведении потребителей с помощью алгоритмов и позволяет хозяйствующим субъектам быстро корректировать свою маркетинговую стратегию. Такие технологии способствуют появлению в рыночной экономике новых видов экономических отношений, которые базируются на больших данных⁴. На цифровых рынках большие данные играют ключевую роль как в качестве актива, так и в качестве входных данных для алгоритмических систем платформ, создавая ценность для платформы и становясь важнейшим источником рыночной власти⁵.

Обеспокоенность регуляторов по поводу уровня агрегирования данных и ценности больших массивов данных часто занимает центральное место в действиях по экономической концентрации на цифровых рынках. Проблема состоит в том, что характер таких данных, их разнообразие и уровень взаимозаменяемости, а также их объем являются ключевыми факторами для определения ущерба конкуренции, но их может быть трудно принять во внимание

---

¹ Егорова М.А., Петров Д.А., Попондопуло В.Ф. Указ. соч. С. 4.

² Егорова М.А., Петров А.А., Кожевина О.В. Указ. соч. С. 335.

³ Ex-Post Assessment of Merger Control Decisions in Digital Markets. P. 5.

⁴ Чепурнова Н.М., Мурызева В.О. Свободная конкуренция в условиях цифровой экономики: механизмы защиты // Государственная служба. 2020. Т. 22. № 2. С. 37.

⁵ Theories of harm for digital mergers - Background Note - by the Secretariat // Organisation for Economic Co-operation and Development. DAF/COMP(2023)6. 28.04.2023. P. 8. URL: [https://one.oecd.org/document/DAF/COMP\(2023\)6/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DAF/COMP(2023)6/en/pdf) (дата обращения: 01.06.2024).

в рамках традиционного подхода к анализу состояния конкуренции, ориентированного на цену¹.

Затраты потребителей на переключение на альтернативных поставщиков также распространены на цифровых рынках: деятельность владельцев цифровых платформ и поставщиков услуг может быть направлена на ограничение возможности перехода потребителей к другим поставщикам и доступности альтернативных поставщиков, препятствуя и ограничивая взаимодействие между системами².

В результате особые характеристики цифровых рынков и цифровых моделей осуществления предпринимательской деятельности создают серьезные барьеры входа на рынок. Крупные участники таких рынков получают огромное преимущество за счет масштаба своей деятельности, а также от обработки больших массивов данных³, чего лишены малые игроки. Более того, поскольку существуют высокие барьеры входа⁴, маловероятно, что цифровые рынки быстро самокорректируются, особенно если действующие участники могут использовать свою прибыль для покупки зарождающихся конкурентов⁵.

Кроме того, особенности цифровых рынков, которые признаются в настоящее время высококонцентрированными⁶, обуславливают неопределенность в оценке возможных последствий концентрации для конкуренции на таких рынках. В частности, если объект экономической концентрации еще не является конкурентом приобретателя на момент сделки, или если горизонтальные пересечения существуют только в тех областях, в которых сам приобретатель еще

---

¹ Theories of harm for digital mergers - Background Note - by the Secretariat. P. 9.

² Егорова М.А., Кожевина О.В., Кинев А.Ю. Правовая защита конкуренции в условиях формирующихся цифровых рынков // Lex russica. Т. 74. 2021. № 2 (171). С. 43.

³ Stigler Committee on Digital Platforms. Final Report // Stigler Center for the Study of the Economy and the State. 2019. P. 40. URL: <https://www.chicagobooth.edu/-/media/research/stigler/pdfs/digital-platforms---committee-report---stigler-center.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ См., например, Решение Комиссии ФАС России от 18.09.2015 по делу № 1-14-21/00-11-15. URL: https://br.fas.gov.ru/generate_pdf/cb7f3315-ce72-4d4c-80b3-6fd2c41ced32/&ved=2ahUKEwjKs9qA5e-GAxUiBhAIHRs9BHEQFnoECBUQAQ&usg=AOvVaw0awMpTKHSDhUyejMxMMI2O (дата обращения: 01.06.2024).

⁵ Stigler Committee on Digital Platforms. Final Report. P. 81.

⁶ Укрепление защиты прав потребителей и усиление конкуренции в цифровой экономике. Записка секретариата ЮНКТАД TD/RBP/CONF.9/4. 29.07.2020. С. 12. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdrbpconf9d4_ru.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

не занимает сильной позиции на рынке, спрогнозировать влияние концентрации на конкуренцию может быть затруднительно¹.

Учитывая изложенное, под экономической концентрацией на цифровых рынках понимаются сделки, иные действия, осуществление которых оказывает или может оказать влияние на состояние конкуренции на товарных рынках, основанных на цифровых платформах, иных цифровых технологиях и характеризующихся большими данными и сетевыми эффектами как барьерами входа на товарный рынок, многосторонностью, высокой динамикой развития, инновационностью, экономией от масштаба и охвата.

Высокая экономическая концентрация является одним из последствий цифровизации. Контроль за экономической концентрацией в условиях цифровой экономики должен выступать барьером злоупотребления рыночной властью. Цель компетентных органов состоит в формировании правового регулирования антимонопольного контроля в отношении цифровых рынков, посредством которого хозяйствующие субъекты будут способны максимально использовать возможности, связанные с развитием цифровой экономики, но при этом экономическая концентрация не будет препятствовать конкуренции на подверженных цифровой трансформации рынках.

В литературе выделяется три вида экономической концентрации: горизонтальная, вертикальная и конгломератная². Основанием для такой классификации выступает характер отношений между хозяйствующими субъектами – участниками действий по экономической концентрации.

Так, горизонтальной называется концентрация, при которой один хозяйствующий субъект совершает действия по экономической концентрации в отношении другого субъекта (конкурента), действующего на том же рынке³. Данный вид концентрации представляет наибольшую опасность для состояния конкуренции, поскольку может приводить к возникновению, усилению

---

¹ Shapiro C. Protecting Competition in the American Economy: Merger Control, Tech Titans, Labor Markets // Journal of Economic Perspectives. 2019. Vol. 33. No. 3. P. 69.

² Авдашева С.Б., Шаститко А.Е., Калмычкова Е.Н. Указ. соч. С. 101.

³ Овакимян К.Б. Правовое регулирование государственного контроля за экономической концентрацией: монография. М.: Проспект, 2024. С. 38.

доминирующего положения участника рынка¹, может непосредственно влиять на структуру рынка и создать, увеличить барьеры входа². Поэтому нормами антимонопольного права в большинстве правопорядков регулируется в первую очередь именно этот вид концентрации³.

Так, например, ФАС России приняла решение об отказе в согласовании сделки по приобретению ООО «Авито Холдинг» (сервис объявлений Avito) прав определять условия осуществления предпринимательской деятельности ООО «Айриэлтор» и ООО «Н1.РУ» (в группу которых входит сервис поиска жилья «Циан»), поскольку совершение указанной сделки могло привести к возникновению доминирующего положения с совокупной долей более 50% и ограничению конкуренции на рынке, и с большей вероятностью после совершения сделки цены на услуги Avito и «Циан» были бы повышены на обеих сторонах платформ – на стороне профессиональных участников (застройщиков, риэлторских агентств) и на стороне пользователей – физических лиц⁴.

В свою очередь, негоризонтальная (вертикальная, конгломератная) концентрация традиционно считалась в меньшей степени способной оказать негативное влияние на конкуренцию, поскольку эффективность, которая может возникнуть в результате таких сделок (иных действий) в виде снижения двойной маржи, транзакционных издержек, экономии за счет масштаба и охвата, а также создания стимулов для инвестиций и инноваций (п. 3.4 Разъяснения № 19, § 10-14 Руководства Европейской комиссии о негоризонтальных слияниях 2008 г.), как правило, уравнивает потенциальный вред конкуренции⁵. Вместе с тем вертикальная и конгломератная концентрация на цифровых рынках может в большей степени, чем на традиционных, представлять существенную угрозу конкуренции в связи с влиянием сетевых эффектов и развитием экосистемных моделей осуществления предпринимательской деятельности.

---

¹ Экономическая концентрация: опыт экономико-правового исследования рыночных и юридических конструкций: монография (автор параграфа – Д.А. Петров). СПС Гарант.

² Слияния и поглощения в системе современной экономики: монография / под ред. А.Н. Фоломьева. М.: РАГС, 2010. С. 26.

³ Там же.

⁴ ФАС России отказала Авито в покупке Циан // ФАС России. 06.10.2021. URL: <https://fas.gov.ru/news/31531> (дата обращения: 01.06.2024).

⁵ Theories of harm for digital mergers - Background Note - by the Secretariat. P. 17.

Вертикальная концентрация имеет место при участии в сделке (ином действии) хозяйствующих субъектов, отвечающих за различные стадии производства: от добычи сырья до реализации произведенной продукции. Этот вид концентрации может создать препятствия для входа на рынки верхнего и последующего передела или вынудить конкурентов осуществлять схожую вертикальную концентрацию для того, чтобы выдержать конкуренцию¹.

В п. 2.5 Руководства о слияниях Министерства юстиции США и ФТК 2023 г. указывается, что сделки, затрагивающие товары, которые конкуренты могут использовать для соперничества, могут поставить под угрозу конкуренцию несколькими способами, например: а) приобретатель (объединенная в результате реорганизации компания) может ограничить доступ конкурентов к таким товарам; б) приобретатель (объединенная в результате реорганизации компания) может получить или увеличить доступ к имеющей значение для конкуренции конфиденциальной информации конкурентов; в) угроза ограниченного доступа к ресурсам может удержать действующих и потенциальных конкурентов от инвестирования.

Таким образом, вертикальная концентрация также способна оказать значительное негативное влияние на конкуренцию. Такое воздействие на цифровых рынках в силу их особенностей может быть более существенным, чем на традиционных². Примером вертикальной концентрации является слияние биотехнологических компаний Illumina/GRAIL. Европейская комиссия запретила слияние, поскольку пришла к выводу, что компания (участник слияния), владеющая активами, необходимыми для инноваций, или разрабатывающая новые технологии, на которые полагаются другой участник слияния и его конкуренты, после слияния может иметь стимулы лишить его конкурентов доступа к этим инновационным активам, что может не только ограничить

---

¹ Игнатишин Ю.В. Слияния и поглощения: стратегия, тактика, финансы. СПб.: Питер, 2005. С. 65.

² Theories of harm for digital mergers - Background Note - by the Secretariat. P. 17.

конкуренцию на рынке нижнего передела, но и привести к ущербу развитию инноваций в более широком смысле¹.

Наконец, конгломератной называется концентрация, участниками которой выступают субъекты, не действующие на одном и том же или на вертикально связанных рынках². Конгломератная концентрация фактически представляет собой определенную форму диверсификации в не связанных между собой сферах экономической деятельности. Так, конгломератной концентрацией является сделка по приобретению ПАО Сбербанк и ООО «Цифровые активы» прав блокирования определенных решений органов управления, позволяющих определять условия предпринимательской деятельности ООО «Яндекс.Маркет» и ООО «Яндекс.Маркет Лаб», на которую было получено согласие ФАС России³.

Конгломератная концентрация, на первый взгляд, представляет наименьшую угрозу для конкуренции. Однако даже она вполне может вызвать обеспокоенность, особенно в контексте цифровой экономики и распространения экосистемных моделей осуществления предпринимательской деятельности⁴. Приобретатель (объединенный в результате реорганизации хозяйствующий субъект) может объединить продажу товаров, которые до осуществления сделки (иного действия) реализовывались отдельно. Хотя использование модели связанных продаж может представлять собой преимущество для некоторых потребителей, оно также может устранить конкурентов, которые не могут конкурировать с такой пакетной моделью осуществления предпринимательской деятельности⁵.

Так, компания Delivery Hero, владелец платформы онлайн-заказа из ресторанов в Греции, намеревалась осуществить ряд сделок по приобретению контроля над оптовыми поставщиками товаров в торговые сети, а также

---

¹ Mergers: Commission prohibits acquisition of GRAIL by Illumina // European Commission. 06.09.2022. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_22_5364 (дата обращения: 01.06.2024).

² Рудык Н.Б. Конгломеративные слияния и поглощения: Книга о пользе и вреде непрофильных активов. М.: Дело, 2005. С. 5.

³ Решение ФАС России от 04.04.2018. URL: <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-regulirovaniya-svyazi-i-informatsionnyh-tehnologiy/-06d699fc-402a-4bb0-8645-44b58ec57beb> (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ Robertson V. Digital Merger Control: Adapting Theories of Harm - Note by Viktoria Robertson // OECD. 16.06.2023. DAF/COMP/WD(2023)59. P. 5, 16.

⁵ Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху. Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции. С. 106.

агрегаторами для бронирования в ресторанах. Национальный регулятор пришел к выводу, что группа лиц приобретателя после сделок будет иметь возможность и стимулы объединять свои услуги по онлайн-заказу из ресторанов и онлайн-бронированию в ресторанах для потребителей – хозяйствующих субъектов, тем самым усиливая свою рыночную власть. Кроме того, объединение наборов данных из различных сервисов позволит группе лиц приобретателя реализовать персонализированную стратегию продвижения товаров, с которой ни один конкурент не сможет эффективно конкурировать. Все эти возможные проблемы конгломератного характера были отражены в предложенных приобретателем и согласованных антимонопольным органом обязательствах¹. Указанная сделка показывает, что негативные последствия конгломератной концентрации могут являться достаточно значительными и требовать выдачи предписания.

В свою очередь, при рассмотрении возможной стратегии объединения предложений двух фандрайзинг-платформ (OFP) после слияния Blackbaud/JustGiving Управление по конкуренции и рынкам Великобритании установило, что потребители обычно одновременно не покупают услуги OFP и программное обеспечение для управления отношениями с клиентами (CRM), которое предоставляла Blackbaud, и что эта компания уже безуспешно пыталась реализовать такую стратегию. Более того, ведомство посчитало пакетное предложение возможно выгодным для конкуренции в ситуации, пока конкуренты на рынке CRM не вытеснены с рынка².

Укрепление цифровой экосистемы за счет экономической концентрации обеспечивает приобретателю (объединенному в результате реорганизации хозяйствующему субъекту) более сильную рыночную позицию, что открывает новые возможности для злоупотребления. Контроль за экономической концентрацией не является панацеей, но он может в буквальном смысле

---

¹ Press Release - The HCC approves Delivery Hero's acquisition of four companies subject to commitments // Hellenic Competition Commission. 20.04.2022. URL: <https://www.epant.gr/en/enimerosi/press-releases/item/2189-press-release-the-hellenic-competition-commission-approves-delivery-hero-s-acquisition-of-four-companies-subject-to-commitments.html> (дата обращения: 01.06.2024).

² Anticipated acquisition by Blackbaud, Inc. of Giving Limited. Decision on relevant merger situation and substantial lessening of competition ME/6700-17 // Competition & Markets Authority. 08.09.2017. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/59cb693640f0b6440de0f092/bb_jg_decision.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

контролировать рыночную власть до того, как она будет укреплена или использована в дальнейшем, при применении инструментов, адаптированных к реалиям цифровой экономики.

Разграничение рассмотренных видов экономической концентрации имеет значение не только для теоретических, но и для практических целей, поскольку значительные отличия видов концентрации требуют разных подходов при анализе сделки (иного действия) антимонопольным ведомством в целях решения вопроса о ее согласовании.

Выводы: Под экономической концентрацией на цифровых рынках понимаются сделки, иные действия, осуществление которых оказывает или может оказать влияние на состояние конкуренции на товарных рынках, основанных на цифровых платформах, иных цифровых технологиях и характеризующихся большими данными и сетевыми эффектами как барьерами входа на товарный рынок, многосторонностью, высокой динамикой развития, инновационностью, экономией от масштаба и охвата.

Особые характеристики цифровых рынков, цифровых моделей осуществления предпринимательской деятельности создают предпосылки для приведения правил контроля за экономической концентрацией в соответствие с условиями цифровой экономики, формирования правового регулирования антимонопольного контроля в отношении цифровых рынков, посредством которого потенциал цифровой экономики будет максимально использоваться хозяйствующими субъектами, но при этом экономическая концентрация не будет нарушать конкуренцию на подверженных цифровой трансформации товарных рынках.

Разграничение различных видов экономической концентрации имеет значение не только для теоретических, но и для практических целей, поскольку значительные отличия видов концентрации требуют разных подходов при анализе сделки (иного действия) антимонопольным ведомством в целях решения вопроса о ее согласовании. Наиболее опасной для конкуренции является горизонтальная концентрация, поскольку она может оказывать непосредственное влияние на

структуру рынка. Вместе с тем вертикальная и конгломератная концентрация на цифровых рынках может в большей степени, чем на традиционных, представлять существенную угрозу конкуренции в связи с влиянием сетевых эффектов и развитием экосистемных моделей осуществления предпринимательской деятельности.

§3. Понятие и цели антимонопольного контроля за экономической концентрацией в условиях цифровой экономики

Антимонопольный контроль за экономической концентрацией представляет собой один из видов государственного контроля за предпринимательской деятельностью как прямого средства государственного регулирования экономики¹. Е.П. Губин подчеркивает, что суть государственного регулирования экономики состоит в деятельности государства, направленной на упорядочение отношений в рыночной экономике².

В юридической литературе под государственным контролем понимают систему действий уполномоченных органов государственной власти в отношении субъектов предпринимательской деятельности с целью выявления, пресечения и предупреждения нарушений указанными субъектами требований действующего законодательства³.

В контексте предпринимательского права государственный контроль в целом и контроль за экономической концентрацией в частности направлены на обеспечение баланса публичных и частных прав и законных интересов⁴. На необходимость обеспечения баланса частного и публичного начал в сфере экономической деятельности при осуществлении государственного вмешательства указывает и Конституционный Суд РФ⁵. А.Я. Курбатов отмечает, что баланс достигается путем воздействия государства на материальные условия деятельности носителей частного интереса с целью формирования у них

---

¹ Предпринимательское право Российской Федерации / отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лажно. 4-е изд. В 2-х т. Т. 1. М.: Норма, 2024. С. 569.

² Губин Е.П. Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства: правовые проблемы. М.: Норма, 2017. С. 116.

³ Патенкова В.Ю. Контроль за деятельностью акционерного общества: правовое регулирование: монография. М.: Юстицинформ, 2023. СПС КонсультантПлюс.

⁴ Там же; Павлов С.А. Указ. соч. С. 5.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 29.03.2011 № 2-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 4 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой муниципального образования - городского округа «Город Чита» // Собрание законодательства РФ. 11.04.2011. № 15. Ст. 2190.

интересов, совпадающих с общественными и государственными¹. При этом частные интересы субъекта предпринимательской деятельности могут ограничиваться только в той мере, в какой это необходимо для недопущения нарушения публичных интересов².

Институт контроля за экономической концентрацией служит эффективным средством антимонопольной политики и находит отражение в большинстве зарубежных право порядков³.

Отечественное законодательство не содержит определения понятия антимонопольного контроля, закрепляя лишь процедуру осуществления отдельных видов такого контроля, включая контроль за экономической концентрацией⁴. В литературе также не уделяется особого внимания соответствующей правовой категории. П.В. Самолысов представляет данное понятие в узком и широком смысле. В широком смысле он определяет антимонопольный контроль как правовой режим, направленный на предотвращение нарушения конституционных принципов рыночной экономики. В узком аспекте понятие антимонопольного контроля П.В. Самолысов рассматривает как проверку соблюдения антимонопольного законодательства⁵. Схожее определение приводит и С.А. Павлов⁶.

В свою очередь, контроль за экономической концентрацией В.Г. Истомин рассматривает как проверку соблюдения законодательных требований о предварительном согласовании с антимонопольным ведомством или уведомлении относительно совершения сделок (иных действий), в отношении которых законодательством введена специальная процедура их совершения⁷. С.А. Пузыревский и Д.И. Серегин под контролем экономической концентрации

---

¹ Курбатов А.Я. Сочетание частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности. М.: Центр ЮрИнфоР, 2001. С. 156.

² Шувалов И.И. Соотношение частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности // Экономика. Право. Общество. Т. 7. 2022. № 1 (29). С. 29.

³ Тотьев К.Ю. Конкурентное право (правовое регулирование конкуренции). Учебник. М.: Издательство РДЛ, 2000. С. 231.

⁴ Истомин В.Г. Государственный антимонопольный контроль за экономической концентрацией: современное состояние и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 4. С. 202.

⁵ Самолысов П.В. Антимонопольный контроль в Российской Федерации: генезис, сущность и содержание // Вестник арбитражной практики. 2016. № 6. СПС КонсультантПлюс.

⁶ Павлов С.А. Указ. соч. С. 18.

⁷ Самолысов П.В. Указ. соч. СПС КонсультантПлюс.

понимают государственную функцию по рассмотрению соответствующих ходатайств, уведомлений¹. Вместе с тем полагаем, что контроль за экономической концентрацией не ограничивается этими функциями, поскольку включает в себя также деятельность по рассмотрению заявлений хозяйствующих субъектов, имеющих намерение заключить соглашение, выявлению нарушений и применению мер за нарушение норм законодательства в рассматриваемой сфере.

В зарубежной доктрине контроль за экономической концентрацией определяется как процесс рассмотрения сделок (иных действий) для анализа того, могут ли они нанести вред конкуренции².

В отечественной юридической литературе цели государственного контроля отождествляются с предупреждением и пресечением нарушений установленных правил деятельности или поведения субъектов общественных отношений³. Основной целью осуществления антимонопольного контроля К.Ю. Тотьев называет предотвращение злоупотребления предприятиями доминирующим положением или ограничения конкуренции. Правовед также указывает, что следствием проведения контроля является ограничение односторонних действий хозяйствующих субъектов и предоставление потребителю права выбора⁴.

В свою очередь, цель контроля за экономической концентрацией в отечественной юридической литературе связывается с предотвращением монополизации рынков, возникновения или усиления доминирующего положения хозяйствующих субъектов, а также иных антиконкурентных последствий в результате экономической концентрации⁵. При этом отдельно отмечается, что

---

¹ Гаврилов Д.А., Пузыревский С.А., Серегин Д.И. Указ. соч. С. 275 (авторы главы – С.А. Пузыревский и Д.И. Серегин).

² Leddy M., Reinker K. and Rudolf L.-P. The proliferation of global merger control // Research Handbook on Global Merger Control / ed. by Kokkoris I. and Levy N. United Kingdom, Edward Elgar Publishing Ltd, 2023. P. 11.

³ Осляков В.Г. Государственный контроль за осуществлением предпринимательской деятельности (правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 35.

⁴ Тотьев К.Ю. Указ. соч. С. 24-25.

⁵ Овакимян К.Б. Правовое регулирование государственного контроля за экономической концентрацией: монография. С. 48; Конкурентное право России: учебник / отв. ред. И.Ю. Артемьев, С.А. Пузыревский, А.Г. Сушкевич. М.: Издательский Дом Высшей школы экономики, 2014. С. 289.

такой контроль не направлен на запрет или препятствование хозяйственной интеграции, не оказывающей негативного влияния на рыночную конкуренцию¹.

В зарубежной доктрине основной целью контроля за экономической концентрацией называется предотвращение концентрации, ведущей к возникновению или усилению доминирующего положения и, соответственно, лишаящей потребителей преимуществ, возникающих в результате эффективной конкуренции (высокое качество продукции, низкие цены, широкий ассортимент товаров, развитие инноваций)². Следовательно, цель данного института связывается с обеспечением прав и законных интересов потребителей от возможного негативного влияния концентрации и выражается в виде противодействия увеличению рыночной силы³.

Направленность антимонопольного законодательства России на обеспечение прав и законных интересов потребителей отражена в нормативных правовых актах, иных документах, а также в судебной практике⁴.

Так, «четвертым антимонопольным пакетом»⁵ в Закон о защите конкуренции введено понятие «потребитель» – юридическое или физическое лицо, приобретающие товар (п. 23 ст. 4 Закона). Как указывает М.А. Егорова, введение фигуры потребителя в Закон приобретает существенное значение в специальных институтах антимонопольного законодательства (в том числе контроля за экономической концентрацией), действие которых должно распространяться не только на продавцов, но также на потребителей товаров⁶. Кроме того, направленность антимонопольного законодательства на обеспечение прав и законных интересов потребителей находит отражение в ст. 13 Закона,

---

¹ Шиткина И.С. Правовое регулирование экономической концентрации (в свете нового Федерального закона «О защите конкуренции») // Хозяйство и право. 2007. № 1. С. 14-23. СПС КонсультантПлюс; Князева И.В. Указ. соч. С. 417.

² Lorenz M. An Introduction to EU Competition Law. Cambridge University Press, 2013. P. 242-308. URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139087452.006> (дата обращения: 01.06.2024).

³ Теория и практика становления конкурентного законодательства (на материалах Республики Молдова) / А. Караганчу, В. Кэраре. М.: Юстицинформ, 2012. С. 211.

⁴ Малкина Н.Л., Шаститко А.А. Проблемы определения продуктовых границ товарного рынка на оптовых рынках перепродажи товара // Закон. 2021. № 3. С. 155-166. СПС КонсультантПлюс.

⁵ Федеральный закон от 05.10.2015 № 275-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 225. 07.10.2015. СПС КонсультантПлюс.

⁶ Егорова М.А. Развитие норм о доминирующем положении в четвертом антимонопольном пакете // Юрист. 2016. № 7. С. 10-14. СПС КонсультантПлюс.

посвященной основаниям допустимости антиконкурентных действий, а также в пп. «а» п. 2 Указа Президента РФ № 618, провозглашающем повышение удовлетворенности потребителей в качестве первоочередной цели совершенствования государственной конкурентной политики, что признается обоснованным, поскольку конкуренция ведется за потребительский спрос¹.

В абз. 1 п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 2)² отмечается, что Закон о защите конкуренции направлен в том числе на защиту прав и законных интересов, поддержание благосостояния потребителей как отдельной категории участников рынка. Таким образом, антимонопольное законодательство служит не только целям защиты конкуренции между хозяйствующими субъектами на рынке, но также направлено на защиту прав и законных интересов потребителей как лиц, в интересах которых применяются меры антимонопольного реагирования³.

В Европейском союзе конкуренция на рынке защищается как средство повышения благосостояния потребителей и обеспечения эффективного распределения ресурсов (§ 13 Разъяснений Европейской комиссии от 27.04.2004 о применении статьи 81(3) Договора о функционировании Европейского союза⁴). И, как было отмечено Судом ЕС, конечной целью норм, направленных на обеспечение того, чтобы конкуренция на внутреннем рынке не была ограничена, является повышение благосостояния потребителей; законодательство в сфере конкуренции и конкурентная политика оказывают неоспоримое влияние на конкретные экономические интересы конечных потребителей, приобретающих

---

¹ Парашук С.А. Правовые основы государственной конкурентной политики России // Предпринимательское право. 2019. № 2. С. 63-70. СПС КонсультантПлюс.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 5.

³ Башлаков-Николаев И.В., Максимов С.В. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации о применении судами антимонопольного законодательства: научно-практический комментарий. М.: Проспект, 2022. СПС КонсультантПлюс.

⁴ Communication from the Commission — Notice — Guidelines on the application of Article 81(3) of the Treaty // Official Journal C 101. 27.04.2004. P. 0097-0118. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52004XC0427%2807%29> (дата обращения: 01.06.2024).

товары или услуги¹. Из защиты благосостояния потребителей исходит и антимонопольное законодательство США². При этом критерий «благосостояние потребителей» в антимонопольной сфере базируется на оценке выгод и вреда для потребителей в виде более низких или высоких цен соответственно³. Вместе с тем в условиях цифровой экономики цена перестает быть подходящим критерием для анализа состояния конкуренции на цифровых рынках, поскольку многие услуги оказываются по нулевой цене, хотя в действительности пользователи платят за них путем передачи персональных данных⁴. Поэтому действия хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность на цифровых рынках, в рамках экономической концентрации могут причинять вред потребителям в иных формах, нежели цена⁵.

Цифровые рынки, в отличие от традиционных, монополизируются через доступ приобретателя (участника реорганизации) к большим данным и сетевые эффекты, что позволяет контролировать поведение потребителей (потребительский спрос)⁶. Таким образом, в результате совершения сделки (иного действия) доступ приобретателя (участника реорганизации) к объединенным большим данным и сетевой эффект могут привести к возникновению (усилению) у него рыночной власти и, как следствие, позволить в одностороннем порядке оказывать влияние на поведение потребителей путем ценовой дискриминации, ограничения возможности переключения на альтернативных поставщиков⁷.

Выводы: Антимонопольный контроль за экономической концентрацией на цифровых рынках представляет собой урегулированную нормами права деятельность антимонопольного органа, направленную на недопущение

---

¹ Joined Cases T-213/01 and T-214/01 Österreichische Postsparkasse and Bank für Arbeit und Wirtschaft v Commission [2006] ECR II-1601, § 115. URL: <https://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?text=&docid=57916&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=11708561> (дата обращения: 20.03.2024).

² Reiter v. Sonotone Corp., 442 U.S. 330 (1979). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/442/330> (дата обращения: 01.06.2024).

³ Вопросы конкуренции в цифровой экономике: Записка секретариата ЮНКТАД, TD/B/C.I/CLP/54. С. 6.

⁴ Esayas S. Privacy as a Non-Price Competition Parameter: Theories of Harm in Mergers // University of Oslo Faculty of Law Research Paper No. 2018-26. 16.08.2018. URL: <https://ssrn.com/abstract=3232701> (дата обращения: 01.06.2024).

⁵ Вопросы конкуренции в цифровой экономике: Записка секретариата ЮНКТАД, TD/B/C.I/CLP/54. С. 6.

⁶ Иванов А.Ю. Указ. соч. СПС КонсультантПлюс.

⁷ См. Gal M.S., Rubinfeld D.L. Algorithms, AI and Mergers. New York University School of Law. Law and Economics Research Paper Series. Working Paper No. 23-36. September 2023. URL: <https://ssrn.com/abstract=4469586> (дата обращения: 01.06.2024).

ограничения конкуренции, а также на обеспечение прав и законных интересов потребителей в результате экономической концентрации на товарных рынках, основанных на цифровых платформах и иных цифровых технологиях. При осуществлении антимонопольного контроля за экономической концентрацией на цифровых рынках возникает необходимость обеспечения прав и законных интересов потребителей, поскольку в результате совершения действия по экономической концентрации доступ приобретателя (участника реорганизации) к объединенным большим данным и сетевой эффект могут привести к возникновению у него рыночной власти и, как следствие, позволить в одностороннем порядке оказывать влияние на поведение потребителей (потребительский спрос) путем ценовой дискриминации, ограничения возможности переключения на альтернативных поставщиков.

Глава 2. Виды и основания антимонопольного контроля за экономической концентрацией в сфере предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики

§1. Классификации видов антимонопольного контроля за экономической концентрацией

Действующее отечественное антимонопольное законодательство, а также тенденции его развития в условиях цифровой экономики позволяют выделить следующие основания классификации видов антимонопольного контроля за экономической концентрацией.

1. Классификация антимонопольного контроля за экономической концентрацией по предмету сделки (иного действия)

1.1. Антимонопольный контроль за созданием и реорганизацией хозяйствующих субъектов. В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 27 Закона о защите конкуренции необходимость осуществления антимонопольного контроля связана с созданием коммерческой организации, которое влечет приобретение вновь созданным хозяйствующим субъектом указанных в ст. 28 Закона прав в отношении вносимых в качестве вклада в уставный капитал такой организации акций (долей), имущества другой коммерческой организации.

Статья 27 Закона (пп. 1, 2 ч. 1) также предусматривает осуществление государственного контроля за реорганизацией коммерческих организаций в форме слияния и присоединения. При слиянии права и обязанности каждого из участвующих в слиянии юридических лиц переходят к новому юридическому лицу (п. 1 ст. 58 ГК РФ). Присоединение означает прекращение одного или нескольких обществ с передачей всех прав и обязанностей другому обществу (п. 2 ст. 58 ГК РФ, п. 1 ст. 17 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об

акционерных обществах»¹). Слияние и присоединение признаются в юридической литературе классическими формами экономической концентрации², посредством которых объединяются активы. Указанные виды реорганизации могут в силу универсального характера правопреемства повлечь ограничение конкуренции, и, соответственно, их совершение требует осуществления антимонопольного контроля³.

1.2. Антимонопольный контроль за заключением соглашений о совместной деятельности между хозяйствующими субъектами-конкурентами. Согласно п. 8 ч. 1 ст. 27 Закона о защите конкуренции контролю за экономической концентрацией при превышении пороговых значений по стоимости активов или выручке подлежит заключение соглашения о совместной деятельности на территории России между конкурентами. При этом законодательство не содержит определения понятия соглашения о совместной деятельности, а само понятие «соглашение» определяется в п. 18 ст. 4 Закона широко и понимается как договоренность в устной либо письменной форме. По мнению правоведов, понятие «соглашение» намеренно используется в Законе в широком смысле, поскольку это позволяет распространить действие Закона о защите конкуренции на регулирование сделок как правомерных действий и на запрет соглашений, которые являются антиконкурентными⁴.

Поскольку российское антимонопольное законодательство рассматривает соглашение как договоренность, а п. 1 ст. 420 ГК РФ понимает под договором соглашение, понятие «соглашение о совместной деятельности» включает договор простого товарищества (глава 55 ГК РФ)⁵, но не ограничивается им, на что

---

¹ Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об акционерных обществах» // Российская газета. № 248. 29.12.1995. СПС КонсультантПлюс.

² Степанов Д.И. Формы реорганизации коммерческих организаций: вопросы законодательной реформы // Хозяйство и право. 2001. № 3. С. 64-74. № 4. С. 43-58. URL: <http://www.lin.ru/document.htm?id=1249703346338427698> (дата обращения: 01.06.2024).

³ Экономическая концентрация: опыт экономико-правового исследования рыночных и юридических конструкций: монография (автор параграфа – А.В. Габов). СПС Гарант.

⁴ Балашкевич И.В. Вопросы согласований соглашений о совместной деятельности с антимонопольным органом // Юрист. № 21. 2017. С. 43; Символоков О.А. Применение арбитражными судами антимонопольного законодательства по делам об антиконкурентных соглашениях // Журнал российского права. 2021. № 11. С. 133-149. СПС КонсультантПлюс.

⁵ Петров Д.А. Соглашения о совместной деятельности как правовая форма конгломератной экономической концентрации // Конкурентное право. 2016. № 2. С. 28.

обращается внимание в отечественной юридической литературе¹. К отличиям договоров о совместной деятельности от иных договоров относится наличие у их участников единой (общей) цели, совершение ими действий, необходимых для достижения такой цели². При этом основное отличие состоит в том, что совместная деятельность предполагает установление между сторонами не только имущественных, но и организационных отношений³.

Как следует из пп. 2 п. 1.2 Разъяснения № 19 и п. 2 Раздела I Разъяснений о совместной деятельности, основными признаками, которые свидетельствуют о необходимости согласования соглашений о совместной деятельности (при превышении пороговых значений), являются следующие признаки в совокупности:

а) Объединение сторонами соглашения ресурсов для достижения целей совместной деятельности и (или) осуществление взаимных (совместных) инвестиций в активы, принадлежащие как обеим сторонам, так и одной из сторон соглашения;

б) Совместное несение сторонами рисков, связанных с совместной деятельностью (например, удорожание стоимости сырья, необходимого для производства товара, может привести к неполучению или недополучению каждой из сторон соглашения планируемой прибыли, в том числе через совместное предприятие);

в) Соглашение заключается между фактическими либо потенциальными конкурентами на одном рынке (антимонопольный орган устанавливает, в чем именно и на каком рынке конкурируют стороны, определив границы рынка, его состав и величину долей сторон соглашения⁴);

---

¹ Витрянский В.В. Система гражданско-правовых договоров в условиях реформирования гражданского законодательства // Вестник ВАС РФ. 2012. № 1. С. 26-59. СПС КонсультантПлюс.

² Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: монография. Книга 5. Том 1. Договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований. М.: Статут, 2006. СПС КонсультантПлюс; Экономическая концентрация: опыт экономико-правового исследования рыночных и юридических конструкций: монография (автор параграфа – Д.А. Петров). СПС Гарант.

³ Овакимян К.Б. Правовое регулирование государственного контроля за экономической концентрацией: монография. С. 57.

⁴ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 28.12.2020 по делу № А40-70206/20. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/44d81f71-7b15-4f80-bad1-1695288ad57c/febc931c-e363-449b-b5fc-9d4b82801b0d/%D0%9040-70206-2020__20201228.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.06.2024).

г) Соглашение заключается в отношении совместной деятельности на территории РФ;

д) Информация о совместной деятельности является публичной (дополнительный критерий, не является определяющим для целей анализа планируемой сделки на предмет отнесения к соглашению о совместной деятельности).

При этом соглашение о совместной деятельности должно опосредовать совместную хозяйственную деятельность сторон такого соглашения. В этой связи не могут признаваться соглашениями о совместной деятельности корпоративные договоры, регулирующие исключительно корпоративные вопросы осуществления волеизъявления сторон и (или) распределения голосов, в отсутствие положений, касающихся непосредственно совместной хозяйственной деятельности сторон (совместного бизнеса) соглашения на рынке (п. 1.2 Разъяснения № 19).

1.3. Антимонопольный контроль за совершением сделок по приобретению акций (долей), имущества хозяйствующих субъектов и прав в отношении хозяйствующих субъектов. Статья 28 Закона требует в определенных случаях получения согласия антимонопольного органа на осуществление сделок по приобретению голосующих акций (долей) хозяйственных обществ (компаний). Следует заметить, что акции и доли в уставном капитале хозяйственных обществ относятся законодателем к имуществу (ст. 128 ГК РФ, вопрос 1 Обзора законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2007 года¹).

При этом ст. 28 Закона предусматривает антимонопольный контроль за совершением сделок в том числе в отношении акций (долей) (пп. 1-6, 9 ч. 1 ст. 28) и отдельно имущества, находящегося на территории России, понимая под имуществом определенные основные производственные средства и нематериальные активы (п. 7 ч. 1 ст. 28).

---

¹ Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2007 года (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 07.11.2007) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2.

Так, имущество, относящееся к основным производственным средствам, определяется согласно Федеральному стандарту бухгалтерского учета ФСБУ 6/2020 «Основные средства» (далее – ФСБУ 6/2020)¹. Указанный документ важен для целей антимонопольного контроля, поскольку применяется для ведения бухгалтерского учета, на основании данных которого определяется балансовая стоимость имущества объекта экономической концентрации, которая, в свою очередь, является отдельным критерием экономической концентрации для разрешения вопроса о необходимости согласования сделки с ФАС России. Согласно п. 11 ФСБУ 6/2020 к основным средствам относятся, например, недвижимость, машины и оборудование, транспортные средства, производственный и хозяйственный инвентарь. Однако Законом о защите конкуренции для целей контроля за экономической концентрацией из основных производственных средств исключены земельные участки, а также не имеющие промышленного назначения здания, сооружения, строения, помещения (их части), объекты незавершенного строительства.

К нематериальным активам согласно пп. 6, 8 Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 14/2022 «Нематериальные активы»² относятся в том числе результаты интеллектуальной деятельности (за исключением приобретенных или созданных для продажи в ходе обычной деятельности), средства индивидуализации (за исключением созданных собственными силами компании и (или) приобретенных или созданных для продажи в ходе обычной деятельности), специальные разрешения (лицензии).

Важно отметить, что согласование потребуется на переход права собственности или части правомочий собственника такого имущества: владение (факт обладания вещью в смысле осуществления физического или хозяйственного

---

¹ Приказ Минфина России от 17.09.2020 № 204н (ред. от 30.05.2022) «Об утверждении Федеральных стандартов бухгалтерского учета ФСБУ 6/2020 «Основные средства» и ФСБУ 26/2020 «Капитальные вложения» (Зарегистрировано в Минюсте России 15.10.2020 № 60399) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 16.10.2020. СПС КонсультантПлюс.

² Приказ Минфина России от 30.05.2022 № 86н «Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 14/2022 «Нематериальные активы» (Зарегистрировано в Минюсте России 28.06.2022 № 69031) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 28.06.2022. СПС КонсультантПлюс.

господства над нею¹), пользование (извлечение из вещи ее полезных естественных свойств²).

Антимонопольный контроль осуществляется также за приобретением прав, позволяющих определять условия осуществления хозяйствующим субъектом предпринимательской деятельности, либо осуществлять функции его исполнительного органа.

Согласно пп. 5 п. 1.2 Разъяснения № 19 однозначным свидетельством возникновения таких прав является получение права распоряжаться более чем 50% акций (долей) объекта экономической концентрации, назначать его исполнительный орган. В отдельных случаях к их возникновению может привести также приобретение прав блокирования отдельных решений объекта экономической концентрации (вследствие приобретения акций (долей), права вето на утверждение основных вопросов по управлению (например, касающихся бизнес-плана, обычных для общества сделок), установленного в корпоративных и иных договорах), если такое блокирование приводит к негативному контролю (когда приобретатель имеет единоличную возможность оказывать решающее влияние на предпринимательскую деятельность объекта экономической концентрации).

В юридической литературе обоснованно отмечается, что права определять условия осуществления предпринимательской деятельности либо не подлежат какому-либо измерению, либо параметры передаваемых прав могут настолько различаться, что применение общего правила к ним является затруднительным, в связи с чем вопрос применения к соответствующим сделкам требований законодательства о контроле за экономической концентрацией должен разрешаться в зависимости от объема подлежащих передаче в результате их исполнения прав³.

---

¹ Иоффе О.С. Советское гражданское право. Общая часть. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. С. 359.

² Там же.

³ Борзило Е.Ю. Антимонопольные ограничения предпринимательской деятельности хозяйствующих субъектов: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 335.

1.4. Антимонопольный контроль за совершением иных действий, которые оказывают влияние на состояние конкуренции. К рассматриваемому виду следует отнести контроль за совершением сделок (иных действий), которые подпадают под указанное в Законе определение понятия экономической концентрации, но контроль в отношении которых в настоящее время не предусмотрен ст. 27-29 Закона о защите конкуренции. Так, специальная процедура предусмотрена в отношении соглашений, которые не подлежат антимонопольному контролю по ст. 27-29 Закона и которые при этом могут быть признаны допустимыми (ст. 35 Закона). Стороны вправе обратиться в ФАС России за подтверждением соответствия планируемого ими соглашения нормам антимонопольного законодательства путем подачи соответствующего заявления с приложением документов¹. По результатам рассмотрения ФАС России может либо согласовать проект соглашения с проконкурентным предписанием или без такового, либо отказать в согласовании (ч. 3, 7 ст. 35 Закона).

2. Классификация антимонопольного контроля за экономической концентрацией по времени его осуществления. По данному критерию выделяется предварительный (*ex ante*) и последующий (*ex post*) контроль².

2.1. Предварительный контроль за экономической концентрацией. В современном отечественном законодательстве основным является режим предварительного контроля, который проводится в форме рассмотрения антимонопольным органом ходатайств о даче согласия на осуществление сделок (иных действий). Российский антимонопольный орган рассматривает контроль за экономической концентрацией в качестве упреждающего средства правового воздействия³.

---

¹ Приказ ФАС России от 18.06.2007 № 168 «Об утверждении Перечня документов и сведений, представляемых в антимонопольный орган при представлении заявления хозяйствующими субъектами, имеющими намерение заключить соглашение» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 13.07.2007 № 9834) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 31. 30.07.2007.

² Парашук С.А. Конкурентное право (правовое регулирование конкуренции и монополии). М.: Городец, 2002. С. 136; Тотьев К.Ю. Указ. соч. С. 233.

³ Решение ФАС России от 15.11.2017 о продлении срока рассмотрения ходатайства компании «Байер АГ». URL: <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-kontrolya-agropromyshlennogo-kompleksa/-c084b115-a929-42e7-a5a9-a8362a96e6c4> (дата обращения: 01.06.2024).

2.2. Последующий контроль за экономической концентрацией. Последующий контроль является исключением из общего правила и установлен только в отношении внутригрупповых действий по экономической концентрации, если все участники действия входят в одну группу лиц (п. 2.5 Разъяснения № 19), и взаимосвязи внутри группы отвечают критериям пп. 2-9 ч. 1 ст. 9 Закона о защите конкуренции, при соблюдении ряда условий, установленных ч. 1 ст. 31 Закона. Последующий контроль предусмотрен в отношении внутригрупповых сделок (иных действий), которые, как правило, не могут привести к ограничению конкуренции¹ в силу того, что совершаются внутри одной и той же группы лиц, выступающей в качестве единого хозяйствующего субъекта².

Законопроект, который предусматривает отмену режима последующего контроля, заменяя его в отношении внутригрупповых действий по экономической концентрации предварительным контролем, в настоящее время находится на рассмотрении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (далее – Государственная Дума). Отмена последующего контроля обосновывается тем, что лица могут входить в одну группу лиц по формальным основаниям, и при этом сделка (иное действие), совершаемая между участниками такой группы лиц, может нанести существенный ущерб конкуренции в отсутствие у антимонопольного органа возможности оперативного реагирования³.

3. Классификация антимонопольного контроля за экономической концентрацией по виду экономической концентрации. С учетом различных подходов антимонопольных регуляторов к анализу отдельных видов концентрации также целесообразно выделение классификации в зависимости от вида концентрации: контроль за 1) горизонтальной; 2) вертикальной; 3) конгломератной экономической концентрацией. Как было рассмотрено в

---

¹ Шиткина И.С. Правовое регулирование экономической зависимости // Приложение «Хозяйство и право». 2017. № 6. URL: <https://shitkina-law.ru/upload/iblock/bd6/a0eh9t2zsyge8j7h88mn1gktgk94qw05.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

² Мазуренко В.А. Государственный контроль за внутригрупповыми сделками с активами стратегического хозяйственного общества // Российское конкурентное право и экономика. 2021. № 4 (28). С. 29; Парашук С.А. Правовая регламентация группы лиц как единого хозяйствующего субъекта по законодательству России // Предпринимательское право. 2024. № 2. С. 61-69. СПС КонсультантПлюс.

³ Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» (законопроект № 565349-8). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/565349-8> (дата обращения: 01.06.2024).

параграфе 2 главы 1, антимонопольные органы учитывают различные аспекты при оценке допустимости горизонтальной, вертикальной и конгломератной концентрации. Хотя формально указанные виды экономической концентрации относятся к одной категории действий, экономически это разные явления, и, следовательно, их оценка должна отличаться¹.

Как отмечалось ранее, наибольшую угрозу для конкуренции представляет горизонтальная концентрация, вертикальная и конгломератная концентрация характеризуется в юридической литературе как имеющая меньшую возможность приводить к ограничению конкуренции, поскольку в этом случае хозяйствующие субъекты не действуют на одном рынке, вместе с тем с учетом возможного влияния сетевых эффектов и развития экосистемных моделей осуществления предпринимательской деятельности вертикальная и конгломератная концентрация на цифровых рынках может в большей степени, чем на традиционных, представлять угрозу конкуренции.

4. Классификация антимонопольного контроля по виду рынка (сферы деятельности), затрагиваемого экономической концентрацией. Установление специальных правовых режимов регулирования контроля за экономической концентрацией может быть обусловлено спецификой рынков, необходимостью обеспечения согласованности антимонопольной политики и иных направлений государственной политики в их системной взаимосвязи, механизмов обеспечения различных публичных интересов². При этом в отношении таких специальных режимов применяются и общие нормы, регулирующие процедуру осуществления антимонопольного контроля за экономической концентрацией.

4.1. Антимонопольный контроль за экономической концентрацией на цифровых рынках. Выделение данного вида контроля вызвано особенностями цифровых рынков и введением в зарубежное законодательство специальных

---

¹ Vettas N., Kourandi F. On the Economics of Non-Horizontal Mergers // The Reform of EC Competition Law. New Challenges / ed. by Lianos I., Kokkoris I. Kluwer Law International BV, The Netherlands. 2010. P. 479.

² Антимонопольное (конкурентное) право: Учебник / К.А. Писенко, И.А. Цинделиани, Б.Г. Бадмаев, К.В. Казарян. М.: Российский государственный университет правосудия, 2015. С. 296.

норм, устанавливающих дополнительные обязанности в отношении обладающих рыночной властью участников соответствующих рынков.

Стоит заметить, что в настоящее время в зарубежных правовых порядках принимаются акты, предусматривающие обязанность цифровых компаний, оказывающих существенное влияние на рынок, информировать антимонопольные органы о планируемых действиях по экономической концентрации на цифровых рынках, независимо от превышения финансовых пороговых значений, чтобы позволить органам власти получать сведения о действиях по экономической концентрации и при необходимости рассматривать их в соответствии с антимонопольным законодательством. Так, на уровне Европейского союза соответствующая система предусмотрена Актом о цифровых рынках ЕС. Схожее регулирование в отношении компаний в цифровой сфере, имеющих стратегический статус на рынке, вводится Актом о цифровых рынках, конкуренции и потребителях Великобритании 2024 г.

В зарубежной юридической литературе распространение обязанности по уведомлению на все действия по экономической концентрации с участием крупных цифровых компаний в целом приветствуется¹, поскольку это позволит ведомствам как предварительно проанализировать потенциально антиконкурентные действия, которые не превышают традиционные пороговые значения, так и улучшить осведомленность о состоянии конкуренции на соответствующих рынках. Кроме того, это соответствует позиции Банка России, в соответствии с которой регулирование платформенного и экосистемного бизнеса должно базироваться на принципе пропорциональности в зависимости от размера платформы/экосистемы и потенциальных рисков от их деятельности, то есть к крупнейшим игрокам цифровых рынков должно предъявляться больше требований².

---

¹ Motta M., Peitz M. Big Tech Mergers. Discussion Paper Series CRC TR 224. May 2020. P. 34. URL: <https://www.crctr224.de/research/discussion-papers/archive/dp147> (дата обращения: 01.06.2024).

² Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2024 год и период 2025 и 2026 годов // Центральный банк Российской Федерации. 2023. URL: https://www.cbr.ru/about_br/publ/onfinmarket (дата обращения: 01.06.2024).

Установление специального правового режима контроля за экономической концентрацией на цифровых рынках представляется целесообразным. Ввиду возможных антиконкурентных последствий было бы оправданным введение антимонопольного контроля в отношении всех сделок (иных действий) по экономической концентрации, планируемых крупными участниками цифровых рынков.

4.2. Антимонопольный контроль за экономической концентрацией на финансовых рынках. Регулирование контроля за концентрацией капитала на финансовых рынках ранее, до вступления в силу в 2006 г. ныне действующего Закона о защите конкуренции, осуществлялось в рамках Федерального закона от 23.06.1999 № 117-ФЗ «О защите конкуренции на рынке финансовых услуг»¹, который предусматривал осуществление антимонопольного контроля за приобретением акций (долей), активов финансовых организаций. В настоящее время соответствующие специальные положения включены в Закон о защите конкуренции и предусматривают при превышении специальных пороговых значений по стоимости активов финансовых организаций² согласование создания коммерческих организаций (в определенных п. 5 ч. 1 ст. 27 Закона случаях), слияния финансовых организаций, присоединения с их участием (пп. 3, 6, 7 ч. 1 ст. 27 Закона), сделок с акциями (долями), активами финансовых организаций и правами в отношении них (ч. 1 ст. 29 Закона).

Следует отметить, что специальное регулирование контроля за экономической концентрацией финансовых организаций определяется их повышенным значением для гражданского оборота, их большей

---

¹ Федеральный закон от 23.06.1999 № 117-ФЗ (ред. от 02.02.2006) «О защите конкуренции на рынке финансовых услуг» // Российская газета. № 120. 29.06.1999. Утр. силу. СПС КонсультантПлюс.

² Постановление Правительства РФ от 18.10.2014 № 1072 (ред. от 25.11.2020) «Об установлении величин активов финансовых организаций, поднадзорных Центральному банку Российской Федерации, в целях осуществления антимонопольного контроля» // Собрание законодательства РФ. 27.10.2014. № 43. Ст. 5907. СПС КонсультантПлюс; Постановление Правительства РФ от 27.09.2021 № 1621 «Об установлении величин активов лизинговых компаний в целях осуществления антимонопольного контроля» // Собрание законодательства РФ. 04.10.2021. № 40. Ст. 6844.

подверженностью коммерческим рискам, что определяет угрозу ограничения конкуренции на рынке¹.

В соответствии с Национальным планом развития конкуренции в Российской Федерации на 2021-2025 годы² предусмотрено усиление контроля за экономической концентрацией между конкурентами на финансовых рынках. Так, на рассмотрении Государственной Думы находится законопроект, предусматривающий распространение антимонопольного контроля за горизонтальными сделками в отношении финансовых организаций того же вида, что и приобретатель (или участники его группы), на случаи, если активы такого приобретателя по сделке (и таких участников его группы) превышают пороговые значения по стоимости активов, независимо от стоимости активов объекта экономической концентрации³ (в настоящее время учету подлежит только стоимость активов объекта экономической концентрации). Указанное нововведение обусловлено высококонцентрированным характером финансовых рынков, что связано в том числе с эффектом масштаба, сетевыми эффектами у крупнейших участников, опережающим развитием их цифровых сервисов, и направлено на повышение эффективности антимонопольного контроля в отношении крупных финансовых организаций, защиту прав и интересов участников финансовых рынков⁴.

Кроме того, Национальным планом развития конкуренции в Российской Федерации на 2021-2025 годы в целях развития конкуренции на рынках финансовых услуг предусмотрено формирование правовых основ антимонопольного регулирования деятельности финансовых организаций, развивающих цифровые и иные сервисы на базе экосистем (мультисервисных платформ).

---

¹ Экономическая концентрация: опыт экономико-правового исследования рыночных и юридических конструкций: монография (автор параграфа – М.А. Егорова). СПС Гарант.

² Распоряжение Правительства РФ от 02.09.2021 № 2424-р (ред. от 28.02.2024) «Об утверждении Национального плана («дорожной карты») развития конкуренции в Российской Федерации на 2021 - 2025 годы» // Собрание законодательства РФ. 13.09.2021. № 37. Ст. 6553. СПС КонсультантПлюс.

³ Проект Федерального закона «О внесении изменений в статью 29 Федерального закона «О защите конкуренции» (законопроект № 709858-8). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/709858-8> (дата обращения: 30.08.2024).

⁴ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в статью 29 Федерального закона «О защите конкуренции» (законопроект № 709858-8). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/709858-8> (дата обращения: 30.08.2024).

4.3. Антимонопольный контроль за экономической концентрацией на иных товарных рынках (в иных сферах деятельности). Общие критерии экономической концентрации в рамках антимонопольного контроля на товарных рынках установлены ст. 27, 28 Закона и применяются, если законодательство не предусматривает специальные критерии в отношении сделок (иных действий) на отдельных рынках (сферах деятельности).

Специальные правовые режимы могут предусматриваться законодательством и в отношении иных (помимо рассмотренных ранее) отдельных рынков (сфер) при необходимости установления в законодательстве особенностей такого контроля. Закон о защите конкуренции отдельно выделяет антимонопольный контроль за экономической концентрацией в сфере использования природных ресурсов, при проведении торгов (п. 4 ст. 22 Закона). Так, до недавнего времени (до 2021 г.¹) были предусмотрены специальные основания и процедура контроля за экономической концентрацией в области использования водных объектов².

К видам антимонопольного контроля за экономической концентрацией в юридической литературе относят контроль за сделками и инвестициями субъекта естественной монополии³, который направлен на недопущение ущемления интересов потребителей, сдерживания экономически оправданного перехода естественно-монопольного рынка в конкурентное состояние. Особенности данного вида контроля предусмотрены ст. 7 Федерального закона от 17.08.1995 № 147-ФЗ «О естественных монополиях»⁴. В судебной практике указывается, что рассмотрение ходатайств по сделкам, совершаемым субъектами естественных монополий, обусловлено необходимостью эффективного осуществления

---

¹ Постановление Правительства РФ от 14.08.2020 № 1217 «О признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации в сфере контроля за соблюдением антимонопольного законодательства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 24.08.2020. № 34. Ст. 5448.

² Постановление Правительства РФ от 08.04.2009 № 314 «Об утверждении Правил осуществления государственного контроля за экономической концентрацией в области использования водных объектов» // Собрание законодательства РФ. 13.04.2009. № 15. Ст. 1843. Утр. силу.

³ Конкурентное право: учебник / под ред. д.ю.н., доц. М.А. Егоровой, д.ю.н., доц. А.Ю. Кинева. М.: Юстицинформ, 2018 (авторы главы – М.А. Егорова, Т.Э. Щерба). СПС Гарант; Гаврилов Д.А., Пузыревский С.А., Серегин Д.И. Указ. соч. С. 285 (авторы главы – С.А. Пузыревский и Д.И. Серегин).

⁴ Федеральный закон от 17.08.1995 № 147-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О естественных монополиях» // Собрание законодательства РФ. 21.08.1995. № 34. Ст. 3426. СПС КонсультантПлюс.

регулятором полномочий по контролю за экономической концентрацией, недопущения ограничения конкуренции¹.

Вместе с тем представляется, что особенности контроля за экономической концентрацией в той или иной степени могут иметь место на любом из рынков с учетом особенностей функционирования такого рынка (например, на рынках в сфере промышленности особенности могут быть связаны с биржевым характером ценообразования, влиянием экспорта и импорта продукции²; на рынке лекарственных средств – с необходимостью защиты интересов правообладателя³), связанных со спецификой товара, субъектного состава, наличием публичных интересов и других факторов⁴.

В юридической литературе приводятся также иные классификации видов антимонопольного контроля за экономической концентрацией. Так, М.А. Егорова по субъектному составу выделяет коллективную и индивидуальную концентрацию, по юридической квалификации – законную (проконкурентную) и противозаконную (антиконкурентную). По правовой форме правовед выделяет договорную (приобретение имущества, активов), корпоративную (создание, реорганизация юридических лиц), договорно-корпоративную (приобретение акций (долей), прав) экономическую концентрацию, а также возникающую в результате фактических действий⁵.

Выводы: Анализ отечественного антимонопольного законодательства с учетом тенденций его развития в условиях цифровой экономики позволяет выделить классификации видов антимонопольного контроля за экономической концентрацией по различным основаниям, в частности, по предмету сделки (иного действия), по времени осуществления, по виду экономической

---

¹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14.07.2020 № Ф09-4517/19 по делу № А07-13106/2018. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/829292d8-85e2-4c1b-956c-3e1486f625bb/1eb11a99-2029-4032-8c26-86bd8757d5a1/A07-13106-2018_20200714_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.06.2024).

² Варламова А.Н. Конкурентное право и отраслевые товарные рынки: Монография. М.: Зерцало-М, 2021. С. 140.

³ Варламова А.Н. Конкурентное право и отраслевые товарные рынки // Оценка состояния конкуренции на товарных рынках: правовые и экономические вопросы: монография, коллектив авторов / отв. ред.: А.В. Молчанов, Д.А. Петров. М.: Юрист, 2020. С. 64.

⁴ Там же. С. 77-78.

⁵ Экономическая концентрация: опыт экономико-правового исследования рыночных и юридических конструкций: монография (автор параграфа – М.А. Егорова). СПС Гарант.

концентрации, по затрагиваемому экономической концентрацией виду рынка (сферы деятельности). Предложенные в настоящем параграфе классификации не претендуют на полный охват и обобщение всех основных форм и принципов современной системы контроля. Преимуществом предлагаемых классификаций является их соответствие сложившимся реалиям цифровой экономики.

Установление специального правового режима, предусматривающего распространение антимонопольного контроля на все действия по экономической концентрации с участием обладающих рыночной властью приобретателей (участников реорганизации), которые осуществляют деятельность на цифровых рынках, характеризующихся высокой динамикой и неопределенностью развития, позволит обеспечить выявление антимонопольным органом потенциально антиконкурентных действий.

§2. Основания антимонопольного контроля за экономической концентрацией в условиях цифровой экономики

Российское антимонопольное законодательство закрепляет основания контроля за экономической концентрацией, которые базируются на следующих критериях: 1) предмет; 2) субъектный состав; 3) специфика экономического положения участников сделки (иного действия)¹. Так, по общему правилу контролю за экономической концентрацией подлежит создание, реорганизация хозяйствующих субъектов, приобретение акций (долей), имущества, прав в отношении хозяйствующих субъектов, а также заключение соглашений о совместной деятельности. Соответствующие сделки (иные действия) подробно рассмотрены в параграфе 1 настоящей главы.

Как и во многих юрисдикциях, в России критерии (пороговые значения) экономической концентрации, влекущие антимонопольный контроль, включают показатели стоимости активов и выручки участников сделки (иного действия). Так, по общему правилу на осуществление действий по экономической концентрации требуется согласие ФАС России, если суммарная балансовая стоимость активов групп лиц приобретателя и объекта экономической концентрации (учредителей, участников реорганизации, соглашения о совместной деятельности) составляет более 7 млрд рублей, либо их суммарная выручка от реализации товаров за предшествующий действию календарный год – более 10 млрд рублей (ч. 1 ст. 27 Закона). Для сделок с акциями (долями), имуществом, правами, помимо указанных критериев, имеет значение и суммарная стоимость активов группы лиц самого объекта экономической концентрации (свыше 800 млн рублей) (ч. 1 ст. 28 Закона). Балансовая стоимость активов определяется на основании последнего по дате обязательного для составления в соответствии с

---

¹ Конкурентное право: учебник / под ред. д.ю.н., доц. М.А. Егоровой, д.ю.н., доц. А.Ю. Кинева (авторы главы – М.А. Егорова, Т.Э. Щерба). М.: Юстицинформ, 2018. СПС Гарант.

законодательством о бухгалтерском учете бухгалтерского баланса, представленного хозяйственным обществом в налоговый орган¹.

Преимущество пороговых значений на основе стоимости активов, выручки состоит в том, что они обеспечивают правовую определенность как для регулятора, так и для хозяйствующих субъектов, легко поддаются количественному определению и проверке, что соответствует положениям Рекомендованных практик Международной конкурентной сети по процедурам уведомления о слиянии и анализа слияния², согласно которым любые используемые критерии должны быть четкими, понятными, предсказуемыми, основываться на объективных, поддающихся количественной оценке показателях. В целом критерии стоимости активов, выручки являются подходящими для оценки рыночной власти участников экономической концентрации и обеспечивают удобный способ контроля за потенциально антиконкурентными действиями по экономической концентрации на традиционных рынках.

Обеспокоенность антимонопольных ведомств вызывает политика крупных цифровых компаний, направленная на приобретение небольших стартапов с конкурентоспособным потенциалом путем совершения сделок (иных действий), не подлежащих контролю из-за низкой выручки объекта экономической концентрации. Приобретатель может ограничить или прекратить разработку объектом экономической концентрации инновационных продуктов и тем самым устранить будущего конкурента. При этом истинный конкурентный потенциал стартапов не может быть полностью оценен из-за множества неизвестных переменных и, что более важно, может не отражаться в текущей выручке, что затрудняет возможность контроля сделки антимонопольным органом. Сделка

---

¹ Решение Арбитражного суда Волгоградской области от 06.07.2015 по делу № А12-16417/2015. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/da64672f-e79c-438e-800b-d53b872373c1/f728c1ba-2aeb-49a5-bc30-a19f23fa4a18/%D0%9012-16417-2015__20150706.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.06.2024).

² ICN Recommended Practices for Merger Notification and Review Procedures. 2018. P. 5-6. URL: https://www.internationalcompetitionnetwork.org/wp-content/uploads/2018/09/MWG_NPRecPractices2018.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

может остаться незамеченной, даже несмотря на то, что ее влияние может быть существенным¹.

Так, согласно сведениям британского Экспертного совета по конкуренции в цифровой сфере на «большую пятерку» мировых цифровых гигантов – Amazon, Apple, Meta (компания Meta Platforms, Inc. (до 28.10.2021 – Facebook Inc.), которая владеет Instagram и Facebook, признана на территории Российской Федерации экстремистской организацией и запрещена²), а также Google и Microsoft – в совокупности приходится более 400 действий по экономической концентрации в период с 2009 г. до 2019 г.³ Большинство из этих действий не попало под антимонопольный контроль, и ни одно из тех немногих приобретений, которые были проанализированы ведомствами в этот период, не было запрещено⁴. Между тем во многих из указанных действий участвовали объекты экономической концентрации, которые могли превратиться в конкурентов приобретателя (Facebook/Instagram) либо усилили рыночную власть приобретателя на смежном рынке (Google/DoubleClick⁵) или одновременно на нескольких рынках (Google/YouTube)⁶.

В России одной из показательных является сделка по приобретению в 2021 г. группой компаний «Яндекс.Такси» агрегатора такси «Везет», которая не требовала согласования с ФАС России в силу непревышения порога стоимости активов объекта экономической концентрации. Однако регулятор указал на негативное влияние данной сделки на уровень концентрации на рынке такси⁷.

---

¹ Killer Acquisitions? The Debate on Merger Control for Digital Markets / Holmström M., Padilla J., Stitzing R. et al. // 2018 Yearbook of the Finnish Competition Law Association. 2018. P. 2. URL: <https://ssrn.com/abstract=3465454> (дата обращения: 01.06.2024).

² Решение Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022 по делу № 02-2473/2022. URL: <https://mosgorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/civil/details/de7ea6a0-a3ab-11ec-8a7e-51b31fb55b35> (дата обращения: 01.06.2024).

³ Unlocking digital competition. Report of the Digital Competition Expert Panel. P. 91.

⁴ The EU Digital Markets Act / Cabral L., Haucap J., Parker G. et al. // Publications Office of the European Union. Luxembourg. 2021. P. 27. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/329fb9b1-6c1a-11eb-aeb5-01aa75ed71a1> (дата обращения: 01.06.2024).

⁵ Commission Decision of 11.03.2008 (Case № COMP/M.4731 – Google/DoubleClick). URL: https://ec.europa.eu/competition/mergers/cases/decisions/m4731_20080311_20682_en.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

⁶ Unlocking digital competition. Report of the Digital Competition Expert Panel. P. 11.

⁷ ФАС: Заключение сделки Яндекс.Такси/Везет может негативно повлиять на уровень экономической концентрации на рынке такси // ФАС России. 24.03.2021. URL: <https://fas.gov.ru/news/31200> (дата обращения: 01.06.2024).

В связи с изменением характера рынков и моделей осуществления предпринимательской деятельности из-за быстрых темпов технологического прогресса на первый план выходит вопрос соответствия применяемых критериев экономической концентрации в рамках осуществления антимонопольного контроля текущим потребностям рынка. В целях обеспечения эффективности контроля за экономической концентрацией, минимизации, устранения рисков антиконкурентных последствий в результате совершения сделок (иных действий) требуется пересмотр статус-кво и разработка новых подходов к определению действий, подлежащих антимонопольному контролю.

Как отмечалось ранее, одним из решений является установление специального регулирования контроля за экономической концентрацией в отношении обладающих рыночной властью участников цифровых рынков.

Также, например, законодательством в сфере конкуренции Германии в 2023 г. введена возможность установления в определенных антимонопольным органом секторах, в которых будущие действия по экономической концентрации могут привести к существенному ограничению конкуренции, более низких пороговых значений, при превышении которых возникает обязанность согласования сделки (иного действия)¹.

Вместе с тем возможность снижения пороговых значений признается в юридической литературе нецелесообразной². Причина этого состоит в том, что снижение порога, прежде всего, влечет за собой значительную нагрузку как на хозяйствующие субъекты, так и на органы власти из-за увеличения количества сделок (иных действий), которые подлежат государственному контролю, и не разрешает гарантированно проблем, связанных с особенностями цифровых рынков.

В идеале целью изменений пороговых значений должно быть сокращение общего количества рассматриваемых ходатайств (уведомлений) и сохранение или

---

¹ Competition Act in the version published on 26.06.2013 (Bundesgesetzblatt (Federal Law Gazette) I, 2013, p. 1750, 3245), as last amended by Article 1 of the Act of 25.10.2023 (Federal Law Gazette I, p. 294). Section 32f; The new German competition enforcement act – a true paradigm shift? // White & Case. 10.08.2023. <https://www.whitecase.com/insight-alert/new-german-competition-enforcement-act-true-paradigm-shift> (дата обращения: 01.06.2024).

² Killer Acquisitions? The Debate on Merger Control for Digital Markets. P. 13.

увеличение количества рассматриваемых проблемных сделок (иных действий), что позволяет более эффективно использовать ограниченные ресурсы правоприменения¹. Указанная позиция Международной конкурентной сети полностью соответствует развитию российского антимонопольного законодательства: в 2022 г. повышено предельное значение стоимости активов объекта экономической концентрации, при превышении которого возникает обязанность получения предварительного согласия (последующего уведомления) ФАС России с 400 млн до 800 млн рублей², что, очевидно, привело к сокращению общего количества рассматриваемых ходатайств (уведомлений); в 2023 г. «пятым антимонопольным пакетом» введен новый критерий – цена сделки, что должно привести к увеличению количества рассматриваемых потенциально антиконкурентных сделок (при несущественном увеличении нагрузки на антимонопольный орган, как будет указано далее на примере иностранных правопорядков).

Кроме того, в юридической литературе предлагается введение количественного порога доли на рынке, который сегодня в дополнение к пороговым значениям по выручке используют Испания и Португалия³. Критерий доли на рынке ранее был предусмотрен российским законодательством: согласие ФАС России требовалось, если приобретатель либо объект экономической концентрации состоял в Реестре хозяйствующих субъектов, имеющих долю более 35% на рынке – данный критерий был отменен «четвертым антимонопольным пакетом»⁴. Этот показатель позволяет взять под контроль ситуации, когда хозяйствующий субъект, занимающий доминирующее положение на рынке, приобретает меньшую организацию, и предварительно оценить рыночную власть участников сделки (иного действия) и тем самым проанализировать уровень

---

¹ Setting Notification Thresholds for Merger Review // ICN Merger Notification and Procedures Subgroup. April 2008. P. 7. URL: https://www.internationalcompetitionnetwork.org/wp-content/uploads/2018/05/MWG_SettingMergerNotificationThresholds.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

² Федеральный закон от 16.02.2022 № 11-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и статью 1 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // Российская газета. № 37. 18.02.2022.

³ Siyou Z. Merger Control in Digital Era. 2021. URL: <https://ssrn.com/abstract=3976594> (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ Федеральный закон от 05.10.2015 № 275-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», п. 18 ст. 1 // Российская газета. № 225. 07.10.2015.

концентрации рынка после ее совершения. С помощью этого порогового значения, например, Управление по конкуренции и рынкам Великобритании проверило значимые сделки (например, сделка Facebook/Instagram¹, признающаяся некоторыми учеными антиконкурентной²). Однако ведомство Великобритании отметило, что пороговое значение доли на рынке может неадекватно отражать негоризонтальные последствия концентрации³. Также для оценки доли на рынке необходимо надлежащим образом определить рынок, что, учитывая особые характеристики цифровых платформ, такие как многосторонность и сетевые эффекты, в некоторых случаях представляется сложной задачей⁴.

Более того, введение порогового значения доли на рынке противоречило бы ранее указанным рекомендациям Международной конкурентной сети, поскольку рыночные доли по своей сути носят субъективный характер и при их расчете учитывается большое количество факторов, что может быть уместно на более поздних этапах контроля за экономической концентрацией (например, при определении объема запроса информации или принятии решения в отношении сделки), но такой критерий не подходит для использования при первоначальном определении того, подлежит ли действие по экономической концентрации государственному контролю⁵.

В новых условиях одним из решений является установление в законодательстве в дополнение к уже существующим пороговым значениям критерия «цена сделки». Так, согласно вступившим в силу в сентябре 2023 г. изменениям, предусмотренным «пятым антимонопольным пакетом», сделка по экономической концентрации с акциями (долями), имуществом, правами в определенных случаях подлежит антимонопольному контролю, если ее цена

---

¹ Anticipated acquisition by Facebook Inc of Instagram Inc ME/5525/12 // Office of Fair Trading. 22.08.2012. URL: <https://assets.publishing.service.gov.uk/media/555de2e5ed915d7ae200003b/facebook.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

² Shapiro C. Antitrust in a Time of Populism // International Journal of Industrial Organization. 2018. Vol. 61. P. 740.

³ Appendix F: The SMS regime: a distinct merger control regime for firms with SMS. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5f9e706ee90e07562d20986f/Appendix_F_-_The_SMS_regime_-_a_distinct_merger_control_regime_for_firms_with_SMS_-_web_-_pdf (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху. Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции. С. 107.

⁵ ICN Recommended Practices for Merger Notification and Review Procedures. P. 6.

превышает 7 млрд рублей. Указанное положение отвечает общемировой тенденции учета общей стоимости сделки для целей контроля за экономической концентрацией. Данный критерий введен в 2017 г. в Германии¹ и Австрии², при этом в США критерий размера сделки был установлен еще в 1976 г. Актом Харта-Скотта-Родино.

В юридической литературе существуют различные позиции, как подтверждающие³, так и отрицающие уместность критерия цены сделки. Среди недостатков отмечается, что высокая цена сделки не обязательно означает, что сделка вызовет проблемы в отношении конкуренции⁴. Указывается, что цена сделки не является истинным отражением экономической деятельности ее участников, поскольку возможно совершение сделки с высокой ценой сделки, но относительно низкой экономической активностью ее участников, и обратное также верно⁵. Более того, отмечается риск создания дополнительной административной нагрузки, которая будет ресурсозатратной и может стать ненужным бременем для предпринимательской деятельности⁶, что, в свою очередь, может привести к сдерживанию инноваций и инвестиций.

Важно отметить, что, хотя введение нового критерия в Германии и Австрии незначительно расширило круг сделок, находящихся под контролем антимонопольного ведомства (в Германии – менее 1%⁷, в Австрии – около 5% от общего количества уведомлений⁸), анализ правоприменительной практики показывает, что пороговое значение цены сделки в основном дает ожидаемый

---

¹ Competition Act in the version published on 26.06.2013 (Bundesgesetzblatt (Federal Law Gazette) I, 2013, p. 1750, 3245), as last amended by Article 1 of the Act of 25.10.2023 (Federal Law Gazette I, p. 294), Section 35(1a).

² Bundesgesetz gegen Kartelle und andere Wettbewerbsbeschränkungen 2005, Section 9(4).

³ Гаврилов Д.А., Нагорский К.С. Развитие процедур государственного контроля за сделками M&A // Российское конкурентное право и экономика. 2018. № 3 (15). С. 51-52; Ex-post Assessment of Merger Control Decisions in Digital Markets // Lear. 2019. P. 45. URL: https://www.learlab.com/wp-content/uploads/2019/06/CMA_past_digital_mergers_GOV.UK_version-1.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ Killer Acquisitions? The Debate on Merger Control for Digital Markets. P. 15.

⁵ Mwemba W. Merger Regulation and the Digital Economy; Are Competition Authorities Up to the Task? // Kluwer Competition Law Blog. 01.08.2019. URL: <https://competitionlawblog.kluwercompetitionlaw.com/2019/08/01/merger-regulation-and-the-digital-economy-are-competition-authorities-up-to-the-task> (дата обращения: 01.06.2024).

⁶ Killer Acquisitions? The Debate on Merger Control for Digital Markets. P. 15.

⁷ Drucksache 19/26136 - Deutscher Bundestag. 2021. P. 5. URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/19/261/1926136.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

⁸ Gassler M. Why the introduction of a new transaction-value jurisdictional threshold for the EUMR has been postponed, at least for now // Oxford Competition Law. 28.06.2018. URL: <https://oxcat.oup.com/page/775> (дата обращения: 01.06.2024).

эффект. Большинство сделок касалось компаний, принадлежащих к инновационным секторам, при этом ни одна сделка не была запрещена¹. Благодаря данному критерию регулятор Германии проверил ключевые сделки на цифровых рынках (Paypal/Honey², Meta/Kustomer³).

Порог цены сделки субъективен в том смысле, что стоимость, приписываемая объекту экономической концентрации, может различаться от одного приобретателя другому. При этом цена, уплачиваемая приобретателем по сделке, часто учитывает рыночный потенциал объекта экономической концентрации⁴. Таким образом, цена сделки является подходящим инструментом для определения рыночной власти, поскольку чем дороже хозяйствующий субъект оценивается на рынке, тем больше вероятность того, что сделка с его участием окажет влияние на конкуренцию в будущем. В сочетании с пороговыми значениями по стоимости активов и выручке цена сделки представляет собой надлежащий критерий контроля в отношении сделок с участием объектов экономической концентрации – стартапов, которые еще не монетизировали свою деятельность.

Введение критерия цены сделки в рамках «пятого антимонопольного пакета», обусловленное в первую очередь проблемой антиконкурентных приобретений стартапов крупными хозяйствующими субъектами, расширило сферу контроля в отношении сделок по экономической концентрации в разных секторах, помимо цифрового. Как показывает опыт других юрисдикций, потенциально данным критерием могут быть затронуты сделки в сфере здравоохранения и химической промышленности⁵.

---

¹ Drucksache 19/26136 - Deutscher Bundestag. P. 5.

² Planned acquisition of Honey Science Corp. by PayPal Inc. cleared (B6-86/19) // Bundeskartellamt. 31.03.2020. URL: https://www.bundeskartellamt.de/SharedDocs/Entscheidung/EN/Fallberichte/Fusionskontrolle/2020/B6-86-19.pdf?__blob=publicationFile&v=2 (дата обращения: 01.06.2024).

³ Bundeskartellamt clears acquisition of Kustomer by Meta (formerly Facebook) // Bundeskartellamt. 11.02.2022. URL: https://www.bundeskartellamt.de/SharedDocs/Meldung/EN/Pressemitteilungen/2022/11_02_2022_Meta_Kustomer.html (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ Start-ups, killer acquisitions and merger control – Note by Germany // Organisation for Economic Co-operation and Development. DAF/COMP/WD(2020)20. 28.05.2020. § 11. URL: [https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/WD\(2020\)20/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/WD(2020)20/en/pdf) (дата обращения: 01.06.2024).

⁵ Gassler M. Op. cit.

В отношении иностранных лиц требования о контроле за экономической концентрацией распространяются только в случае осуществления ими поставок товаров на территорию России на сумму более 1 млрд рублей в течение календарного года до осуществления сделки (иного действия) (ч. 1 ст. 26.1 Закона).

В отношении сделок по приобретению акций (долей) важно подчеркнуть, что согласие ФАС России требуется на приобретение лишь такого количества акций (долей), в результате которого у лица концентрируется определенный объем акций (долей), позволяющий влиять на решения объекта экономической концентрации¹: более чем 25%, 50%, 75% голосующих акций; более чем 1/3, 1/2, 2/3 долей российского хозяйственного общества. Контролю подлежат также сделки по приобретению более 50% голосующих акций (долей) иностранного юридического лица (п. 9 ч. 1 ст. 28 Закона).

Распространенной практикой (в частности, на уровне Европейского союза) является невключение законодательством в периметр контролируемых антимонопольными органами действий сделок по приобретению миноритарных пакетов акций (долей). Вместе с тем Европейская комиссия выразила обеспокоенность по поводу пробелов в правоприменении, поскольку такого рода приобретения могут иметь побочные эффекты для конкуренции и нанести вред потребителям при определенных обстоятельствах². В частности, антиконкурентные эффекты могут возникнуть посредством совершения согласованных действий, обмена значимой для конкуренции информацией³.

Исследование, подготовленное для Генерального директората по конкуренции, показало, что очень немногие приобретения миноритарных пакетов акций действительно вызвали обеспокоенность в отношении конкуренции при осуществлении контроля за экономической концентрацией в Великобритании,

---

¹ Овакимян К.Б. Правовое регулирование государственного контроля за экономической концентрацией: дис. ... канд. юрид. наук. С. 88.

² White Paper. Towards More Effective EU Merger Control // European Commission. 09.07.2014. P. 9-11. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52014DC0449&rid=2> (дата обращения: 01.06.2024).

³ Definition of Transaction for the Purpose of Merger Control Review // OECD. 2013. URL: <https://www.oecd.org/daf/competition/Merger-control-review-2013.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

Германии, Австрии, США, Японии и Бразилии¹. Таким образом, риски ограничения конкуренции вследствие приобретения неконтрольных пакетов акций незначительны. Исследование подчеркивает важность баланса между дополнительным административным бременем, возникающим в результате введения порога в менее 50% акций (долей), и необходимостью выявления проблемных приобретений².

Также дополнительный критерий Закон устанавливает и в отношении сделок с нематериальными активами и (или) основными производственными средствами на территории России, которые требуют получения согласия, только если балансовая стоимость приобретаемого имущества превышает 20% балансовой стоимости всех таких средств и активов продавца.

Следует особо отметить, что законодательство содержит ряд исключений, когда сделка подпадает под рассмотренные выше основания, но при этом контролю со стороны ФАС России не подлежит (ч. 2 ст. 27, ч. 2 ст. 28, ч. 2 ст. 29 Закона). Так, если взаимосвязь лиц внутри группы лиц отвечает указанным в п. 1 ч. 1 ст. 9 Закона о защите конкуренции критериям (владение более чем 50% голосов), то согласовывать действие по экономической концентрации внутри такой группы не требуется, поскольку в данном случае структура контроля активов, и, следовательно, состояние конкуренции на рынке не изменяются³.

Иммунитет установлен и в отношении действий по экономической концентрации, осуществляемых в соответствии с актами Президента РФ или Правительства РФ. Полагаем, что указанное исключение предусмотрено исходя из особой важности таких сделок (иных действий) для публичных интересов в степени, превышающей интересы по защите конкуренции. К таким публичным интересам относятся в том числе интересы экономического развития в целом,

---

¹ Support Study for Impact Assessment Concerning the Review of Merger Regulation Regarding Minority Shareholdings // Spark Legal Network and Queen Mary University of London. 2016. P. 4. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/85490864-fa5c-11e6-8a35-01aa75ed71a1#> (дата обращения: 01.06.2024).

² Support Study for Impact Assessment Concerning the Review of Merger Regulation Regarding Minority Shareholdings. P. 4-5.

³ Конкурентное право: учебник / под ред. д.ю.н., доц. М.А. Егоровой, д.ю.н., доц. А.Ю. Кинева (авторы главы – М.А. Егорова, Т.Э. Щерба). М.: Юстицинформ, 2018. СПС Гарант.

интересы национальной безопасности¹. Так, соответствующие решения могут быть приняты, в частности, в целях завершения реализации инвестиционного проекта², повышения эффективности управления имуществом объекта экономической концентрации³, достижения синергетического эффекта⁴, развития промышленного производства в регионе⁵. Примерами могут служить сделки, совершение которых требует получения специального решения Президента РФ по контрсанкционному Указу Президента РФ от 05.08.2022 № 520 «О применении специальных экономических мер в финансовой и топливно-энергетической сферах в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций»⁶.

Таким образом, если действия по экономической концентрации отвечают критериям, по которым они подлежат антимонопольному контролю, но подпадают под вышеуказанные исключения, такие действия согласованию с ФАС России не подлежат.

Ввиду высокого уровня неопределенности при оценке последствий действий по экономической концентрации в цифровом секторе в практике зарубежных антимонопольных ведомств большое значение приобретают механизмы осуществления последующего контроля за экономической концентрацией. Так, в США ст. 7 Акта Клейтона 1914 г. позволяет уполномоченным ведомствам проводить расследования и оспаривать сделки, которые нарушают требования антимонопольного законодательства. ФТК и

---

¹ Писенко К.А., Гаспарян Э.Г. Указ. соч. С. 34-38.

² Указ Президента РФ от 05.01.2024 № 28 «О передаче в собственность Республики Саха (Якутия) находящихся в федеральной собственности акций акционерного общества «Жатайская судовой верфь» // Собрание законодательства РФ. 08.01.2024. № 2. Ст. 401.

³ Указ Президента РФ от 25.04.2019 № 197 «О федеральном казенном предприятии «Научно-производственное объединение «Казанский завод точного машиностроения» // Собрание законодательства РФ. 29.04.2019. № 17. Ст. 2079.

⁴ Указ Президента РФ от 24.10.2018 № 596 «Об имущественном взносе Российской Федерации в Государственную корпорацию по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех» // Собрание законодательства РФ. 29.10.2018. № 44. Ст. 6710; ОАК решено передать «Ростеху» // Коммерсантъ. 20.08.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3718917> (дата обращения: 01.06.2024).

⁵ Указ Президента РФ от 18.09.2018 № 528 «О передаче в собственность Чеченской Республики находящихся в федеральной собственности акций открытого акционерного общества «Чеченнефтехимпром» // Собрание законодательства РФ. 24.09.2018. № 39. Ст. 5948.

⁶ Указ Президента РФ от 05.08.2022 № 520 (ред. от 19.03.2024) «О применении специальных экономических мер в финансовой и топливно-энергетической сферах в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций» // Собрание законодательства РФ. 08.08.2022. № 32. Ст. 5816. СПС КонсультантПлюс.

Министерство юстиции США могут принять меры, даже если сделка уже была осуществлена, и она не соответствует критериям обязательного уведомления. Например, ФТК использовала имеющиеся полномочия для проведения последующего анализа нескольких сотен сделок по экономической концентрации Apple, Amazon, Meta, Google и Microsoft за 10-летний период¹. Другим примером является приобретение Vazaarvoice компании PowerReviews, которое было оспорено Министерством юстиции США после его осуществления. Данная сделка между компаниями, осуществляющими разработку программного обеспечения, не подлежала контролю в соответствии с Актом Харта-Скотта-Родио, поскольку не превышала пороговые значения для уведомления. Однако Министерство юстиции США заявило, что сделка по приобретению компанией Vazaarvoice своего единственного значимого конкурента существенно ограничила конкуренцию на соответствующем рынке. Суд согласился с позицией ведомства, и Vazaarvoice была вынуждена не только продать приобретенные активы, но и принять дополнительные меры, позволяющие покупателю быстро достичь конкурентных позиций, которые PowerReviews заняла бы, если бы незаконная сделка не была совершена².

Несмотря на то, что такой подход может сократить количество сделок, которые необходимо изучить регулятору в рамках предварительного контроля, представляется, что наличие даже ограниченного по времени полномочия органа власти по отмене сделки *ex post* может привести к значительной неопределенности для ее участников, которые могут воздерживаться от осуществления интеграционных процессов в течение периода возможного государственного вмешательства.

На повестке дня также возникает вопрос о возможности признания осуществления действия по экономической концентрации, не подпадающего под установленные законом пороговые значения для согласования,

---

¹ FTC Staff Presents Report on Nearly a Decade of Unreported Acquisitions by the Biggest Technology Companies // Federal Trade Commission. 15.09.2021. URL: <https://www.ftc.gov/news-events/news/press-releases/2021/09/ftc-staff-presents-report-nearly-decade-unreported-acquisitions-biggest-technology-companies> (дата обращения: 01.06.2024).

² United States v. Vazaarvoice, Inc., C13-0133 (N.D. Cal. Jan. 8, 2013). URL: <https://www.justice.gov/atr/case/us-v-bazaarvoice-inc> (дата обращения: 01.06.2024).

злоупотреблением доминирующим положением. Так, в решении по делу Towercast¹ Суд ЕС, следуя принятому до введения на уровне ЕС системы контроля за экономической концентрацией знаковому решению по делу Continental Can², восстановил механизм, с помощью которого антимонопольный орган может признавать осуществление действий, не достигающих пороговых значений, злоупотреблением доминирующим положением на рынке. Для установления факта правонарушения на этом основании достигнутая хозяйствующим субъектом в результате совершения действия степень доминирования должна приводить к устранению конкуренции – к «рынку, состоящему исключительно из компаний, поведение которых зависит от доминирующего хозяйствующего субъекта».

Представляется, что в идеале антимонопольные органы должны выявлять и устранять возможные ограничения конкуренции, связанные с экономической концентрацией, в рамках процедуры предварительного контроля, а не пытаться исправить антиконкурентную ситуацию постфактум, поскольку сделать это после монополизации рынка может быть затруднительно³.

Хотя юрисдикции по всему миру имеют тенденцию к рассмотрению уже совершенных сделок, следует учитывать, что такое рассмотрение сопряжено с риском дорогостоящих и обременительных судебных разбирательств, снижает правовую определенность и предсказуемость, которые являются неотъемлемой частью деловых операций, и создает возможности для политизации процесса рассмотрения сделок (иных действий)⁴.

Признание совершения сделки (иного действия), которая не подлежит контролю за экономической концентрацией (в силу непревышения

---

¹ Judgment of the Court (Second Chamber) of 16.03.2023. Towercast v Autorité de la concurrence and Ministère de l'Économie. Case C-449/21. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX:62021CJ0449> (дата обращения: 01.06.2024).

² Judgment of the Court of Justice of 21.02.1973. Europemballage Corporation and Continental Can Company Inc. v Commission of the European Communities. Case 6-72.

³ Абдуллин Д.Т. Правовая регламентация критериев экономической концентрации в рамках осуществления антимонопольного контроля на товарных рынках в условиях цифровой экономики // Законодательство. 2024. № 5. С. 33-38.

⁴ Disentangling Consummated Mergers – Experiences and Challenges – Note by BIAAC // Organisation for Economic Co-operation and Development DAF/COMP/WD(2022)45. 03.06.2022. URL: [https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/WD\(2022\)45/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/WD(2022)45/en/pdf) (дата обращения: 01.06.2024).

установленных законом пороговых значений по финансовым показателям) и приводит к устранению конкуренции, злоупотреблением доминирующим положением оставляет широкое усмотрение антимонопольному органу при принятии решения и, соответственно, не обеспечивает правовую определенность, не гарантирует предсказуемость поведения участников публичных правоотношений. Полагаем, что, несмотря на очевидную эффективность применения зарубежными органами положений о злоупотреблении доминирующим положением, мер в виде принудительного разделения в отношении приобретателей по сделкам, не подпадающим под критерии экономической концентрации в рамках осуществления антимонопольного контроля, использование соответствующих механизмов должно быть крайней мерой. Приоритетным направлением представляется совершенствование системы предварительного контроля, направленной на предупреждение возможных антиконкурентных последствий действий по экономической концентрации.

Выводы: Тенденцией правового регулирования антимонопольного контроля за экономической концентрацией в условиях цифровой экономики является расширение оснований контроля за экономической концентрацией посредством, в частности, введения критерия цены сделки, возможности признания действий по экономической концентрации злоупотреблением доминирующим положением на рынке, установления специальных правовых режимов с учетом специфики рынков и состояния конкуренции на них.

В новой цифровой реальности правовой институт контроля за экономической концентрацией адаптируется к происходящим переменам, что свидетельствует о способности антимонопольных органов найти инструменты для анализа новых рынков. Однако успешность планируемых правовых изменений в значительной степени зависит от интеграции принципов конкуренции в общую правовую политику. Поскольку по своему масштабу цифровая экономика является глобальной, а цифровые гиганты по всему миру используют сходные ограничивающие конкуренцию стратегии, особое значение приобретает сотрудничество отечественного антимонопольного ведомства с регуляторами

других стран, в частности, партнеров России по БРИКС, сталкивающимися с общими проблемами обеспечения эффективного контроля за экономической концентрацией.

Глава 3. Осуществление антимонопольного контроля за экономической концентрацией в сфере предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики

§1. Процедура антимонопольного контроля за экономической концентрацией в условиях цифровой экономики

Закон о защите конкуренции закрепляет обязанность указанных в ч. 1 ст. 32 Закона лиц, участвующих в действии по экономической концентрации, по представлению ходатайства с приложениями в установленной форме¹ в адрес ФАС России, которая в 30-дневный срок обязана по результатам рассмотрения ходатайства сообщить заявителю о принятом решении (ч. 1 ст. 33 Закона). При совершении действия по экономической концентрации до получения предварительного согласия ФАС России ходатайство принимается к сведению и не подлежит рассмотрению, поскольку предварительный контроль над уже осуществленным действием не представляется возможным (п. 2.1 Разъяснения № 19).

Важно заметить, что указанный в Законе 30-дневный срок для рассмотрения ходатайства может продлеваться: 1) для его дополнительного рассмотрения, получения дополнительной информации при установлении возможности наступления антиконкурентных последствий в результате совершения планируемого действия по экономической концентрации на срок до 2 месяцев (в отношении трансграничных действий по экономической концентрации – на срок до 3 лет) (п. 2 ч. 2, ч. 3 ст. 33 Закона), 2) в связи с определением предварительных условий на срок до 9 месяцев (в отношении трансграничных действий по

---

¹ Приказ ФАС России от 17.04.2008 № 129 (ред. от 20.04.2010) «Об утверждении Формы представления антимонопольному органу сведений при обращении с ходатайствами и уведомлениями, предусмотренными статьями 27 - 31 Федерального закона «О защите конкуренции» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 04.05.2008 № 11614) // Российская газета. № 101. 14.05.2008. СПС КонсультантПлюс.

экономической концентрации 9-месячный срок может быть продлен не более чем на 3 года) (п. 3 ч. 2 ст. 33 Закона), 3) в связи с необходимостью принятия решений в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 29.04.2008 № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» (далее – Закон № 57-ФЗ)¹, ст. 6 Федерального закона от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»² (п. 3.1-3.4 ч. 2 ст. 33 Закона), а также приостанавливаться на срок проведения экспертизы (ч. 3.2 ст. 33 Закона).

В соответствии с положениями «пятого антимонопольного пакета» антимонопольный орган в случае, если придет к предварительному выводу о реальном или потенциальном антиконкурентном характере действия по экономической концентрации, перед принятием решения направляет его участникам заключение об обстоятельствах ходатайства, включающее фактические, иные обстоятельства, описание подтверждающих выводы регулятора доказательств, предлагаемые участникам проконкурентные условия (условия предписания) (ч. 6.1, 6.2 ст. 33 Закона). Введение данного института позволяет участникам действия по экономической концентрации ознакомиться с предварительными выводами ведомства и представить по заключению регулятора пояснения, доказательства, доводы, которые, в свою очередь, могут повлиять на итоговое решение антимонопольного органа.

Нововведения также устанавливают возможность проведения очного рассмотрения ходатайства в случае принятия заключения об обстоятельствах ходатайства по заявлению участников действия по экономической концентрации либо по собственной инициативе регулятора (ч. 6.3 ст. 33 Закона). Данная мера позволяет повысить открытость процесса рассмотрения ходатайства и

---

¹ Федеральный закон от 29.04.2008 (ред. от 28.04.2023) № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» // Российская газета. № 96. 07.05.2008. СПС КонсультантПлюс.

² Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // Российская газета. № 134. 14.07.1999. СПС КонсультантПлюс.

представляет участникам действия по экономической концентрации возможность очно аргументировать его допустимость.

Важную роль играет институт экспертизы, распространенный «пятым антимонопольным пакетом» на контроль за экономической концентрацией (ст. 9.2 Закона). Указанный институт с появления в 1990-х г. в рамках контроля за экономической концентрацией в США применялся в сделках в сфере здравоохранения – отрасли, связанной с разработкой новых технологий, для целей обеспечения передачи технологий и оказания лицом, которому выдано структурное предписание, технической поддержки покупателю активов для создания собственных производственных мощностей¹. Необходимость введения указанного института в США была выявлена проведенным ФТК исследованием, которое показало, что хотя значительное большинство сделок, одобренных с выдачей структурных предписаний, были успешными в том смысле, что покупатель смог утвердиться на рынке, выполнение соответствующих предписаний было сопряжено с системными проблемами: покупатели не получали всех активов, технической помощи, необходимых для входа на рынок, часто платили больше, чем стоили активы. В результате вполне вероятно, что конкуренция зачастую восстанавливалась медленнее и менее полно, чем ожидал антимонопольный орган². Исследование процедуры ФТК по продаже активов 1999 г.³ показало, что основная проблема была создана тем, что ФТК чрезмерно полагалась на мнение продавцов активов, которые должны были быть проданы в соответствии с условиями предписаний⁴.

Закон о защите конкуренции определяет отдельные вопросы проведения экспертизы, устанавливает правовой статус эксперта, порядок его назначения и отвода. К экспертам предъявляются следующие квалификационные требования: наличие гражданства РФ, высшего образования, опыта работы в сфере, затрагиваемой рассматриваемым ходатайством (не менее чем 5 лет), отсутствие

---

¹ Davidson K. The FTC Monitor Trustee. 19.12.2005. URL: https://www.antitrustinstitute.org/wp-content/uploads/2018/08/473_020920071631.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

² Там же.

³ Baer W.J. A Study of the Commission's Divestiture Process // Federal Trade Commission. 1999. URL: <https://www.ftc.gov/sites/default/files/attachments/merger-review/divestiture.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ Davidson K. Op. cit.

фактов привлечения к административной, уголовной ответственности за правонарушения, преступления, связанные с деятельностью эксперта (ст. 13.14, 19.26 КоАП РФ, ст. 183, 200.6, 307 Уголовного кодекса РФ¹)².

Несмотря на то, что в России институт экспертизы до недавнего времени не распространялся на контроль за экономической концентрацией, указанный институт был применен при рассмотрении в 2018 г. сделки Bayer/Monsanto. Так, компания «Байер АГ» была обязана заключить договор об организации Центра технологического трансфера, который наделялся полномочиями по мониторингу исполнения компаниями группы лиц «Байер АГ» обязательств по трансферу технологий³.

Привлечение экспертов при рассмотрении ходатайств, а также в случаях необходимости обеспечения контроля за исполнением предписаний, несомненно, содействует всесторонней оценке возможных антиконкурентных последствий действий по экономической концентрации и обеспечению независимого мониторинга исполнения предписаний (в частности, при передаче технологий). Представляется, что привлечение экспертов может способствовать развитию структурных предписаний, разработка которых зачастую требует специальных познаний в отраслевых/инвестиционных рынках. Кроме того, как указывает ОЭСР, особую значимость институт экспертизы приобретает при мониторинге исполнения предписаний антимонопольных регуляторов по трансграничным сделкам⁴.

В результате рассмотрения ходатайства ФАС России может принять решение об удовлетворении ходатайства с выдачей предписания (п. 4 ч. 2 ст. 33 Закона) либо без такового (п. 1 ч. 2 ст. 33 Закона); либо решение об отказе в удовлетворении ходатайства в связи с 1) реальным либо потенциальным антиконкурентным характером действия по экономической концентрации; 2)

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954. СПС КонсультантПлюс.

² Приказ ФАС России от 25.08.2023 № 574/23 «Об утверждении квалификационных требований к экспертам, привлекаемым антимонопольным органом или комиссией по рассмотрению дела о нарушении антимонопольного законодательства» (Зарегистрировано в Минюсте России 31.10.2023 № 75791). СПС КонсультантПлюс.

³ Предписание ФАС России от 20.04.2018 № ИА/28184/18. URL: <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-kontrolya-agropromyshlennogo-kompleksa/ia-28184-18> (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ Policy Roundtable – Remedies in Merger Cases. P. 13.

непредставлением по запросу антимонопольного органа (либо представлением недостоверной, неполной) информации; 3) отказом в согласовании в порядке, предусмотренном Законом № 57-ФЗ; 4) неподачей ходатайства в порядке, предусмотренном Законом № 57-ФЗ, в течение 3 месяцев со дня получения решения о продлении срока рассмотрения ходатайства по соответствующему основанию (пп. 5-7 ч. 2 ст. 33 Закона). Решение ФАС России носит согласительный характер и само по себе не порождает каких-либо обязательств для акционеров (участников) объекта экономической концентрации¹.

Следует обратить внимание, что, если действие по экономической концентрации требует согласования с ФАС России не только по Закону о защите конкуренции, но и в соответствии с Законом № 57-ФЗ, решение о влиянии такого действия на состояние конкуренции не может быть вынесено без решения Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации. Таким образом, несмотря на различие целей видов осуществляемого антимонопольным органом контроля по Закону № 57-ФЗ (обеспечение обороны страны и безопасности государства) и Закону о защите конкуренции, они непосредственно связаны между собой².

Порядок осуществления последующего контроля отличается от механизма предварительного контроля и проводится по правилам, установленным ст. 31 Закона. По результатам рассмотрения уведомления, поданного в соответствии с указанными правилами, регулятор при выявлении реальных (потенциальных) антиконкурентных эффектов от осуществленного действия по экономической концентрации вправе выдать предписание (ч. 10 ст. 33 Закона).

Также Законом предусмотрена возможность предварительного обсуждения с антимонопольным органом планируемого к подаче ходатайства или уведомления (ч. 10 ст. 32 Закона). Это официальная процедура, введенная «четвертым антимонопольным пакетом» и имеющая аналоги в зарубежных

---

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.12.2023 № 09АП-71988/2023 по делу № А40-151401/23. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/c0bfd2b1-f9d3-42a9-8922-ed108b0e89ba/bd0149d3-b057-4081-ab40-35597f344d87/A40-151401-2023__20231206.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.06.2024).

² Мазуренко В.А. Указ. соч. С. 28.

правопорядках¹. Так, лица, указанные в ч. 1 ст. 32 Закона, до подачи ходатайства (уведомления) вправе представить в ФАС России документы и сведения по нему, а также предложить проконкурентные условия предписания. В свою очередь, регулятор принимает представленные сведения и документы во внимание. При этом у антимонопольного органа также имеется право запросить дополнительные пояснения для целей выработки своей позиции (п. 1.6 Разъяснения № 19). Осуществление данной процедуры антимонопольного контроля представляется оправданным в отношении сделок (иных действий), которые потенциально могут приводить к антиконкурентным последствиям, для целей корректировки структуры планируемых сделок (иных действий), чтобы повысить вероятность положительного решения регулятора.

Поскольку цифровые рынки имеют глобальный характер, особое значение в рамках процедуры осуществления контроля за экономической концентрацией приобретает сотрудничество между антимонопольными органами государств.

При взаимодействии российского регулятора с зарубежными антимонопольными органами по желанию участников трансграничных действий по экономической концентрации может применяться механизм отказа от конфиденциальности (вейверов) для целей обмена необходимой информацией без направления дублирующих запросов². Обмен информацией и доказательствами, собранными регуляторами, поощряется Международной конкурентной сетью, Комиссией по конкуренции ОЭСР и становится все более частым³. Механизм отказа от конфиденциальности позволяет провести более эффективное и ускоренное рассмотрение, и поэтому участники сделки (иного действия) обычно предоставляют такие отказы. Обмен информацией является стандартной и достаточно эффективной практикой при рассмотрении трансграничных сделок (иных действий) по экономической концентрации несколькими юрисдикциями.

---

¹ DG Competition Best Practices on the conduct of EC merger proceedings. 20.01.2004. P. 2-4. URL: <https://ec.europa.eu/competition/mergers/legislation/proceedings.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

² Рекомендации Президиума ФАС России «По применению механизма отказа от конфиденциальности (вейвера) при рассмотрении сделок экономической концентрации» (одобрено протоколом Президиума ФАС России от 13.03.2019 № 2). СПС КонсультантПлюс.

³ OECD/ICN Report on International Co-operation in Competition Enforcement. 2021. URL: <https://www.oecd.org/competition/oecd-icn-report-on-international-cooperation-in-competition-enforcement-2021.htm> (дата обращения: 01.06.2024).

Основное преимущество указанного механизма состоит в том, что отказ от конфиденциальности является добровольным: стороны готовы отказаться от конфиденциальности, поскольку осознают преимущества более ускоренного и скоординированного рассмотрения¹.

Однако обмен информацией между антимонопольными органами – это только один из аспектов, в котором сотрудничество между регуляторами может быть полезным. Существует множество других аспектов, в которых ведомства могут расширить свое сотрудничество, например, в части разработки условий предписаний, контроля за их исполнением, поддержки в ходе судебных разбирательств². Так, Стратегией развития конкуренции и антимонопольного регулирования в РФ на период до 2030 года³ предусмотрено усиление работы по проведению совместных расследований с антимонопольными ведомствами иностранных государств, взаимодействие при рассмотрении глобальных сделок.

Поскольку антимонопольные органы сталкиваются с общими проблемами анализа сделок (иных действий) в технологических областях, трансграничные сделки (иные действия) могут рассматриваться совместно национальными антимонопольными органами, юрисдикции которых затрагиваются сделкой (иным действием). В соответствии с принципом, который заложен в механизме отказа от конфиденциальности, антимонопольные органы могут проводить более широкий совместный анализ трансграничной сделки (иного действия) по экономической концентрации на основе полученного от ее участников и национального антимонопольного органа добровольного согласия на совместное принятие решения по сделке (иному действию) антимонопольными органами соответствующих государств⁴.

Вместе с тем предлагаемое изменение сопряжено с некоторыми трудностями, связанными с различиями в процедурах в разных юрисдикциях и необходимостью обеспечения высокого уровня доверия между органами. Что касается

---

¹ OECD/ICN Report on International Co-operation in Competition Enforcement.

² Ibid.

³ Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года (утв. протоколом Президиума ФАС России от 03.07.2019 № 6). СПС КонсультантПлюс.

⁴ Halperin M. The Future of Merger Control in Technological Markets as Revealed in Recent Merger Cases // Antitrust. 2023. Vol. 38. No. 1. P. 78.

процедурных аспектов, то антимонопольные ведомства сделали существенный шаг в стандартизации процедурных аспектов своей деятельности, согласовав Концепцию Международной конкурентной сети по процедурам антимонопольных агентств¹. К документу присоединились более 70 антимонопольных органов по всему миру, включая российский. Таким образом, Концепция Международной конкурентной сети может создать основу для взаимной и совместной работы по рассмотрению сделок на технологических рынках. При этом, поскольку с 2022 г. членство России в Международной конкурентной сети приостановлено², соответствующий механизм может быть реализован на уровне БРИКС³.

Эта модель обеспечивает значительные преимущества с точки зрения эффективности. У сторон трансграничных действий по экономической концентрации будет стимул добровольно согласиться на совместное рассмотрение национальными антимонопольными органами, поскольку это ускорит процесс рассмотрения и сэкономит ресурсы при взаимодействии с несколькими ведомствами, а главное, снизит риск противоречивых решений в разных юрисдикциях, что становится все более распространенным (например, Microsoft/Activision Blizzard, Booking/eTraveli)⁴.

В текущей ситуации каждая юрисдикция, участвующая в рассмотрении трансграничной сделки (иногo действия), имеет право вето на осуществление такой сделки (иногo действия). Стороны могут получить согласие всех органов, кроме одного, и они все равно не смогут заключить сделку, что нежелательно не только для хозяйствующих субъектов, участвующих в сделке, но и для каждого из других задействованных антимонопольных органов, полномочия которых по принятию решений подрываются решениями иностранных регуляторов. Чтобы

---

¹ ICN Framework for Competition Agency Procedures (CAP). 2019. URL: <https://www.internationalcompetitionnetwork.org/frameworks/competition-agency-procedures> (дата обращения: 01.06.2024).

² ICN Chair's Statement // International Competition Network. 02.03.2022. URL: <https://www.internationalcompetitionnetwork.org/news/chair-statement-2022march> (дата обращения: 01.06.2024).

³ Эксперт: РФ может добиться успеха на антимонопольном треке в год председательства в БРИКС // ТАСС. 10.12.2023. URL: <https://tass.ru/politika/19501881> (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ Global merger control trends. URL: <https://www.whitecase.com/insight-our-thinking/global-merger-control-trends> (дата обращения: 01.06.2024).

избежать такого исхода, у сторон есть большой стимул передать планируемую сделку на совместное рассмотрение национальными антимонопольными органами. Также это позволит обеспечить оперативность рассмотрения сделки (иного действия), что имеет особое значение на динамичных цифровых рынках: длительное рассмотрение может оказать негативное влияние на возможности привлечения российскими субъектами предпринимательской деятельности иностранных инвестиций, за 3 года (максимальный срок продления рассмотрения ходатайства, предусмотренный Законом) может существенно измениться экономическое положение участников сделки (иного действия), сами товарные рынки и конкурентная ситуация на них вплоть до исчезновения отдельных товарных рынков.

Учитывая изложенное, наряду с рассмотренными препятствиями существуют явные преимущества для проведения совместного контроля за экономической концентрацией в технологическом секторе антимонопольными органами нескольких юрисдикций. Первое и самое важное – это уменьшит количество случаев противоречивых решений разных ведомств. Кроме того, это позволит регуляторам объединить усилия по осуществлению обременительного и сложного анализа сделок (иных действий), а также будет содействовать созданию единого последовательного подхода к оценке сделок (иных действий) на цифровых рынках, что особенно актуально, поскольку теория права и законодательство в данной сфере все еще развивается. Наконец, принятое совместно решение может быть более устойчивым, что сделает его менее уязвимым для судебного оспаривания¹.

Выводы: Нововведения, предусмотренные «пятым антимонопольным пакетом» в отношении процедуры осуществления антимонопольного контроля за экономической концентрацией, обеспечивают развитие слаженно функционирующей системы, направленной на достижение максимальной прозрачности процессов рассмотрения ходатайств и обеспечивающей надлежащий контроль за процессами экономической концентрации. Так, введение

---

¹ Halperin M. Op. cit. P. 79.

норм о проведении очного рассмотрения ходатайства повышает открытость процесса рассмотрения и представляет участникам сделки (иного действия) по экономической концентрации возможность очно аргументировать ее допустимость. В свою очередь, распространение института экспертизы на контроль за экономической концентрацией способствует всесторонней оценке возможных антиконкурентных последствий сделок (иных действий) и обеспечению независимого мониторинга исполнения предписаний (в частности, при передаче технологий). Введение института заключения об обстоятельствах ходатайства позволяет участникам сделки (иного действия) ознакомиться с предварительными выводами ведомства и представить по заключению регулятора пояснения, доказательства, доводы, которые, в свою очередь, могут повлиять на итоговое решение антимонопольного органа.

Механизм правового регулирования совместного коллегиального рассмотрения трансграничных сделок (иных действий) национальными антимонопольными органами в рамках БРИКС в условиях цифровой экономики позволит обеспечить унификацию подходов к оценке сделок (иных действий) на цифровых рынках, оперативность рассмотрения трансграничных сделок (иных действий), снижение административной нагрузки на участников сделок (иных действий) и риска противоречивых решений в различных юрисдикциях. Осуществление антимонопольного контроля за экономической концентрацией на трансграничных рынках путем совместного коллегиального рассмотрения трансграничной сделки (иного действия) национальными антимонопольными органами, юрисдикции которых затрагиваются такой сделкой (иным действием), в добровольном порядке предусматривает обмен информацией, совместный анализ состояния конкуренции на трансграничных рынках, совместную разработку запросов информации и предлагаемых участникам сделки (иного действия) условий предписаний на основе таких правовых средств, как договор о сотрудничестве между антимонопольными органами государств-участников БРИКС, отказ участников сделки (иного действия) от конфиденциальности (вейвер).

§2. Основания для признания сделок (иных действий), подлежащих антимонопольному контролю, допустимыми в условиях цифровой экономики

Оценка допустимости сделок (иных действий) по существу лежит в основе всей системы контроля за экономической концентрацией. Согласно Разделу III Разъяснения № 19 при рассмотрении ходатайства о даче согласия на осуществление действия по экономической концентрации антимонопольный орган дает правовую оценку возможности ограничения конкуренции на рынке в результате совершения действия; допустимости планируемого действия исходя из представленных доказательств допустимости, то есть перевешивают ли возникающие в связи с совершением действия положительные эффекты для конкуренции и затрагиваемых отраслей экономики в целом возможные антиконкурентные последствия.

Основанием для отказа в согласовании действия по экономической концентрации или для согласования такого действия с выдачей предписания является наступление или возможность наступления ограничивающих конкуренцию последствий, в том числе в результате возникновения (усиления) доминирующего положения группы лиц приобретателя (созданного в результате действия по экономической концентрации хозяйствующего субъекта) (пп. 4, 5 ч. 2 ст. 33 Закона).

Антимонопольный орган при принятии решения в отношении действия по экономической концентрации исходит из следующих опровержимых презумпций. Так, если совокупная доля составляет менее 35% на рынке, регулятор исходит из презумпции отсутствия антиконкурентных последствий от совершения действия. При превышении совокупной доли на рынке порога в 50% антимонопольный орган презюмирует антиконкурентный характер действия. Данные презумпции носят опровержимый характер, поскольку доля на рынке является не

основополагающим критерием рыночной власти (возможности в одностороннем порядке определять общие условия обращения товара на соответствующем рынке¹), а лишь одним из таких критериев (п. 3.1 Разъяснения № 19).

В отношении рынков, основанных на транзакционных цифровых платформах, для определения доминирующего положения анализу подлежит наличие сетевых эффектов, возможность владельца платформы оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на рынке, и (или) устранять других хозяйствующих субъектов с рынка, и (или) затруднять им доступ на рынок (ч. 8.1 ст. 5 Закона).

Вместе с тем, поскольку к усилению сетевого эффекта, и, соответственно, к повышению барьеров входа на товарный рынок, может привести осуществление действия по экономической концентрации с участием любых видов цифровых платформ², указанный критерий подлежит применению при определении доминирующего положения в равной степени как к владельцам транзакционных, так и к владельцам нетранзакционных цифровых платформ. При этом в настоящее время цифровая платформа рассматривается Законом о защите конкуренции исключительно как имеющая транзакционный характер (п. 4.1 ст. 4 Закона).

При определении доминирующего положения в рамках осуществления контроля за экономической концентрацией на цифровых рынках, в том числе в отношении владельцев транзакционных и нетранзакционных цифровых платформ, представляется целесообразным учитывать количество пользователей, что соответствует планируемым изменениям, вносимым в Приказ № 220³. Показатель количества пользователей относится к данным, которые являются важным барьером входа и ключевой характеристикой новой экономики, и,

---

¹ Петров Д.А. Рыночная власть и переговорная сила как категории антимонопольного регулирования // Конкурентное право. 2021. № 1. С. 4; Гаврилов Д.А., Овакимян К.Б. Оценка положительного и негативного влияния сделок, иных действий на состояние конкуренции в рамках государственного контроля за экономической концентрацией // Оценка состояния конкуренции на товарных рынках: правовые и экономические вопросы: монография, коллектив авторов / отв. ред.: А.В. Молчанов, Д.А. Петров. М.: Юрист, 2020. С. 285.

² Yun J.M. Overview of Network Effects & Platforms in Digital Markets // The Global Antitrust Institute Report on the Digital Economy. 19.11.2020. P. 20. URL: <https://ssrn.com/abstract=3733656> (дата обращения: 01.06.2024).

³ Проект Приказа ФАС России «О внесении изменений в Порядок проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке, утвержденный приказом ФАС России от 28 апреля 2010 г. № 220». URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=140675> (дата обращения: 01.06.2024).

следовательно, может служить надлежащим показателем конкурентной значимости действующих на цифровых рынках хозяйствующих субъектов.

Действие по экономической концентрации может быть признано допустимым, если соблюдаются следующие условия в совокупности: 1) отсутствие создания в результате такого действия возможности устранения отдельными лицами конкуренции на рынке; 2) отсутствие наложения действием ограничений, не отвечающих достижению его целей; 3) наступление (возможность наступления) благоприятных последствий для экономики России, экономической деятельности иных субъектов¹: совершенствование производства, реализации товаров или стимулирование технического, экономического прогресса либо повышение конкурентоспособности отечественных товаров на мировом рынке; получение покупателями соразмерных преимуществ от действия по экономической концентрации; 4) наличие прямой причинно-следственной связи между действием по экономической концентрации и возникшими положительными эффектами, не достижимыми иным способом, с меньшими негативными последствиями; 5) наличие четких причинно-следственных механизмов передачи соразмерных преимуществ от такого действия потребителям; 6) возможность высокоточного расчета благоприятных последствий от такого действия, отсутствие сомнений в их проявлении в обозримом будущем; 7) значительность благоприятных последствий, их способность существенно компенсировать антиконкурентные эффекты действия по экономической концентрации (ч. 1 ст. 13 Закона, п. 3.4 Разъяснения № 19).

По результатам такого анализа с позиции допустимости сделок (иных действий) регулятор может принять решение, обеспечивающее баланс публичных интересов по защите конкуренции и частных интересов участников сделок (иных действий)².

---

¹ Определение Верховного Суда РФ от 17.05.2021 № 305-ЭС21-5232 по делу № А40-91027/2019. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/382d8879-9dce-451b-aaa1-fd4b6f4a6c33/3b557d3b-0fe3-4de9-ae76-7ac921d40441/A40-91027-2019_20210517_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.06.2024).

² Гаврилов Д.А., Овакимян К.Б. Указ. соч. С. 294.

Однако с развитием цифровой экономики возникает ряд сложностей, связанных с анализом рассматриваемых действий по экономической концентрации. Как указывает О.А. Символоков, механизм оценки допустимости в условиях цифровой экономики требует его оснащения новыми правовыми инструментами и дополнительными критериями¹.

В условиях цифровой экономики особое значение приобретает надлежащее определение затрагиваемых сделкой (иным действием) товарных рынков. А.Ю. Кинев, А.П. Тенишев и А.А. Филимонов подчеркивают, что «иной раз для некоторых видов товара это сложно сделать чисто технически»². С.В. Тимофеев указывает, что в условиях цифровой экономики определение рынка и оценка рыночной власти является проблематичным в силу распространения многосторонних цифровых платформ³. Наличие сильных сетевых эффектов на цифровых рынках может затруднить определение границ рынка, поскольку спрос и конкурентная динамика могут зависеть от размера и активности базы пользователей⁴. Как отмечает Ю.С. Харитонова, в эпоху цифровизации существуют глобальные рынки, которые нередко вообще не ограничены конкретной территорией⁵.

Границы соответствующего товарного рынка по общему правилу определяются с помощью «теста гипотетического монополиста», который заключается в исследовании поведения приобретателей товара при долговременном повышении цены на рассматриваемый товар путем опроса покупателей (пп. 3.8, 4.5 Приказа № 220).

---

¹ Символоков О.А. Правила торговой политики как способ предупреждения ограничения конкуренции // Современные проблемы развития российского и зарубежного конкурентного права: монография / под общ. ред. д.ю.н. проф. М.А. Егоровой. М.: Юстицинформ, 2022. С. 77-78.

² Ответственность за нарушения антимонопольного законодательства: проблемы теории и практики: монография / отв. ред. С.В. Максимов, С.А. Пузыревский (авторы главы – А.Ю. Кинев, А.П. Тенишев, А.А. Филимонов). М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2016. СПС КонсультантПлюс.

³ Тимофеев С. В. Цифровые монополии: задачи и перспективы законодательного антимонопольного регулирования // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2022. № 4. С. 117.

⁴ Knapstad T. Digital dominance: assessing market definition and market power for online platforms under Article 102 TFEU // European Competition Journal. 08.11.2023. P. 6.

⁵ Харитонова Ю.С. Проблемы применения антимонопольного законодательства в условиях цифровой экономики // Основные направления развития конкуренции в глобальном и национальном аспекте: сборник научных трудов к пятилетию кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) / отв. ред. С.А. Пузыревский, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2018. СПС КонсультантПлюс.

В юридической литературе и правоприменительной практике отсутствует единое мнение относительно того, сколько соответствующих рынков следует определить при рассмотрении сделок (иных действий) на распространенных в цифровой сфере многосторонних рынках¹.

Г. Нилс², М. Катц и Дж. Саллет³ выступают за определение отдельных соответствующих рынков для каждой стороны, что особенно актуально, когда взаимозаменяемые товары различаются на каждой стороне.

Как предложила В. Робертсон⁴, один соответствующий рынок можно определить, объединяя все стороны рынка, если (а) взаимозаменяемость на всех сторонах аналогична друг другу; и (б) деятельность платформы охватывает все стороны⁵.

Л. Филиструччи предлагает разделить многосторонние платформы на нетранзакционные и транзакционные платформы⁶. При нетранзакционном характере платформы сделки между двумя сторонами не распознаваемы, а на каждой из сторон владелец платформы предоставляет невзаимозаменяемые услуги (например, рекламные услуги и услуги по социальному взаимодействию). В данном случае Л. Филиструччи предлагает определить соответствующий рынок для каждой из сторон⁷. Двусторонняя транзакционная платформа характеризуется распознаваемостью сделок между двумя сторонами: на одной – владелец платформы предоставляет право приобрести товар, на другой – продать его. Таким образом, возможность совершения сделки для каждой из двух сторон представляет собой один и тот же товар. При таких обстоятельствах ведомство

---

¹ Егорова М.А., Хохлов Е.С. Указ. соч. С. 113-114.

² Niels G. Transaction Versus Non-Transaction Platforms: A False Dichotomy in Two-Sided Market Definition // *Journal of Competition Law & Economics*. 2019. Vol. 15. P. 327.

³ Katz M. and Sallet J. Multisided Platforms and Antitrust Enforcement // *The Yale Law Journal*. 2018. Vol. 127. P. 2153-2158.

⁴ Robertson V. Competition Law's Innovation Factor – The Relevant Market in Dynamic Contexts in the EU and the US. Hart Publishing, 2020. P. 278-279, 284, 300-303.

⁵ Wismer S., Bongard C. and Rasek A. Multi-Sided Market Economics in Competition Law Enforcement // *Journal of European Competition Law & Practice*. 2017. No. 8. P. 259-260.

⁶ Market Definition in Multi-Sided Markets - Note by Dr Lapo Filistrucchi. P. 3.

⁷ Ibid. P. 9.

может определить один соответствующий рынок, принимая во внимание участников по обе стороны платформы¹.

Указанный подход в целом соответствует сложившейся практике ФАС России. Так, регулятор при рассмотрении в 2017 г. ходатайства о согласовании заключения соглашения о совместной деятельности между владельцами транзакционных платформ определил в качестве соответствующего товарного рынка единый рынок предоставления услуг информационного взаимодействия водителей такси и пассажиров в РФ².

Схожий подход, предлагаемый в юридической литературе, состоит в том, что количество определяемых рынков должно ставиться в зависимость от того, насколько сильны сетевые эффекты на платформе, поскольку не наличие/отсутствие транзакций, а сила сетевых эффектов приводит к потенциальным различиям в динамике рынка. Сильные сетевые эффекты создают однородные условия, которые затрудняют независимые действия на рынке, и поэтому в данном случае следует определить один рынок для платформы в целом³.

Более того, дискуссионным остается также вопрос, следует ли определять один или несколько рынков при осуществлении контроля за экономической концентрацией с участием цифровых экосистем. Цифровые экосистемы не только предлагают набор товаров для потребителей, но также устанавливают связи между товарами и между участниками экосистемы⁴. Компании утверждают, что такое технологическое связывание товаров создает совершенно новый товар и, следовательно, рынок⁵. Когда издержки переключения на альтернативных поставщиков высоки, привязка клиентов к экосистеме более вероятна. В таких

---

¹ Маслов А.О. Антимонопольные требования к функционированию цифровых платформ: правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. С. 89.

² ФАС согласовала сделку по слиянию «Яндекс.Такси» и «Убер» с выдачей предписания // ФАС России. 24.11.2017. URL: <https://fas.gov.ru/news/23389> (дата обращения: 01.06.2024).

³ Knapstad T. Op. cit. P. 8.

⁴ Eben M. and Robertson V. Digital Market Definition in the European Union, United States, and Brazil: Past, Present, and Future // Journal of Competition Law and Economics. 2022. Vol. 18. No. 2. P. 417-455. URL: <https://eprints.gla.ac.uk/249520/2/249520.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

⁵ Judgment of the Court of First Instance (Grand Chamber) of 17.09.2007. Microsoft Corp. v Commission of the European Communities. Case T-201/04. § 921. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62004TJ0201> (дата обращения: 01.06.2024).

случаях определение одного рынка в отношении экосистемы может быть наиболее подходящим способом анализа состояния конкуренции¹.

Так, при оценке приобретения Microsoft контроля над компанией Activision Blizzard, издателя цифровых игр, Управление по конкуренции и рынкам Великобритании подчеркнуло, что сильные позиции Microsoft в сфере облачных игровых сервисов не следует оценивать изолированно: регулятор отметил, что имеющиеся факты свидетельствуют о том, что сочетание многопродуктовой экосистемы Microsoft дает ей более сильную позицию в облачных играх, чем можно было бы предположить, оценивая каждый из ее продуктов и услуг по отдельности².

Как ранее упоминалось, одной из особенностей цифровых рынков является предоставление товаров по нулевой цене. В таких условиях некоторые авторы полагают, что ориентированный на цены традиционный «тест гипотетического монополиста» перестает быть подходящим инструментом³. Как заметили М.С. Галь и Д.Л. Рубинфельд, сосредоточение на ценовых инструментах определения рынка в платформенной экономике может привести к тому, что антимонопольный орган упустит из виду другие способы выражения рыночной власти – ухудшение качества товара, сокращение ассортимента или сдерживание инноваций⁴. Авторы предлагают заменить «тест гипотетического монополиста» тестом, который аналогичным образом оценивает изменение спроса при ухудшении качества товаров или услуг⁵. Антимонопольный орган мог бы

---

¹ Knapstad T. Op. cit. P. 10.

² Anticipated acquisition by Microsoft of Activision Blizzard, Inc. Final report // Competition & Markets Authority. 26.04.2023. P. 240. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/644939aa529eda000c3b0525/Microsoft_Activision_Final_Report_.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

³ Арутюнян А.А., Бербенева А.Д. Эволюция антимонопольного регулирования цифровых платформ // Цифровое право. 2022. № 3 (3). С. 88; Evans D.S. The Antitrust Economics of Free. John M. Olin Program in Law and Economics Working Paper No. 555. 2011. P. 2. URL: https://chicagounbound.uchicago.edu/law_and_economics/484 (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ Gal M.S., Rubinfeld D.L. The Hidden Costs of Free Goods: Implications for Antitrust Enforcement // Antitrust Law Journal. 2016. Vol. 80. P. 553.

⁵ Ibid.

полагаться на качественные данные, такие как исследования рынка, мнение потребителей и конкурентов, а также внутренние документы участников сделки¹.

Учитывая изложенное, надлежащее определение рынков и их перспективный анализ в условиях цифровой экономики приобретает особое значение. Антимонопольные органы должны переключить свое внимание с существующих товаров и текущего соперничества хозяйствующих субъектов на последующую продукцию, потенциальную конкуренцию и будущую конкуренцию².

Отдельного упоминания в цифровой экономике заслуживают большие данные. Большие данные представляют собой используемую в больших объемах с большой скоростью динамично меняющуюся информацию в цифровой форме, которая может использоваться с целью извлечения прибыли, достижения иного полезного эффекта³. С.А. Сеницын указывает, что потенциально к указанной категории могут относиться любые машинообрабатываемые объемы данных⁴. Л.В. Санникова и Ю.С. Харитоновы большие данные определяют как цифровой актив в виде информации в цифровой форме, систематизированной по определенным меткам и выраженной в базе данных⁵.

Европейский инспектор по защите данных определяет большие данные как большие объемы различных типов данных, создаваемых с высокой скоростью из нескольких источников, обработка и анализ которых требуют новых и более мощных процессоров и алгоритмов⁶. Это определение соответствует характеристикам больших данных: объем, разнообразие, скорость и ценность⁷.

---

¹ Market Definition in Multi-Sided Markets - Note by Sebastian Wismer & Arno Rasek. // OECD. 15.11.2017. DAF/COMP/WD(2017)33/FINAL. P. 63. URL: <https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/WD%282017%2933/FINAL/En/pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

² Bourreau M. and de Streeck A. Digital Conglomerates and EU Competition Policy. P. 22.

³ Карлаш Д.С. Правовое регулирование отношений по использованию больших данных в предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 14.

⁴ Сеницын С.А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2021. СПС Гарант.

⁵ Санникова Л.В., Харитоновы Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: 4 Принт, 2020. С. 49.

⁶ Big Data & Digital Clearinghouse // European Data Protection Supervisor. URL: https://secure.edps.europa.eu/EDPSWEB/edps/Consultation/big_data (дата обращения: 01.06.2024).

⁷ Stucke M. and Grunes A. Big Data and Competition Policy. 2016. P. 11. URL: https://www.researchgate.net/publication/308970973_Big_Data_and_Competition_Policy (дата обращения: 01.06.2024).

Данные следует отличать от информации и знаний, даже если границы между ними не всегда ясны. Информация передается через данные, а знания возникают в результате усвоения информации¹. Хозяйствующий субъект не может извлечь пользу из данных при отсутствии необходимой аналитики, даже если он получил большой объем данных².

Ценность базы данных многократно возрастает, когда она объединяется с другими базами данных. Данные могут дать более глубокое понимание, если их поместить в более широкий контекст³. Ценность данных снижается, особенно когда они теряют актуальность для предполагаемого использования. Чем менее актуальна и точна конкретная база данных для предполагаемого использования в конкретном контексте, тем менее ценной становится эта база данных⁴.

Ученые и правоприменители в сфере антимонопольного законодательства утверждают, что накопление больших данных приводит к значительной экономии за счет масштаба и охвата⁵. Они подчеркивают, что владельцы цифровых платформ также получают выгоду от сетевых эффектов, основанных на больших данных⁶. Доступ к большим данным также приводит к важным обучающим эффектам⁷.

Сделка (иное действие) хозяйствующих субъектов, имеющих большой объем данных, может вызвать антиконкурентные последствия: объединение данных может усилить рыночную власть группы лиц приобретателя (объединенного в результате реорганизации хозяйствующего субъекта), повысить

¹ Hess C. and Ostrom E. Introduction: An Overview of the Knowledge Commons // *Understanding Knowledge as a Commons: From Theory to Practice* / ed. by Hess C. and Ostrom E. The MIT Press. 2007. P. 7.

² Чурилов А.Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности и новых технологий: вызовы XXI века: монография. М.: Юстицинформ, 2020. СПС КонсультантПлюс; Sokol D.D., Comerford R. Antitrust and Regulating Big Data // *The George Mason Law Review*. 2016. Vol. 23. No. 5. P. 1138-1139.

³ Dumbill E. Microsoft's Plan for Hadoop and Big Data // O'Reilly. 25.01.2012. URL: <http://radar.oreilly.com/2012/01/microsoft-big-data-2.html> (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ Oppenheim C., Stenson J. and Wilson R.M.S. Views of Information Professionals on Information as an Asset. 2019. P.20. URL: https://repository.lboro.ac.uk/articles/journal_contribution/Studies_on_Information_as_an_Asset_III_Views_of_Information_Professionals/9413186/1 (дата обращения: 01.06.2024).

⁵ Bourreau M., de Streel A. and Graef I. Big Data and Competition Policy: Market power, personalised pricing and advertising. Project Report // Centre on Regulation in Europe. 16.02.2017. P. 34. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2920301 (дата обращения: 01.06.2024).

⁶ Competition Law and Data // Bundeskartellamt, Autorité de la Concurrence. 10.05.2016. P. 27. URL: https://www.bundeskartellamt.de/SharedDocs/Publikation/DE/Berichte/Big%20Data%20Papier.pdf?__blob=publicationFile&v=4 (дата обращения: 01.06.2024).

⁷ Bourreau M., de Streel A. and Graef I. Op. cit. P. 35.

барьеры входа на рынок. При этом большие данные будут рассматриваться по смыслу п. 8.2 Приказа № 220 как экономические барьеры в случае, если у потенциальных/действующих конкурентов нет возможности доступа к ним без существенных затрат¹.

Имеющаяся практика принятия решений антимонопольными органами показывает, что большие данные вызывают проблемы для конкуренции при наличии следующих условий: а) данные представляют ценность для конечного товара; б) приобретатель имеет доступ к исключительным данным и имеет как стимул, так и возможность лишить конкурентов доступа к ним.

Так, при рассмотрении сделки по приобретению компанией Apple Inc. (владелец музыкального стриминг-сервиса Apple Music) контроля над Shazam Entertainment Ltd. (владелец сервиса по распознаванию музыки Shazam) Европейская комиссия пришла к выводу о том, что большие данные Shazam не являются исключительными с точки зрения ключевых параметров больших данных: 1) разнообразия данных (конкуренты собирали схожие данные, поэтому данные были доступны из разных источников; данные Shazam были более ограниченными, чем у конкурентов Apple Music – только о распознавании музыки); 2) скорости сбора данных (Shazam собирал данные с меньшей скоростью, и пользователи тратят меньше времени на Shazam, чем на приложения для потоковой передачи музыки); 3) объема данных (владелец приложений для потоковой передачи музыки имеют доступ к гораздо большим наборам данных, чем у Shazam); 4) экономической ценности данных (данные Shazam не являются ключевым активом и не уникальны, не являются ключевым элементом для конкуренции приложений потоковой передачи музыки)².

Создание совместных предприятий Daimler и BMW, объединяющих услуги мобильности (каршеринг, сервисы информационного взаимодействия пассажиров и водителей и другие), вызвало опасения у Комиссии, которая заявила, что такое

---

¹ Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой (автор параграфа – Е.С. Хохлов). М.: Проспект, 2020. СПС Гарант.

² Commission Decision of 06.09.2018 declaring a concentration to be compatible with the internal market and the EEA Agreement (Case M.8788 – Apple/Shazam). URL: https://ec.europa.eu/competition/mergers/cases/decisions/m8788_1279_3.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

действие по экономической концентрации позволит Daimler и BMW устранить конкурентов, владеющих приложениями-агрегаторами, в пользу собственного приложения-агрегатора moovel. Комиссия, признав данные о парке BMW и Daimler незаменимыми для конкурирующих приложений, пришла к выводу, что Daimler и BMW будут иметь возможность и стимул исключить конкурентов с рынка, и приняла обязательства сторон, которые предложили предоставить доступ к программному интерфейсу своего приложения для каршеринга (API) сторонним агрегаторам и доступ к агрегатору moovel заинтересованным каршеринг-сервисам¹.

Большие данные, в свою очередь, могут содержать персональные данные, которые имеют конфиденциальный характер², относятся к сведениям, составляющим охраняемую законом тайну³. Объединение персональных данных пользователей в результате сделок (иных действий) может повлечь за собой повышение барьеров входа на рынок⁴ и стать источником рыночной силы⁵. Поскольку цифровые гиганты получают широкие возможности распоряжаться данными потребителей, что обеспечивает корпорациям рыночную власть⁶, возникает обеспокоенность в отношении не только конкуренции, но и конфиденциальности персональных данных потребителей⁷, в том числе при совершении действий по экономической концентрации.

Так, согласно сложившимся в правоприменительной практике подходам конфиденциальность персональных данных потребителей не имеет отношения к рассмотрению антимонопольным органом сделок (иных действий) по

---

¹ Case No. Comp/M.8744 - BMW/Daimler/Car Sharing JV. Commission Decision. 07.11.2018. URL: https://ec.europa.eu/competition/mergers/cases/decisions/m8744_1326_7.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

² Федеральный закон от 27.07.2006 (ред. от 06.02.2023) № 152-ФЗ «О персональных данных», ст. 7 // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451. СПС КонсультантПлюс.

³ Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой (автор параграфа – Е.С. Хохлов).

⁴ Rubinfeld D.L. and Gal M.S. Access Barriers to Big Data // Arizona Law Review. 2017. Vol. 59. P. 361-362.

⁵ Argenton C. and Prüfer J. Search Engine Competition with Network Externalities // TILEC Discussion Paper DP 2011-024. April 2011. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1808624 (дата обращения: 01.06.2024).

⁶ Егорова М.А., Петров А.А., Кожевина О.В. Указ. соч. С. 338.

⁷ Вопросы конкуренции в цифровой экономике: Записка секретариата ЮНКТАД, TD/B/C.I/ CLP/54, 01.05.2019. С. 1. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ciclpd54_ru.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

экономической концентрации и должным образом защищена в соответствии с законодательством о персональных данных¹.

Однако существуют разногласия относительно того, входит ли конфиденциальность в сферу применения антимонопольного законодательства. Ведомства по делам конкуренции зарубежных стран (в частности, Франции и Германии) отмечают, что вопросы конфиденциальности не должны исключаться из рассмотрения при применении законодательства о конкуренции в силу характера таких вопросов². Европейский инспектор по защите персональных данных утверждает, что конечная цель законодательства о конкуренции состоит в том, чтобы гарантировать, что внутренний рынок будет удовлетворять все разумные ожидания потребителей относительно конкуренции, включая не только стремление к конкурентоспособным ценам, но также к разнообразию, инновациям, качеству и другим неценовым выгодам, включая защиту конфиденциальности³. Действительно, законодательство о конкуренции не может применяться изолированно, как самоцель, вне связи с правовым, экономическим, политическим и социальным контекстом⁴.

Экономическая концентрация может, в частности, вызвать проблемы, связанные с конфиденциальностью. При этом конфиденциальность тесно связывается в законодательстве⁵ и доктрине⁶ с неприкосновенностью частной

---

¹ См., например: Judgment of the Court (Third Chamber) of 23.11.2006. *Asnef-Equifax, Servicios de Información sobre Solvencia y Crédito, SL v Asociación de Usuarios de Servicios Bancarios (Ausbanc)*. § 63. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62005CJ0238> (дата обращения: 01.06.2024); Case M.7217 – Facebook/WhatsApp. Commission decision pursuant to Article 6(1)(b) of Council Regulation No 139/2004. 03.10.2014. § 164. URL: https://ec.europa.eu/competition/mergers/cases/decisions/m7217_20141003_20310_3962132_EN.pdf (дата обращения: 01.06.2024). URL:

https://ec.europa.eu/competition/mergers/cases/decisions/m7217_20141003_20310_3962132_EN.pdf (дата обращения: 01.06.2024); Commission Decision of 17.12.2020 declaring a concentration to be compatible with the internal market and the EEA agreement (Case M.9660 – Google/Fitbit). 17.12.2020. § 300. URL: https://ec.europa.eu/competition/mergers/cases1/202120/m9660_3314_3.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

² Competition Law and Data // Autorité de la concurrence and Bundeskartellamt. 2016. P. 23. URL: https://www.bundeskartellamt.de/SharedDocs/Publikation/DE/Berichte/Big%20Data%20Papier.pdf?__blob=publicationFile&v=2 (дата обращения: 01.06.2024).

³ Preliminary Opinion of the European Data Protection Supervisor Privacy and Competitiveness in the Age of Big Data: The Interplay Between Data Protection, Competition Law and Consumer Protection in the Digital Economy // European Data Protection Supervisor. 2014. P. 17. URL: https://edps.europa.eu/sites/default/files/publication/14-03-26_competition_law_big_data_en.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ XXIIInd Report on Competition Policy // European Commission. 1992. P. 13. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/d406e5bd-53a6-4642-b7f9-00c2abb4d01b> (дата обращения: 01.06.2024).

⁵ См., например, Федеральный закон от 27.07.2006 (ред. от 06.02.2023) № 152-ФЗ «О персональных данных», ст. 2.

⁶ См., например: Acquisti A., Taylor C.R. and Wagman L. The Economics of Privacy // Journal of Economic Literature. 2016. Vol. 54. No. 2. P. 445; Posner R.A. The Economics of Justice. Cambridge, 1981. P. 272.

жизни как фундаментальным правом человека и гражданина и, соответственно, затрагивает права и законные интересы потребителей, оказывает влияние на их благосостояние.

Во-первых, сделка (иное действие) может ограничить конкуренцию в сфере защиты конфиденциальности: приобретатель (объединенный в результате реорганизации хозяйствующий субъект) может устранить конкурентов, в том числе обеспечивающих более высокий уровень защищенности персональных данных пользователей. Вместе с тем защита конкуренции в сфере конфиденциальности не входит в компетенцию органов по защите прав субъектов персональных данных, по защите прав потребителей, поэтому представляется, что в данной ситуации вмешаться должен антимонопольный регулятор.

Так, при рассмотрении сделки Microsoft/LinkedIn Европейская комиссия, признав конфиденциальность важным параметром конкуренции, пришла к выводу, что потребительский выбор на рынке профессиональных социальных сетей будет существенно сокращен из-за маргинализации существующего конкурента (XING), который предлагает пользователям более высокий уровень защищенности персональных данных, чем LinkedIn (или затруднит вход на рынок любого такого конкурента)¹.

В свою очередь, ФТК в заявлении относительно сделки Google/DoubleClick прямо признала, что конфиденциальность может быть неценовым атрибутом конкуренции².

Кроме того, конфиденциальность была названа Комиссией одним из неценовых параметров конкуренции при рассмотрении трансграничной сделки по приобретению компанией Facebook Inc. акций компании WhatsApp Inc.³. До сделки мессенджер WhatsApp обеспечивал более высокий уровень защищенности

---

¹ Case M.8124 – Microsoft/LinkedIn Commission decision pursuant to Article 6(1)(b) in conjunction with Article 6(2) of Council Regulation No 139/2004 and Article 57 of the Agreement on the European Economic Area. § 177-179, 255, 338-352, 375.

² Statement of Federal Trade Commission Concerning Google/DoubleClick. P. 2-3. URL: https://www.ftc.gov/system/files/documents/public_statements/418081/071220googledc-commstmt.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

³ Ocello E., Jödin C. & Subočs A. What's Up with Merger Control in the Digital Sector // Competition Merger Brief. 1/2015. P. 6. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/cd38af2f-f63d-11e5-8529-01aa75ed71a1/language-en> (дата обращения: 01.06.2024).

персональных данных, чем социальная сеть Facebook, и был популярен в том числе благодаря отсутствию на платформе рекламы и гарантии сохранения высокого уровня защищенности персональных данных пользователей. Facebook, предоставляя более низкий уровень защищенности данных своим пользователям¹, сделала заявление о том, что сделка не приведет к изменению политики конфиденциальности WhatsApp, в то время как ФТК предупредила Facebook о необходимости обеспечить выполнение заявлений относительно данных, которыми пользователи поделились с WhatsApp, а также указала, что любые изменения в политике конфиденциальности (в противоречие с заявлением компании) могут представлять собой недобросовестную торговую практику². Европейская комиссия отметила, что компания, которая меняет свою политику конфиденциальности после сделки в качестве условия для продолжения предоставления своей продукции бесплатно, возможно, нарушает законодательство о конкуренции, поскольку такое изменение можно назвать ростом цены или снижением качества³.

На момент сделки Европейская комиссия установила, что у Facebook не было стимула начать собирать данные из WhatsApp, поскольку любая такая попытка может привести к тому, что пользователи перейдут на другие мессенджеры с меньшим уровнем защищенности персональных данных⁴. Такой вывод Комиссии оказался неверным, поскольку в итоге WhatsApp действительно поделился данными с Facebook. Вероятно, Комиссия не учла должным образом рыночную власть, которой стал обладать WhatsApp после сделки. Рыночная власть могла возникнуть благодаря сетевым эффектам и позволить Facebook изменить политику конфиденциальности WhatsApp, не теряя при этом пользователей.

---

¹ Case M.7217 – Facebook/WhatsApp. Commission decision pursuant to Article 6(1)(b) of Council Regulation No 139/2004. § 70-71, § 102.

² Letter to Facebook, Inc. and WhatsApp Inc // Federal Trade Commission (Office of the Director, Consumer Protection). 10.04.2014. P. 3. URL: https://www.ftc.gov/system/files/documents/public_statements/297701/140410facebookwhatappltr.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

³ Ocello E., Jödin C. & Subočs A. Op. cit. P. 6.

⁴ Case M.7217 – Facebook/WhatsApp. Commission decision pursuant to Article 6(1)(b) of Council Regulation No 139/2004. § 186.

Кроме того, проблема этого предположения Комиссии заключается в том, что из-за асимметрии информации потребителям труднее обнаружить изменения в политике конфиденциальности, чем рост цен. Следовательно, потребители не обязательно перейдут на платформы конкурентов в ответ на ухудшение условий политики конфиденциальности, даже если затраты на переключение на альтернативных поставщиков невелики. В отличие от повышения цен, ухудшение условий политики конфиденциальности также необязательно приведет к снижению привлекательности платформы для рекламодателей. Напротив, это может даже повысить привлекательность платформы для них, поскольку доступ к большому объему пользовательских данных позволяет платформе предоставлять более таргетированную рекламу.

Изменения условий обслуживания WhatsApp ухудшили условия политики конфиденциальности WhatsApp и противоречили ранее данным заявлениям, а также вызвали определенную негативную реакцию потребителей, возможно, отражающую снижение их благосостояния¹. Тем не менее, эти изменения стали прямым результатом сделки Facebook/WhatsApp.

Потребители могут предпочесть более надежную защиту конфиденциальности, когда все остальные аспекты конкуренции равны. Презюмируя, что среднестатистический потребитель ценит высокий уровень защищенности персональных данных, сложно учесть конфиденциальность по сравнению с традиционными показателями конкуренции, такими как цена и объем реализации/производства. Это поднимает вопрос о том, как антимонопольные органы могут оценить влияние изменений в политике конфиденциальности на благосостояние потребителей.

Во-вторых, рыночная сила группы лиц приобретателя (объединенного в результате реорганизации хозяйствующего субъекта) после осуществления сделки (иного действия) может негативно повлиять на контроль потребителей над персональными данными. Благодаря сделке (иному действию) приобретатель (его

---

¹ Anand A.S. Why the Supreme Court Shouldn't Allow WhatsApp to Share Data with Facebook // The Wire. April 2017. URL: <https://thewire.in/120714/chief-justice-khehar-shouldnt-allow-WhatsApp-share-indian-user-data-facebook> (дата обращения: 01.06.2024).

группа лиц) по сделке (объединенный в результате реорганизации хозяйствующий субъект) может получить более широкий доступ к данным потребителей, а значит, потребители могут стать более уязвимыми¹. Сделка (иное действие) может привести к манипулированию хозяйствующего субъекта, осуществляющего обработку персональных данных, поведением пользователей с целью удержания на цифровой платформе², дискриминации по цене, качеству³.

Кроме того, потребители не имеют возможности предвидеть потенциальный вред и пользу от обработки их данных⁴. Непрозрачность обработки данных и тот факт, что лишь немногие потребители понимают, как и почему их данные обрабатываются⁵, объясняет неспособность потребителей оценить риски от обработки их данных хозяйствующими субъектами⁶.

Тем не менее, эти проблемы не являются исключительно проблемами конкуренции, поскольку обычно подпадают под сферу действия законодательства о персональных данных. Антимонопольное законодательство и законодательство о персональных данных взаимодействуют, когда в результате сделки (иного действия) у потребителей сужается круг выбора товаров и снижается уровень контроля над персональными данными. Данная позиция подтверждается зарубежной правоприменительной практикой⁷. Конструктивным решением могло бы стать тесное взаимодействие антимонопольных ведомств и органов по защите

---

¹ Solove D.J. Privacy and Power: Computer Databases and Metaphors for Information Privacy // Stanford Law Review. 2001. Vol. 53. P. 1396.

² Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху. Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции. С. 47-48; Ezrachi A., Reyna A. The Role of Competition Policy in Protecting Consumers' Well-being in the Digital Era // BEUC. P. 7. URL: https://www.beuc.eu/sites/default/files/publications/beuc-x-2019-054_competition_policy_in_digital_markets.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

³ The commercial use of consumer data. Report on the CMA's call for information // Competition & Markets Authority. 2015. P. 91-93. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5a7f2a8840f0b6230268dd76/The_commercial_use_of_consumer_data.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ Online Platforms and Digital Advertising Market Study Final Report, Appendix L: Summary of Research on Consumers' Attitudes and Behaviour // Competition & Markets Authority. 2020. P. L16. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5efb1e07e90e075c5d587c0b/Appendix_L_-_Overview_of_Academic_Research_and_Consumer_Surveys_v3_.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

⁵ Winegar A.G. and Sunstein C.R. How Much is Data Privacy Worth? A Preliminary Investigation. 01.07.2019. P. 14. URL: <https://ssrn.com/abstract=3413277> (дата обращения: 01.06.2024).

⁶ Online Platforms and Digital Advertising Market Study Final Report. Appendix L: Summary of Research on Consumers' Attitudes and Behaviour. P. L16.

⁷ Judgment of the Court (Grand Chamber) of 04.07.2023. Meta Platforms Inc and Others v Bundeskartellamt. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62021CJ0252&qid=1711196528095> (дата обращения: 01.06.2024).

прав субъектов персональных данных, в частности, для оценки влияния концентрации на защиту данных и разработки соответствующих предписаний. С этой точки зрения представляется целесообразным заключение между ведомствами соответствующего соглашения о взаимодействии.

Роль вопросов конфиденциальности персональных данных для анализа сделок (иных действий) зависит от того, в какой степени конфиденциальность можно считать параметром конкуренции. Если конкуренция связана с конфиденциальностью, полагаем, конфиденциальность можно интегрировать в действующие стандарты антимонопольного контроля. Цели антимонопольного законодательства позволяют учитывать конфиденциальность при рассмотрении сделок (иных действий). В этом случае антимонопольное регулирование может являться инструментом для защиты конфиденциальности на рынке.

Хозяйствующие субъекты могут конкурировать за конфиденциальность, чтобы привлечь потребителей, тогда как потребители делают выбор, основываясь на различных политиках конфиденциальности. При этом рост концентрации на цифровых рынках потенциально угрожает уровню защищенности персональных данных и свободе выбора потребителей.

Представляется, что ухудшение условий политики конфиденциальности, например, путем включения условий о передаче персональных данных пользователей третьим лицам, отказе от сквозного шифрования, после действия по экономической концентрации может являться признаком ограничения конкуренции. Конфиденциальность может учитываться при проведении анализа состояния конкуренции посредством применения «теста гипотетического монополиста», адаптированного к цифровым рынкам, на которых товары реализуются без взимания платы, и учитывающего потенциальную возможность после осуществления сделки (иного действия) ухудшить условия политики конфиденциальности объекта экономической концентрации и таким образом ограничить или устранить конкуренцию в сфере защиты конфиденциальности.

Поскольку контроль за экономической концентрацией является упреждающим средством правового воздействия, направленным на только

зарождающиеся факторы ограничения конкуренции и позволяющим не допустить либо снизить возможность наступления антиконкурентных эффектов, причинения вреда потребителям, развитию экономики в целом¹, рассмотрение вопросов конфиденциальности при осуществлении такого контроля может стать ценным элементом для обеспечения конкурентной среды на цифровых рынках.

Хотя антимонопольным органам, возможно, еще предстоит оспорить действия по экономической концентрации из-за проблем, связанных с конфиденциальностью, принятые регуляторами решения четко закладывают основу для соответствующих потенциальных случаев².

Следует отметить, что сделки (иные действия), влекущие объединение данных пользователей, могут потребовать более длительного и детального рассмотрения антимонопольными органами. Полагаем, что представление регулятору участниками сделки (иного действия) информации о планируемых изменениях в сфере обработки персональных данных пользователей может ускорить процесс рассмотрения соответствующего ходатайства и позволит обеспечить антимонопольному органу аргументы, свидетельствующие об отсутствии (наличии) возможных проблем, связанных с конфиденциальностью.

Представляется, что конфиденциальность персональных данных может учитываться регулятором как неценовой параметр при проведении анализа состояния конкуренции аналогично тому, как антимонопольным органом оцениваются иные аспекты конкуренции. Точные контуры того, как регулятор будет стремиться доказать возможность наступления антиконкурентных последствий, связанных с аспектами конфиденциальности, еще предстоит разработать³. При этом важно обеспечить, чтобы соответствующие нововведения не способствовали привнесению субъективизма в процедуру контроля за

---

¹ Решение ФАС России от 08.11.2017 о продлении срока рассмотрения ходатайства компании «Байер АГ». URL: <https://www.fas.gov.ru/documents/591759> (дата обращения: 01.06.2024).

² Feinstein D. Big Data in a Competition Environment // CPI Antitrust Chronicle. May 2015 (2). URL: <https://www.competitionpolicyinternational.com/assets/Uploads/FeinsteinMay-152.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

³ Режибо П., Лианос Я. Экономика цифровых слияний // Правоведение. 2019. Т. 63. № 4. С. 583.

экономической концентрацией и выборочному применению мер защиты конфиденциальности к участникам сделки (иного действия)¹.

Следует отметить, что в эпоху, движимую технологическим развитием, при осуществлении экономической концентрации возрастает роль инноваций. В российском законодательстве инновации связываются с введенным в употребление новым или значительно улучшенным продуктом, процессом (ст. 2 Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»²). Также законодателем определено понятие цифровых инноваций³.

Взаимосвязь экономической концентрации и инноваций является предметом научных дискуссий. Согласно теории непрерывных инноваций экономиста Й.А. Шумпетера для осуществления инновационной деятельности предприятие должно обладать рыночной властью, так как в ее отсутствие проведение им научных исследований и непосредственно внедрение инноваций является затруднительным. Более крупные компании чаще используют передовые технологии и имеют больше стимулов и ресурсов для введения инноваций, поскольку они могут применять инновации в больших объемах производства⁴. Последователи теории Й.А. Шумпетера утверждают, что меньшая конкуренция на рынке приводит к большему количеству инноваций – по крайней мере, на динамичных, высокотехнологичных рынках, конкуренция на которых больше связана с разработкой новых товаров и услуг, нежели чем с ценой или объемом производства⁵. Напротив, экономист К. Эрроу был убежден, что у участников монополистического рынка меньше стимулов инвестировать в инновации, чем на

---

¹ Абдуллин Д.Т. Правовые аспекты обеспечения конфиденциальности персональных данных потребителей при осуществлении антимонопольного контроля за экономической концентрацией // Евразийский юридический журнал. № 4 (191). 2024. С. 266-269.

² Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О науке и государственной научно-технической политике» // Собрание законодательства РФ. 26.08.1996. № 35. Ст. 4137. СПС КонсультантПлюс.

³ Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.08.2020. № 31 (часть I). Ст. 5017. СПС КонсультантПлюс.

⁴ Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия: Пер. с нем., пер. с англ. / Предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. М.: Эксмо, 2008. С. 484.

⁵ EU Merger Control and Innovation // European Commission, Directorate-General for Competition. 2016. P. 2. URL: <https://data.europa.eu/doi/10.2763/944442> (дата обращения: 01.06.2024).

конкурентном рынке¹. Компании, находящиеся под давлением конкуренции, заинтересованы в предложении продукции по более низкой цене или более высокого качества, чтобы превзойти конкурентов.

В свою очередь, экономист К. Шапиро основывает свою позицию на трех принципах. Во-первых, для процветания инноваций рынки должны быть конкурентными. Это создает стимул для компаний внедрять инновации и расширять или укреплять свое присутствие на соответствующих рынках. Во-вторых, повышенная применимость, то есть способность фирмы извлекать выгоду из своих инноваций и защищать связанное с ними конкурентное преимущество, увеличивает инновации. Второй принцип заключается в том, что успешные исследования и разработки должны быть в достаточной степени защищены законами об интеллектуальной собственности, чтобы позволить изобретателю получать выгоду или достигать той или иной формы конкурентного преимущества в результате этой деятельности. В-третьих, синергия, возникающая за счет взаимодополняющих инновационных активов, повышает способность к инновациям².

Не существует единого мнения относительно оптимального уровня конкуренции, стимулирующего инновации³, который во многом зависит от конкретной экономической модели, характеристик отрасли, характеристик инноваций и других.

На цифровых рынках, характеризующихся быстрой эволюцией, когда многосторонние платформы часто предлагают услуги одной из сторон рынка по нулевой цене, и хозяйствующие субъекты на ранних этапах развития могут использовать стратегию приоритетного роста в ущерб прибыли⁴, особое значение в рамках контроля за экономической концентрацией приобретает необходимость

---

¹ Arrow K. Economic Welfare and the Allocation of Resources for Invention // The Rate and Direction of Inventive Activity: Economic and Social Factors / ed. by Universities-National Bureau Committee for Economic Research and Committee on Economic Growth of the Social Science Research Council. Princeton University Press. 1962. P. 619-622.

² Shapiro C. Competition and Innovation. Did Arrow Hit the Bull's Eye? // The Rate and Direction of Inventive Activity Revisited / ed. by Lerner J. and Stern S. University of Chicago Press. 2012. P. 361-404.

³ Colomo P.I. Competition Law and Innovation: Where Do We Stand? // Journal of European Competition Law & Practice. Volume 9. Issue 9. November 2018. P. 561-562.

⁴ Gawer A. Digital Platforms' boundaries: The interplay of firm scope, platform sides, and digital interfaces // Long Range Planning. 2021. Volume 54. Issue 5. P. 8. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0024630120302442> (дата обращения: 01.06.2024).

учета влияния действия по экономической концентрации на инновации¹. В этой связи актуальным становится вопрос, имеет ли действующее антимонопольное законодательство и компетентные органы достаточные средства и инструменты для надлежащего определения влияния действия по экономической концентрации на инновации.

Согласно Руководству Европейской комиссии о горизонтальных слияниях 2004 г. одним из эффектов, которые необходимо анализировать при осуществлении контроля за экономической концентрацией, является влияние на инновационный процесс. Ущерб, который может быть причинен конкуренции сокращением инноваций, ставится в один ряд с такими антиконкурентными последствиями, как повышение цены, ухудшение качества товара, сокращение ассортимента (§ 8). При этом влияние сделки на инновации учитывается независимо от долей ее участников (§ 20(b)). Руководство Европейской комиссии о негоризонтальных слияниях 2008 г. включает аналогичные соображения (§ 10, § 26(a)).

Европейская комиссия в своей правоприменительной практике пошла дальше, рассматривая не только инновации, влияющие на соответствующие товары (рынки), но также и инновационную деятельность, отличную от конечной продукции. Регулятор проводит анализ возможного негативного влияния сделки на инновационную деятельность в целом (инновационные пространства)², расширяя сферу рассмотрения до продуктов более ранних стадий разработок, которые все еще находятся на стадии открытия или предварительной разработки, где большая часть затрат на инновации еще не понесена, и запуск которых менее вероятен³.

Пространство инноваций шире, чем рынок последующей продукции⁴, и вред, возникающий в инновационном пространстве, может быть шире, чем вред

---

¹ Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху. Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции. С. 99.

² Commission Decision of 27.03.2017 declaring a concentration to be compatible with the internal market and the EEA Agreement (Case M.7932 – Dow/DuPont). § 342, § 343. URL: https://ec.europa.eu/competition/mergers/cases/decisions/m7932_13668_3.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

³ Ibid. § 1960.

⁴ Ibid. § 351.

на конкретном рынке последующей продукции. По мнению Р. Гилберта и С. Саншайна, определить инновационные пространства можно, сосредоточив внимание на пересекающихся научно-исследовательских направлениях сторон, включая конкретные активы, необходимые для этой деятельности¹. Данный подход ориентирован на будущее и отражает потенциальные изменения на рынках, которые могут возникнуть в результате инновационной деятельности. Сочетание стандартного определения рынка с определением инновационного пространства является более разумным при оценке концентрации, поскольку позволяет оценить не только влияние концентрации на товары (услуги), но также на инновации, лежащие в основе разработки и коммерциализации таких товаров (услуг). Этот подход позволяет антимонопольным органам оценить влияние концентрации даже на рынках, на которых еще не создан конечный продукт.

Так, при рассмотрении Европейской комиссией слияния агрохимических корпораций Dow/DuPont оценка конкуренции на рынке была связана со степенью совпадения существующих и будущих продуктов. Последние представляют собой продукты, находящиеся на стадии разработки, с высокой вероятностью выхода на рынок. Чтобы оценить инновационную конкуренцию, которая связана с более ранним этапом процесса научных исследований, Комиссия приняла более широкий подход с точки зрения определения рынка, рассмотрев: (а) есть ли у сторон пересекающиеся направления исследований, нацеленные на одни и те же инновационные пространства; и (б) обладают ли стороны уникальными возможностями для внедрения инноваций в определенных инновационных пространствах². В решении по слиянию Комиссия подтверждает, что инновационное пространство следует понимать не как отдельный рынок, а как входную деятельность как для рынков разработок, так и для рынков последующей

---

¹ Gilbert R.J. and Sunshine S.C. Incorporating Dynamic Efficiency Concerns in Merger Analysis: The Use of Innovation Markets // Economic Analysis Group Discussion Paper EAG 94-2. U.S. Department of Justice Antitrust Division. 02.11.1994. P. 22.

² Coublucq D., Kovo D. and Valletti T. Innovation Concerns in European Merger Control: The Agrochemical Saga (Dow/Dupont and Bayer/Monsanto) // Antitrust Economics at a Time of Upheaval / ed. by Kwoka J., Valletti T. and White L. URL: <https://ssrn.com/abstract=4245916> (дата обращения: 01.06.2024).

продукции¹. Первым шагом является выявление компаний, обладающих активами и возможностями для открытия, разработки и коммерциализации новых продуктов, что затем распространяется на оценку пространства, в котором происходит конкуренция за инновации². В результате Комиссия пришла к выводу, что созданная в результате слияния организация может прекратить, перенаправить или отложить разработку дублирующих продуктов или направлений исследований, а также разрабатывать меньшее количество новых продуктов в долгосрочной перспективе, чем в отсутствие слияния³. Для целей снятия опасений регулятора участники слияния взяли на себя обязательство продать активы DuPont по осуществлению исследований и разработок в области пестицидов, а также активы в нефтехимическом бизнесе Dow для обеспечения эффективной конкуренции, тем самым устранив пересечения на рынках⁴.

Согласно Руководству о слияниях Министерства юстиции США и ФТК 2023 г. при анализе сделки по экономической концентрации ведомства США в том числе оценивают, приведет ли она к уменьшению/увеличению инновационной активности ее участников, путем учета усилий, стимулов по внедрению новых разработок, которые в том числе могут поставить под угрозу положение приобретателя, а также стимулов изменить ассортимент своей продукции, например, прекратив производство продукции, что ухудшит положение потребителей, которые ранее выбирали данный товар (например, конкуренция может пострадать, если покупатели, предпочитающие более дешевый вариант, потеряют к нему доступ, даже если оставшаяся продукция будет более высокого качества) (п. 4.2.E). При этом для целей учета влияния сделки на инновации антимонопольные органы могут определить рынки вокруг товаров, которые потенциально могут возникнуть в результате инновационной деятельности, даже если эти продукты еще не существуют (п. 4.3.D.7). Подходы

---

¹ Commission Decision of 27.03.2017 declaring a concentration to be compatible with the internal market and the EEA Agreement (Case M.7932 – Dow/DuPont). § 348.

² Ibid. § 350.

³ Ibid. § 3015-3053.

⁴ Ibid. Section X: Remedies.

регуляторов США и ЕС, как видим, схожи относительно оценки сделок по экономической концентрации на инновационных рынках.

Согласно действующему российскому законодательству анализ влияния действия по экономической концентрации на инновации может проводиться, в частности, для определения того, является ли такая сделка (иное действие) допустимой в связи со стимулированием в результате ее совершения технического, экономического прогресса, повышением конкурентоспособности товаров российского производства на мировом рынке (ч. 1 ст. 13 Закона). Вместе с тем антимонопольный регулятор лишь в исключительных случаях при осуществлении контроля за экономической концентрацией проводил анализ влияния сделки на инновационную деятельность ее участников.

В 2016 г. сделки с участием крупнейших глобальных агрохимических компаний (Dow/DuPont, ChemChina/Syngenta), одобренные ФАС России без выдачи предписаний (в отличие от регуляторов Европейского союза и США), показали, что применяемые отечественным ведомством традиционные подходы к анализу сделок (иных действий) нуждаются в пересмотре, и в 2017 г. при рассмотрении трансграничной сделки Bayer/Monsanto ФАС России сосредоточилась на качественных изменениях глобального рынка агропромышленного комплекса, требующих перспективного анализа возможного позиционирования объединенной компании на формирующемся рынке агротехнологий исходя из ее инновационного потенциала¹. Так, антимонопольный орган выявил, что сделка может создать существенные риски ограничения конкуренции, а также развития инноваций, в том числе путем снижения инновационной активности в сфере цифрового земледелия в результате затруднения входа на рынок альтернативных разработок, утраты стимулов опередить крупнейших игроков². Регулятор согласовал сделку под условием выполнения поведенческих обязательств по созданию условий для развития потенциальной конкуренции путем обеспечения передачи российским

---

¹ Цифровизация экономики требует новых подходов к анализу сделок экономической концентрации // ФАС России. 05.12.2017. URL: <https://fas.gov.ru/news/23442> (дата обращения: 01.06.2024).

² Решение ФАС России от 15.11.2017 о продлении срока рассмотрения ходатайства компании «Байер АГ».

организациям технологий в сочетании с доступом к данным и знаниям, требуемым для создания новых сортов по ключевым сельскохозяйственным культурам¹.

ФАС России в ходе рассмотрения сделки Bayer/Monsanto, учитывая зарубежный опыт, провела оценку таких факторов, определяющих развитие конкуренции в цифровой экономике, как использование компаниями новых моделей осуществления предпринимательской деятельности (например, пакетных бизнес-моделей); наличие возможности ограничения доступа потенциальных конкурентов к инновационным товарам и технологиям; влияние сделки на смежные рынки; учет иных сделок, совершаемых на рынке, которые приводят к изменению его структуры².

При оценке сделок на инновационных рынках проблемой для антимонопольных органов является неопределенность относительно того, будут ли усилия компаний в сфере инноваций успешными. Даже если инновации представляют собой несколько случайный процесс, слияние хозяйствующих субъектов с конкурирующими инновационными проектами может отрицательно повлиять на стимулы к инновациям в экономике³.

Относительно применимости подходов, использованных антимонопольными органами при рассмотрении сделок Dow/DuPont, Bayer/Monsanto, ученые отмечают, что регуляторы должны принимать во внимание важность роли инноваций в цифровом секторе, и для этого в их распоряжении имеются достаточно надежные инструменты⁴.

Наибольшую обеспокоенность в цифровой экономике вызывают сделки по приобретению цифровыми гигантами зарождающихся компаний (стартапов) для целей недопущения роста потенциального будущего конкурента. Ученые К. Каннингем, Ф. Эдерер и С. Ма разработали теорию «убийственных

---

¹ Решение ФАС России от 15.11.2017 о продлении срока рассмотрения ходатайства компании «Байер АГ».

² Российский рынок семян: вопросы конкуренции. Международная научно-практическая конференция «Антимонопольная политика: наука, практика, образование» // ФАС России. 07.12.2016. URL: <https://goo.gl/3xMH1e> (дата обращения: 01.06.2024).

³ Егорова М.А., Хохлов Е.С. Указ. соч. С. 116.

⁴ Bourreau M. and de Streel A. Digital Conglomerates and EU Competition Policy. P. 30.

приобретений» (killer acquisitions)¹, доказав в отношении фармацевтического рынка, что такие сделки, направленные исключительно на прекращение инновационных проектов объекта экономической концентрации и устранение будущей конкуренции, распространены на практике.

Аналогичные доказательства были получены по результатам анализа цифровых рынков². Одним из примеров рассмотрения таких «убийственных приобретений» является иск Министерства юстиции США в отношении приобретения компанией Visa ценных бумаг компании Plaid в 2020 г.³ Так, Министерство юстиции США утверждало, что целью сделки было устранение Plaid, разработавшей инновационную платежную платформу, как конкурентной угрозы для бизнеса Visa, которая занимает доминирующее положение на рынке дебетовых онлайн-операций в США. Таким образом, по мнению Министерства юстиции США, сделка могла привести к сдерживанию инноваций и более высоким барьерам входа для будущих инноваторов⁴.

В свою очередь, С.К. Хемфилл и Т. Ву утверждают, что антимонопольный орган должен препятствовать сделкам, которые могут существенно способствовать сохранению рыночной власти цифрового гиганта, даже если будущая значимость приобретаемого им стартапа для конкуренции неясна⁵.

Правоприменительная практика показала, что инновации могут представлять собой важный параметр конкуренции: законодательством признается, что действие по экономической концентрации может принести положительные эффекты для инноваций, что учитывается при оценке его допустимости; в решениях обосновывался риск наступления негативного влияния на инновации в результате совершения действия по экономической концентрации; налагались обязательства, направленные на развитие инноваций, в частности,

---

¹ Cunningham C., Ederer F. and Ma S. Killer Acquisitions // Journal of Political Economy. 2021. Vol. 129. No. 3. P. 649-702.

² Gautier A. and Lamesch J. Mergers in the digital economy // Information Economics and Policy. 2021. Vol. 54. URL: <https://doi.org/10.1016/j.infoecopol.2020.100890> (дата обращения: 01.06.2024).

³ Theories of Harm for Digital Mergers. OECD Competition Policy Roundtable Background Note // OECD. 2023. P. 16. URL: www.oecd.org/daf/competition/theories-of-harm-for-digital-mergers-2023.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ Justice Department Sues to Block Visa's Proposed Acquisition of Plaid // Office of Public Affairs. U.S. Department of Justice. 05.11.2020. URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/justice-department-sues-block-visas-proposed-acquisition-plaid> (дата обращения: 01.06.2024).

⁵ Hemphill S.C. and Wu T. Nascent Competitors // University of Pennsylvania Law Review. 2020. Vol. 168. P. 1881.

предусматривающие передачу технологий третьим лицам¹, устанавливающие минимальный объем инвестиций приобретателя в инновационную деятельность объекта экономической концентрации².

Исходя из имеющейся правоприменительной практики можно сформулировать следующие параметры, которые необходимо учитывать при оценке влияния действия по экономической концентрации на инновации: 1) высокая концентрация на рынке и еще более высококонцентрированная конкурентная среда на уровне отдельных инновационных направлений исследований; 2) доказательства подавления исследований и разработок после совершения сделки (иного действия); 3) значимость участников сделки (иного действия) как инноваторов на уровне рассматриваемого рынка, инновационных направлений исследований (с точки зрения активов, опыта вывода инновационных товаров на рынок, объема патентных портфелей); 4) наличие пересечений деятельности участников сделки (иного действия) в инновационных направлениях исследований; 5) степень применимости разрабатываемых инноваций, способности хозяйствующего субъекта получить преимущества от их внедрения; 6) прошлые данные о взаимосвязи между экономической концентрацией и инновационными усилиями участников сделки (иного действия)³.

ФАС России подчеркивает, что необходимость оценки влияния экономической концентрации на инновации – один из ключевых аспектов антимонопольного анализа сделок на рынках, переживающих существенную технологическую трансформацию⁴.

---

¹ Решение ФАС России от 15.11.2017 о продлении срока рассмотрения ходатайства компании «Байер АГ».

² MOFCOM Announcement No. 43 of 2015 on Changing Restrictive Conditions for the Concentration between Undertakings concerning the Acquisition of Hard Disk Drive Business of Samsung Electronics Co., Ltd. by Seagate Technology Co., Ltd. // MOFCOM. 20.10.2015. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/policyrelease/buwei/201510/20151001148014.shtml> (дата обращения: 01.06.2024).

³ Laitenberger J. EU competition law in innovation and digital markets: fairness and the consumer welfare perspective // European Commission. 10.10.2017. URL: https://competition-policy.ec.europa.eu/about/news/competition-speeches-archive-1995-2020-2020-01-01_en (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ Решение ФАС России от 15.11.2017 о продлении срока рассмотрения ходатайства компании «Байер АГ».

Вместе с тем российская методология оценки инновационного потенциала в зависимости от результатов экономической концентрации не разработана¹.

В настоящее время важно активно противодействовать сделкам по приобретению зарождающихся хозяйствующих субъектов действующими технологическими компаниями, которые могут привести к сдерживанию инноваций. Назрела необходимость адаптировать традиционные подходы к анализу действий по экономической концентрации к характеристикам цифровой экономики и сделать акцент на «инновационных» индикаторах в целях предотвращения более высокой концентрации рынков и обеспечения доступа потребителей к преимуществам (выгодам), которые могут быть получены ими благодаря инновациям². В случае контроля действий по экономической концентрации регулятор несет особую ответственность, так как от его позиции зависят условия, из которых будут исходить хозяйствующие субъекты при принятии решений, и, соответственно, их возможности и стимулы для осуществления инновационной деятельности³.

Выводы: В рамках механизма правового регулирования антимонопольного контроля за экономической концентрацией на цифровых рынках доминирующее положение хозяйствующего субъекта – владельца цифровой платформы подлежит установлению с учетом наличия сетевого эффекта в равной степени как в отношении владельцев транзакционных, так и владельцев нетранзакционных цифровых платформ, поскольку к возникновению (усилению) рыночной власти вследствие усиления сетевого эффекта может привести совершение сделки (иного действия) с участием владельцев всех видов цифровых платформ.

Правовым последствием совершения сделки (иного действия) по экономической концентрации на цифровых рынках может выступать ухудшение условий политики конфиденциальности оператора персональных данных – лица,

---

¹ Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой (авторы параграфа – М.А. Егорова, Д.А. Петров). СПС Гарант.

² Абдуллин Д.Т. Анализ влияния сделок и иных действий на развитие инноваций при осуществлении антимонопольного контроля за экономической концентрацией в условиях цифровой экономики: правовые аспекты // Право и экономика. № 5 (435). 2024. С. 77-82.

³ Шаститко А.Е., Комкова А.А., Курдин А.А., Шаститко А.А. Конкурентная политика и стимулы к инновационной деятельности. М., 2016. С. 6. URL: <https://ssrn.com/abstract=2767410> (дата обращения: 01.06.2024).

являющегося объектом экономической концентрации. Наступление (возможность наступления) такого последствия может выступать признаком ограничения конкуренции и, соответственно, основанием для выдачи предписания, направленного на обеспечение конкуренции, либо основанием для отказа в согласовании сделки (иного действия).

При проведении анализа состояния конкуренции в рамках контроля за экономической концентрацией на цифровых рынках возможность ухудшения в результате совершения сделки (иного действия) условий политики конфиденциальности лица, являющегося объектом экономической концентрации, подлежит анализу посредством теста (исследования поведения потребителей товара при ухудшении условий политики конфиденциальности), аналогичного «тесту гипотетического монополиста» (исследованию поведения потребителей товара при долговременном повышении цены на товар) и учитывающего особенности цифровых рынков, на которых товары предоставляются без взимания платы.

Особенностью экономической концентрации на цифровых рынках, характеризующихся инновационностью, является возможность негативного влияния сделки (иного действия) на развитие инноваций: при наличии у участников сделки (иного действия) пересекающихся (конкурирующих) направлений научных исследований и разработок инновационная деятельность лица, являющегося объектом экономической концентрации, после совершения сделки (иного действия) может быть ограничена, прекращена.

Проведение в рамках антимонопольного контроля за экономической концентрацией анализа состояния конкуренции на пересекающихся направлениях научных исследований и разработок, безотносительно к конкретному товарному рынку, позволит оценить не только влияние сделки (иного действия) на рынки товаров (услуг), но также на инновации, лежащие в основе разработки и коммерциализации товаров (услуг).

Наступление (возможность наступления) негативных последствий сделки (иного действия) для развития инноваций может являться основанием для выдачи

предписания, направленного на обеспечение конкуренции, либо основанием для отказа в согласовании сделки (иного действия). Выдача антимонопольным органом предписания, предусматривающего передачу технологий третьим лицам, осуществление приобретателем инвестиций в инновационную деятельность лица, являющегося объектом экономической концентрации, позволит не допустить сдерживания инноваций в результате совершения сделки (иного действия).

§3. Предписание антимонопольного органа как мера по обеспечению конкуренции при осуществлении экономической концентрации в условиях цифровой экономики. Правовые последствия нарушения требований антимонопольного контроля за экономической концентрацией

Предписание определяется как выдвигаемые обязательные условия, без выполнения которых сделка (иное действие) не может признаваться согласованной с антимонопольным органом (п. 4.3 Разъяснения № 19). Универсальной целью предписания является поддержание, восстановление конкуренции, которая в противном случае была бы ограничена вследствие совершения сделки (иного действия)¹. Так, ФАС России отметила, что устанавливаемые в предписании обязательства позволяют существенно минимизировать либо полностью устранить возможные антиконкурентные последствия (п. 4.3 Разъяснения № 19). ФТК указала, что цель любого выдаваемого участникам сделки условия состоит в том, чтобы полностью сохранить существующую конкуренцию на затрагиваемых рынках². Аналогичную цель преследуют обязательства, возлагаемые на участников сделки Европейской комиссией и Управлением по конкуренции и рынкам Великобритании³. При этом предписание должно адекватно устранять выявленный потенциальный

---

¹ ICN Merger Working Group Merger Remedies Guide // International Competition Network. 2016. P. 2. URL: www.internationalcompetitionnetwork.org/wp-content/uploads/2018/05/MWG_RemediesGuide.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

² The FTC's Merger Remedies 2006-2012. A Report of the Bureaus of Competition and Economics (January 2017) // Federal Trade Commission. P. 15. URL: https://www.ftc.gov/system/files/documents/reports/fics-merger-remedies-2006-2012-report-bureaus-competition-economics/p143100_ftc_merger_remedies_2006-2012.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

³ См.: Commission Notice on remedies acceptable under Council Regulation (EC) No 139/2004 and under Commission Regulation (EC) No 802/2004. OJ C 267. 22.10.2008. P. 1-28. §9. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A52008XC1022%2801%29> (дата обращения: 01.06.2024); Merger Remedies // Competition & Markets Authority. 13.12.2018. P. 5. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5c12349c40f0b60bbe0d7be/Merger_remedies_guidance.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

антиконкурентный ущерб, но не должно иметь целью улучшение состояния конкуренции¹.

Однако в условиях формирования и развития цифровых рынков разработка надлежащих проконкурентных предписаний может быть особенно непростой задачей. В отличие от традиционных рынков, которые могут незначительно меняться с течением времени, цифровые рынки характеризуются более высокими барьерами входа, а также непрерывными процессами развития инноваций, которые порождают совершенно новые рынки. На таких динамичных рынках может быть затруднительно определить надлежащим образом возможные последствия совершения сделки (иного действия) и разработать соответствующие предписания для поддержания конкуренции, поскольку не всегда очевидно, как в этом случае сделка (иное действие) может повлиять на конкуренцию на рынках, которые подвержены постоянным изменениям. Регуляторы уже давно осознали, что определение надлежащих условий предписаний – особенно когда сделка связана с динамично развивающимся рынком – требует тщательного анализа обстоятельств конкретной сделки и соответствующего рынка².

Как указывает ФАС России, предписание должно отвечать принципам относимости к деятельности сторон и предмету антимонопольного регулирования, соразмерности рискам наступления антиконкурентных последствий, разумности и исполнимости (п. 4.3 Разъяснения № 19).

Антимонопольные органы США придерживаются следующих ключевых принципов: формируемые при одобрении сделки условия 1) должны обеспечивать конкуренцию, 2) не должны создавать постоянное государственное регулирование рынка, 3) должны защищать конкуренцию, а не конкурентов, 4) должны быть осуществимы, 5) временные условия не должны применяться для устранения ущерба конкуренции, имеющего постоянный характер, и 6) риск

---

¹ Challenges in the design of a merger control regime for young and small competition authorities. Note by the UNCTAD secretariat. P. 11.

² Merger Remedies Manual // Antitrust Division U.S. Department of Justice. September 2020. P. 2. URL: <https://www.justice.gov/atr/page/file/1312416/download> (дата обращения: 01.06.2024).

неэффективности обязательства должен лежать на сторонах, а не на потребителях¹.

Антимонопольный орган Великобритании относит к принципам рассматриваемых проконкурентных обязательств эффективность, соразмерность, получение покупателями соответствующих преимуществ².

В российской юридической литературе называются принципы процедурного формализма (обязательность соблюдения требований), объективной обусловленности и обоснованности, недопущения ухудшения положения лица, которому выдано предписание³.

В юридической литературе различают два основных вида условий, содержащихся в предписаниях, выдаваемых антимонопольным органом при одобрении сделки (иного действия): структурные и поведенческие⁴. Структурные условия представляют собой разовые меры, которые направлены на поддержание или восстановление структуры рынка⁵ и могут предусматривать, например, отчуждение части активов третьим лицам, прав контроля над частью бизнеса, прав на осуществление вида деятельности конкурентам⁶. Поведенческие меры направлены на регулирование поведения хозяйствующих субъектов после осуществления сделки (иного действия)⁷ (например, в части цен приобретаемых и поставляемых товаров⁸, исполнения обязательств по действующим договорам¹,

---

¹ Merger Remedies Manual. P. 3-6.

² Merger Remedies. P. 6-10.

³ Поваров Ю.С. Пересмотр антимонопольных предписаний по сделкам экономической концентрации: значение, условия и порядок // Конкурентное право. 2023. № 2. С. 10 - 13. СПС КонсультантПлюс.

⁴ Овакимян К.Б. Правовое регулирование государственного контроля за экономической концентрацией: монография. С. 105; Ezrachi A. Behavioural Remedies in EC Merger Control - Scope and Limitations // World Competition. Volume 29. Issue 3. 2006. P. 459.

⁵ Wilson T. Merger remedies – is it time to go more behavioural? // Kluwer Competition Law Blog. 2020. URL: <https://competitionlawblog.kluwercompetitionlaw.com/2020/02/21/merger-remedies-is-it-time-to-go-more-behavioural/?output=pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

⁶ Авдашева С.Б., Калинина М.М. Предписания участникам слияний (сравнительный анализ практики Федеральной антимонопольной службы России и Европейской комиссии по конкуренции) // Экономическая политика. 2012. № 1. С. 147.

⁷ Там же.

⁸ См., например, Предписание ФАС России от 28.02.2023 № ТН/13912/23. URL: <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-kontrolya-sotsialnoy-sfery-torgovli-i-neproizvodstvennyh-uslug/257adbe5-ffdd-4c48-8d28-51f50501872c> (дата обращения: 01.06.2024); Предписание ФАС России от 19.10.2017 № ЦА/72151/17. URL: <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-regulirovaniya-svyazi-i-informatsionnyh-tehnologiy/tsa-72151-17/> (дата обращения: 01.06.2024); Предписание ФАС России от 10.09.2021 № ПИ/76750/21. URL: <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-regulirovaniya-svyazi-i-informatsionnyh-tehnologiy/e5250ae0-3300-46d3-af73-dafe9c4fb5ca> (дата обращения: 01.06.2024).

разработки торговой политики²). Важное отличие поведенческих условий от структурных состоит в том, что если выполнение первых представляет собой систематические действия участников сделки (иного действия), то вторых – однократный акт³.

Несмотря на сложившийся среди авторов консенсус, согласно которому структурные предписания являются наиболее подходящими для горизонтальной концентрации, поведенческие – для иных видов концентрации, наиболее оптимальной признается позиция о том, что применение того или иного вида предписания должно зависеть не только от формы концентрации, но и от конкретных обстоятельств сделки (иного действия)⁴.

При этом в отечественной правоприменительной практике антимонопольным органом приоритет отдается поведенческим условиям, в зарубежной – более распространены структурные условия обеспечения конкуренции⁵. Министерство юстиции США подчеркивает, что структурные условия являются понятными, определенными, эффективными и позволяют избежать продолжительного государственного вмешательства в рынок⁶. В юридической литературе указывается на то, что структурные условия являются единственным действительно эффективным вариантом разрешения проблем с действиями по экономической концентрации⁷. При этом в отношении зарождающихся отраслей, будущее развитие которых трудно оценить,

---

¹ См., например, Предписание ФАС России от 19.06.2023 № ГМ/48068/23. URL: <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-kontrolya-sotsialnoy-sfery-torgovli-i-neproduktivnykh-uslug/43bf4855-1f8a-4409-b885-1b8aef6c899c> (дата обращения: 01.06.2024).

² См., например, Предписание ФАС России от 25.01.2018 № АД/4619/18. URL: <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-kontrolya-promyshlennosti/ad-4619-18> (дата обращения: 01.06.2024).

³ Авдашева С.Б., Калинина М.М. Указ. соч. С. 147.

⁴ Овакимян К.Б. Правовое регулирование государственного контроля за экономической концентрацией: монография. С. 106-107.

⁵ Козлитин Е.В., Авдашева С.Б. Результаты невыполненных предписаний антимонопольного органа (на примере структурных предписаний при поглощении ТНК-ВР Роснефтью) // Современная конкуренция. 2015. Том 9. № 6 (54). С. 5; ICN Merger Working Group Merger Remedies Guide. P. 10.

⁶ Merger Remedies Manual. P. 13.

⁷ Kwoka J., Waller S.W. Fix It or Forget It: A “No-Remedies” Policy for Merger Enforcement // CPI Antitrust Chronicle. August 2021. P. 1-9. URL: <https://www.competitionpolicyinternational.com/wp-content/uploads/2021/08/5-Fix-It-or-Forget-It-A-No-Remedies-Policy-for-Merger-Enforcement-By-John-Kwoka-Spencer-Weber-Waller.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

структурные меры могут быть не соразмерны рискам и не осуществимы практически¹.

По сравнению со структурными, поведенческие условия являются менее обременительными для сторон², могут оказаться более эффективными в случае вертикальной и конгломератной концентрации³. Применение поведенческих условий (вместо структурных) может быть обусловлено тем, что регулятор не может обеспечить исполнение структурного предписания, затрагивающего активы за пределами его юрисдикции, в отношении трансграничной сделки, когда в этой стране у компании отсутствуют местные активы, или ведомство может быть обеспокоено тем, что если условия предписания будут оказывать сильное давление на компанию, она может уйти с местного рынка⁴. Российский антимонопольный орган не практикует выдачу структурных предписаний иностранным компаниям или в отношении трансграничных сделок⁵.

Одним из дискуссионных аспектов поведенческих условий является то, что такие условия могут существенно ограничить свободу осуществления предпринимательской деятельности⁶, способность хозяйствующего субъекта максимизировать прибыль⁷, поставить под угрозу его положение на рынке. В этой связи Министерство юстиции США указало, что часто невозможно разработать поведенческие меры, предугадывающие сложные стимулы, которые определяют принятие корпоративных решений⁸. Кроме того, поведенческие меры обычно требуют более высоких затрат на контроль за их соблюдением и не являются

---

¹ Merger control in dynamic markets - Background note by the Secretariat // Organisation for Economic Co-operation and Development. DAF/COMP/GF(2019)8. 28.10.2019. P. 23. URL: [https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/GF\(2019\)8/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/GF(2019)8/en/pdf) (дата обращения: 01.06.2024).

² Challenges in the design of a merger control regime for young and small competition authorities. Note by the UNCTAD secretariat. P. 11-12.

³ Policy Roundtable – Remedies in Merger Cases // OECD. 2011. URL: <https://www.oecd.org/daf/competition/RemediesinMergerCases2011.pdf> (дата обращения: 01.06.2024). P. 11-12.

⁴ Policy Roundtables - Cross-Border Merger Control: Challenges for Developing and Emerging Economies // OECD. DAF/COMP/GF(2011)13. 13.02.2012. P. 316-319. URL: <https://www.oecd.org/daf/competition/cross-border-merger-control-challenges-for-developing-and-emerging-economies.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

⁵ Merger Remedies Guide. Third edition / ed. by Harty R.P. and Kiratzis N. United Kingdom, 2020. P. 277.

⁶ Robertson L. Remedies and Commitments in Abuse Cases – Contribution from the European Union // OECD. DAF/COMP/GF/WD(2022)33. 17.11.2022. P. 5. URL: [https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/GF/WD\(2022\)33/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/GF/WD(2022)33/en/pdf) (дата обращения: 01.06.2024).

⁷ Merger Remedies. P. 52-53.

⁸ Assistant Attorney General Jonathan Kanter of the Antitrust Division Delivers Remarks to the New York State Bar Association Antitrust Section // US Department of Justice. 24.01.2022. URL: <https://www.justice.gov/opa/speech/assistant-attorney-general-jonathan-kanter-antitrust-division-delivers-remarks-new-york> (дата обращения: 01.06.2024).

подходящими в качестве долгосрочного решения сохраняющейся проблемы конкуренции¹. Из-за динамичного характера цифровых рынков мониторинг и правоприменение являются серьезным недостатком поведенческих предписаний в отношении сделок (иных действий) на таких рынках². При этом условия, налагаемые на группу лиц приобретателя (объединенного в результате реорганизации хозяйствующего субъекта) в течение длительного периода, могут сдерживать возможность хозяйствующего субъекта эффективно реагировать на изменение рынка и, соответственно, причинить убытки.

Представляется, что на цифровых рынках, характер будущего развития которых не определен, предписания следует разрабатывать при сочетании структурных и поведенческих условий с учетом предложений участников сделок (иных действий) по результатам оценки возможных антиконкурентных/проконкурентных эффектов, не допуская чрезмерного ограничения прав хозяйствующих субъектов в результате вмешательства антимонопольного органа. Вместе с тем применение структурных предписаний целесообразно в случаях, когда поведенческие меры могут быть неэффективны, что может иметь место на высококонцентрированных цифровых рынках.

В целях адаптации и реагирования на изменяющиеся условия на динамичных и инновационных рынках является целесообразным совершенствование подходов к анализу состояния конкуренции и разработке предписаний антимонопольного регулятора. Так, с учетом того, что данные пользователей могут быть важным активом в сделках с участием цифровых компаний³, антимонопольные органы применяют меры по недопущению использования объединенных в результате совершения сделок (иных действий) данных для ограничения конкуренции. При рассмотрении Европейской комиссией сделки Google/Fitbit для разрешения проблем, связанных с объединением пользовательских данных, был применен новаторский подход:

---

¹ BRICS in the digital economy: Competition Policy in Practice (2nd Report) // BRICS. 2023. P. 126. URL: <https://cdn.cade.gov.br/Portal/assuntos/noticias/2024/BRICS%20Digital%20Economy.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

² Richter H. Prospects of Merger Review in the Digital Age: A Critical Look at the EU, the United States, and Germany // International Review of Intellectual Property and Competition Law. 2023. Volume 54. P. 234.

³ Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху. Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции. С. 45.

Google обязалась не использовать для рекламных целей данные о пользователях Fitbit и обеспечить техническое разделение хранения данных Google, используемых для рекламы, и Fitbit. Кроме того, обязательства предусматривают, что Google предоставит пользователям возможность выбора, разрешать ли сервисам Google использовать их данные¹. Условия по обеспечению конкуренции будут действовать в течение 10 лет, но этот период может быть продлен, если рынки онлайн-рекламы не будут развиваться в сторону более конкурентного сценария².

Условие об обособлении данных сторон сделки после ее осуществления (firewall) предполагает ограничение передачи информации от одного бизнеса или актива компании (как правило, с вертикальной интеграцией) другому³. Обычно это достигается путем ограничения информационных потоков и использования общих услуг, физического разделения помещений и персонала, а также регулирования передачи управления и любых разрешенных взаимодействий между соответствующими сотрудниками (Centrica of Dynegy Storage Ltd / Dynegy Onshore Processing UK Ltd)⁴. Отмечается, что такие меры в принципе уместны, однако они вызывают сомнения с точки зрения реализации и контроля: контакты и обмен информацией довольно распространены внутри одной и той же группы компаний⁵, что ставит под сомнение способность органа власти⁶ или даже третьей стороны, например, эксперта, проверки исполнения такого условия. В соответствии с толкованием, данным при рассмотрении сделки PVN/Buch und Presse/MSV, власти Германии не считают это подходящим обязательством,

---

¹ Mergers: Commission clears acquisition of Fitbit by Google, subject to conditions // European Commission. 17.12.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_20_2484 (дата обращения: 01.06.2024).

² Commission Decision of 17.12.2020 declaring a concentration to be compatible with the internal market and the EEA agreement (Case M.9660 – Google/Fitbit). 17.12.2020. P. 210. URL: https://ec.europa.eu/competition/mergers/cases1/202120/m9660_3314_3.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

³ Merger Remedies. P. 58.

⁴ Understanding past merger remedies: report on case study research // Competition Commission. January 2007. P. 38-42. URL: [https://www.biiicl.org/files/2904_understanding_past_merger_remedies_\(cc\).pdf](https://www.biiicl.org/files/2904_understanding_past_merger_remedies_(cc).pdf) (дата обращения: 01.06.2024).

⁵ Guidance on Remedies in Merger Control // Bundeskartellamt. May 2017. P. 50. URL: https://www.bundeskartellamt.de/SharedDocs/Publikation/EN/Leitlinien/Guidance%20on%20Remedies%20in%20Merger%20Control.pdf?__blob=publicationFile&v=4 (дата обращения: 01.06.2024).

⁶ Ibid.

поскольку для этого потребуется «постоянный контроль» над участниками сделки¹.

Предписания о выполнении условий, связанных с доступом к данным, выдавались также по результатам рассмотрения Европейской комиссией сделок Microsoft/LinkedIn (установлена обязанность предоставления конкурентам LinkedIn доступа к шлюзу для разработчиков программного обеспечения²), BMW/Daimler (стороны сделки обязались предоставить доступ к API своего приложения для каршеринга сторонним платформам-агрегаторам и доступ к собственному агрегатору заинтересованным каршеринг-операторам³), Meta/Kustomer (установлена обязанность по предоставлению недискриминационного доступа к API-интерфейсам конкурирующим поставщикам программного обеспечения для управления отношениями с клиентами (CRM) и новым участникам рынка⁴).

В России под условием предоставления доступа к данным согласована сделка Bayer/Monsanto. Так, компания «Байер АГ» была обязана предоставить российским организациям доступ к селекционным технологиям (в том числе актуальным банкам генетической информации сельскохозяйственных культур), цифровым агрономическим платформам точного земледелия и другим технологиям и данным⁵. Эта сделка продемонстрировала новый подход антимонопольного органа к контролю за экономической концентрацией в условиях глобализации и цифровизации экономики.

В контексте сделок (иных действий), предусматривающих объединение данных, предписания о предоставлении доступа к данным становятся все более актуальными⁶. Следует отметить, что отсутствует единая позиция относительно

---

¹ Guidance on Remedies in Merger Control. P. 49.

² Case M.8124 – Microsoft/LinkedIn Commission decision pursuant to Article 6(1)(b) in conjunction with Article 6(2) of Council Regulation No 139/20041 and Article 57 of the Agreement on the European Economic Area. 06.12.2016. URL: https://ec.europa.eu/competition/mergers/cases/decisions/m8124_1349_5.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

³ Case No. Comp/M.8744 - BMW/Daimler/Car Sharing JV. Commission Decision. 07.11.2018. URL: https://ec.europa.eu/competition/mergers/cases/decisions/m8744_1326_7.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ Commission Decision of 27.01.2022 declaring a concentration to be compatible with the internal market and the EEA agreement (Case M.10262 – Meta (formerly Facebook) / Kustomer). URL: https://ec.europa.eu/competition/mergers/cases1/202242/M_10262_8559915_3054_3.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

⁵ Решение ФАС России от 15.11.2017 о продлении срока рассмотрения ходатайства компании «Байер АГ».

⁶ Richter H. Op. cit. P. 233.

природы такой меры¹. Условие по предоставлению доступа относят к структурным, поведенческим², квазиструктурным³ или выделяют в качестве отдельной категории условий⁴. В частности, российский антимонопольный орган признает такое условие поведенческим⁵, в то время как Европейская комиссия – структурным⁶. В юридической литературе отмечается, что тенденция отнесения поведенческого по сути обязательства по предоставлению доступа к структурным или квазиструктурным обусловлена направленностью такой меры на изменение структуры рынка, хотя очевидно, что влияние на рыночную структуру является в данном случае менее прямым и определенным, чем при продаже активов⁷.

ФАС России при рассмотрении сделок на цифровых рынках устанавливала требования о недопущении необоснованных отказов в регистрации любой программы для ЭВМ, которая будет использовать API объекта экономической концентрации (Headhunter/Зарплата.ру⁸); о недопущении принятия мер по сокращению ресторанами-партнерами использования сервисов конкурентов, о сохранении размера и порядка формирования вознаграждения для ресторанов (Яндекс/Delivery Club⁹); об обеспечении возможности получения пользователем информации о поездке в приложении, о недопущении установления запретов использовать сервисы конкурентов (Яндекс/Uber¹⁰).

Особенностями цифровых рынков являются высокая динамика и неопределенность их развития, в связи с чем возникает необходимость гибкости условий предписаний для обеспечения соблюдения в таких условиях принципов

¹ Maier-Rigaud F. and Loertscher B. Structural vs. Behavioral Remedies // CPI Antitrust Chronicle. April 2020. P. 6. URL: <https://www.competitionpolicyinternational.com/wp-content/uploads/2020/04/CPI-Maier-Rigaud-Loertscher.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

² Policy Roundtables on Remedies and Sanctions in Abuse of Dominance Cases // OECD. 2006. P. 186-187. URL: <https://www.oecd.org/daf/competition/38623413.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

³ Walle V.S. Remedies in EU Merger Control - An Essential Guide. Working paper, last updated on 5 April 2021. P. 27. URL: <https://ssrn.com/abstract=3782333> (дата обращения: 01.06.2024).

⁴ Maier-Rigaud F. and Loertscher B. Op. cit. P. 6.

⁵ Решение ФАС России от 15.11.2017 о продлении срока рассмотрения ходатайства компании «Байер АГ».

⁶ Commission Notice on remedies acceptable under Council Regulation (EC) No 139/2004 and under Commission Regulation (EC) No 802/2004. §17.

⁷ Walle V.S. Op. cit. P. 27.

⁸ Предписание ФАС России от 23.11.2020 № АД/102400/20. URL: <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-regulirovaniya-svyazi-i-informatsionnyh-tehnologiy/701c596d-6e6a-4f9b-842c-55e43236fe07> (дата обращения: 01.06.2024).

⁹ ФАС одобрила с предписаниями ходатайства VK и Яндекса // ФАС России. 30.08.2022. URL: <https://fas.gov.ru/news/32117> (дата обращения: 01.06.2024).

¹⁰ Предписание ФАС России от 24.11.2017 № АГ/82030/17. URL: <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-regulirovaniya-svyazi-i-informatsionnyh-tehnologiy/ag-82030-17> (дата обращения: 01.06.2024).

соразмерности и разумности предписаний антимонопольного органа. Один из возможных способов сделать предписания более гибкими – поставить их реализацию в зависимость от наступления определенных обстоятельств (возникновение непреодолимых барьеров входа, превышение приобретателем (группой лиц) определенной доли на рынке, сокращение приобретателем инвестиций в инновационную деятельность объекта экономической концентрации и другие) в течение определенного периода¹. В таком случае обязанность исполнения обязательств, установленных в предписании, возникнет, только если и когда проблемы конкуренции станут более очевидными.

Так, возникновение обязательства по предоставлению доступа к большим данным для обеспечения конкуренции на цифровых рынках может быть поставлено в зависимость от наступления следующих обстоятельств: асимметрия больших данных между приобретателем (объединенным в результате реорганизации хозяйствующим субъектом) и действующими, потенциальными конкурентами как барьер входа на рынок, а также непреодолимость такого барьера входа вследствие невозможности получения больших данных действующими, потенциальными конкурентами из иных источников.

Вместе с тем обязательства, принятые под условием, могут иметь ряд недостатков: структурные меры, возможно, будет труднее реализовать, если сделка уже завершена, и участники сделки полностью интегрированы; может возникнуть правовая неопределенность для участников сделки, которые не будут знать, распространятся ли на них условия предписания в будущем; могут возрасти издержки участников сделки и регулятора, которому необходимо будет продолжать осуществлять контроль в отношении сделки².

Условные обязательства были бы более подходящими для цифрового сектора в случае чрезмерно строгого подхода антимонопольного органа. Основным аргументом Управления по конкуренции и рынкам Великобритании, оправдывающий запрет сделки Microsoft/Activision Blizzard, заключался в том,

---

¹ Merger control in dynamic markets - Background note by the Secretariat. P. 23.

² Merger Control in Dynamic Markets // OECD. 2020. P. 32. URL: <https://web-archiv.e.oecd.org/2020-03-10/546724-merger-control-in-dynamic-markets-2020.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

что соответствующие колебания рынка делают невозможным выдачу предписания с адекватными требованиями¹. Имея возможность налагать условные обязательства, антимонопольный орган потенциально может быть в состоянии предложить различные сценарии развития ситуации на рынке после сделки и на основе этого принять позднее меры, отражающие соответствующий сценарий, что будет способствовать применению подхода, ориентированного на будущее.

Вопрос разработки надлежащих предписаний, в том числе с точки зрения их соразмерности и исполнимости, также приобретает особое значение в условиях роста количества трансграничных сделок (иных действий). Согласно разъяснениям Международной конкурентной сети антимонопольный орган должен руководствоваться собственным суждением при принятии решения относительно необходимости выдачи предписания². Тем не менее, координация действий антимонопольных органов позволяет избежать коллизии выданных предписаний. Координация и сотрудничество особенно необходимы, когда регулятор приходит к выводу, что эффективное предписание должно включать совершение действий с активами за пределами его юрисдикции³. В этой связи полагаем целесообразным сотрудничество российского регулятора с зарубежными ведомствами (в частности, в рамках ЕАЭС, БРИКС) для определения содержания предписаний в отношении участников крупнейших глобальных сделок с учетом введенного «пятым антимонопольным пакетом» права продления срока рассмотрения трансграничных сделок (иных действий) до 3 лет (ч. 3 ст. 33 Закона).

В сентябре 2023 г. в рамках «пятого антимонопольного пакета» вступил в силу ряд важных нововведений в отношении предписаний. Так, «пятый антимонопольный пакет» устанавливает право заявителей представить предложения по обязательствам (ч. 3.1 ст. 33 Закона). Возможность предложения

---

¹ Anticipated acquisition by Microsoft Corporation of Activision Blizzard, Inc. Decision on relevant merger situation and substantial lessening of competition, ME/6983/22 // Competition & Markets Authority. 12.10.2022. § 81. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/634536048fa8f5153767e533/MSFT.ABK_phase_1_decision_1.09.2022.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

² ICN Merger Working Group Merger Remedies Guide. P. 3.

³ Gotts I.K. Key Principles of Merger Remedies // The Guide to Merger Remedies / ed. by Harty R.P. and Kiratzis N. United Kingdom, 2018. P. 20.

добровольных обязательств была предусмотрена еще Разъяснением № 19, а включение данного института в Закон о защите конкуренции является закреплением позитивного опыта антимонопольного органа, обеспечивающего максимально открытый процесс контроля. При этом такие предложения участников сделки (иного действия) должны носить конкретный характер. При необходимости регулятор вправе направить запросы о даче пояснений по существу представленных предложений (п. 4.2 Разъяснения № 19). Однако, как указывается в разъяснениях БРИКС, в таких случаях задача состоит в обеспечении того, чтобы предлагаемые обязательства были адекватными для эффективности их реализации, что может оказаться затруднительным, если правоприменитель находится в ситуации асимметрии информации¹.

Возможность пересмотра предписания в части содержания или порядка его исполнения как по инициативе лица, которому выдано предписание, так и непосредственно регулятором предусмотрена Законом о защите конкуренции (ч. 11 ст. 33 Закона). Это особенно важно в контексте быстро изменяющихся высокотехнологичных рынков, где может быть сложно предвидеть их будущее развитие².

На рассмотрении Государственной Думы находится законопроект, согласно которому к основаниям для пересмотра предписания, помимо уже предусмотренных Законом (изменение границ рынка, состава участников, утрата доминирующего положения), будет относиться несоответствие установленного в предписании порядка формирования цены на товар общим условиям обращения товара на товарном рынке³.

Следует учитывать, что ряд предписаний в отношении участников рынков цветных металлов предусматривает использование индикаторов цен на

---

¹ BRICS in the digital economy: Competition Policy in Practice (2nd Report). P. 130-131.

² Абдуллин Д.Т. Правовое обеспечение конкуренции при осуществлении сделок и иных действий в рамках экономической концентрации в условиях цифровой экономики посредством предписаний антимонопольного органа // Право и экономика. № 6 (436). 2024. С. 37-43.

³ Проект Федерального закона «О внесении изменений в статьи 33 и 51.2 Федерального закона «О защите конкуренции» (законопроект № 632373-8). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/632373-8> (дата обращения: 01.06.2024).

зарубежных рынках для расчета максимального уровня цен¹. Нововведения обусловлены возникшей в текущих условиях необходимостью исключения из предписаний положений, содержащих формулу цены, что позволит повысить устойчивость российской экономики в условиях внешнего санкционного давления, а также в рамках предпринимаемых антикризисных мер². Согласно действующей редакции ч. 11 ст. 33 Закона пересмотр предписаний осуществляется на основании принципа недопустимости ухудшения существовавшего до пересмотра положения лица. Однако, согласно законопроекту, данный принцип не будет применяться к вышеуказанному новому основанию.

За нарушение требований законодательства о контроле за экономической концентрацией предусмотрены определенные правовые последствия.

Административная ответственность в виде наложения административного штрафа устанавливается за следующие правонарушения:

- невыполнение предписания антимонопольного органа в установленный срок (ч. 2.3 ст. 19.5 КоАП РФ);
- непредставление ходатайств (уведомлений); представление ходатайств (уведомлений), содержащих заведомо недостоверные сведения; нарушение порядка и сроков подачи ходатайств (уведомлений) (ч. 3, 4 ст. 19.8 КоАП РФ).

Данные составы правонарушений являются формальными³.

Так, суд признал правомерным привлечение ООО «Хэдхантер» к административной ответственности по ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ, поскольку хозяйственное общество совершило сделку по приобретению части нематериальных активов ООО «ПМХ» без предварительного согласования с ФАС России. Суд пришел к выводу о том, что несмотря на то, что формально балансовая стоимость приобретенного ООО «Хэдхантер» по договорам

¹ См., например, Решение ФАС России от 24.11.2014 № АЦ/47641/14, Предписание ФАС России от 24.11.2014. URL: <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-kontrolya-promyshlennosti/ats-47641-14/> (дата обращения: 01.06.2024).

² Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в статьи 33 и 51.2 Федерального закона «О защите конкуренции» (законопроект № 632373-8). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/632373-8> (дата обращения: 01.06.2024).

³ Гутерман А.Е. Вопросы административной ответственности за нарушение правил государственного контроля за экономической концентрацией // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 1. С. 20-23. СПС КонсультантПлюс.

имущества (товарных знаков job, job.ru и Job-today, прав по администрированию доменного имени job.ru, исключительных прав на базу данных работодателей и соискателей) не превышала 20% балансовой стоимости основных производственных средств и нематериальных активов ООО «ПМХ» для возникновения обязанности согласования, сделка требовала получения предварительного согласия ФАС России, поскольку отчуждение таких элементов сайта, как его доменное имя, его контент (базы данных) и права на администрирование, означает утрату его целостности и функциональности, и при этом списание после сделки с бухгалтерского баланса ООО «ПМХ» активов, которые не составляли предмет сделки (сайт job.ru, исключительные авторские права на программу для ЭВМ Job.platform версия 1.0), означает фактическое прекращение деятельности ООО «ПМХ» в указанной сфере, в связи с чем доля приобретаемых активов подлежит определению с учетом общей балансовой стоимости списанных активов, стоимости переданных по договорам активов¹.

Помимо административной ответственности, законом также предусмотрена возможность применения следующих гражданско-правовых мер:

– принудительная ликвидация или реорганизация (в форме выделения или разделения) при создании или реорганизации коммерческих организаций (ст. 27 Закона) без предварительного согласия ФАС России (ч. 1 ст. 34 Закона);

– признание сделки недействительной при совершении сделок с акциями (долями), имуществом, правами (ст. 28, 29 Закона) без предварительного согласия ФАС России, его последующего уведомления, а также при неисполнении предписания, выданного с решением об удовлетворении ходатайства (ч. 2, 4, 5 ст. 34 Закона).

Основанием для применения указанных гражданско-правовых мер является судебное решение, а соответствующий иск подается антимонопольным органом. Важно подчеркнуть, что суд принимает решение о применении к нарушителю

---

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.05.2021 по делу № А40-45414/19-79-350. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2746f229-c3ae-490b-ac40-e4c14760a5ef/2561c3d0-6822-48b3-ba49-3d6a7177023c/A40-45414-2019_20210514_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.06.2024).

таких мер (за исключением признания сделки недействительной за неисполнение предписания, выданного с решением об удовлетворении ходатайства) только при доказанности факта того, что сделка привела либо может привести к антиконкурентным последствиям (ч. 1, 2, 4 ст. 34 Закона). В п. 57 Постановления Пленума ВС РФ № 2 также подчеркивается, что при обращении с иском в суд регулятор должен обосновать наличие публичного интереса в защите конкуренции.

Важно обратить внимание на то, что право выбора, какой именно иск инициировать (о принудительной ликвидации или реорганизации, в форме выделения или разделения), остается за регулятором. В юридической литературе обоснованно указывается, что право предъявления иска о реорганизации или ликвидации хозяйствующего субъекта является мерой защиты, направленной на возврат участников действия по экономической концентрации в первоначальное положение¹. Соответственно, последствием создания хозяйствующего субъекта без согласования с ФАС России должна являться ликвидация, последствием незаконного слияния – разделение, а присоединения – выделение², что будет отвечать характеру нарушения³. Указанный подход соответствует позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ⁴.

Что касается такой гражданско-правовой меры как признание сделки недействительной, то необходимо подчеркнуть, что сделки, совершенные с нарушением норм об их согласовании с ФАС России и которые привели или могут привести к антиконкурентным последствиям, а также по которым не исполнено выданное ФАС России предписание, являются оспоримыми на основании общего правила, установленного п. 1 ст. 173.1 ГК РФ, и отсутствия

---

¹ Егорова М.А. Некоторые вопросы государственного контроля экономической концентрации группы лиц // Журнал предпринимательского и корпоративного права. № 1, январь-март 2016 г. СПС Гарант.

² Актуальные вопросы современного конкурентного права. Сборник научных трудов / отв. ред. М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2017. Вып. 1 (автор раздела – Егорова М.А.). СПС КонсультантПлюс.

³ Гутерман А.Е. Последствия нарушения правил государственного контроля за экономической концентрацией // Конкурентное право. 2016. № 1. С. 25-29. СПС КонсультантПлюс.

⁴ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13.08.2004 № 84 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами статьи 61 Гражданского кодекса Российской Федерации», п. 3 // Вестник ВАС РФ. № 10. 2004. СПС КонсультантПлюс.

специальных положений о ничтожности таких сделок в Законе о защите конкуренции.

Отличием оспоримых сделок от ничтожных является то, что оспоримая сделка действительна, но может быть признана недействительной, если суд признает ее таковой по иску управомоченного лица¹. Е.А. Суханов указывает, что критерием разделения сделок на оспоримые (относительно недействительные) и ничтожные (абсолютно недействительные) является различная степень их противоправности². Р.О. Халфина отмечала, что к ничтожным относятся «сделки, совершение и исполнение которых грубо нарушают интересы общества, противоречат его принципам и системе ценностей...»³. И.Б. Новицкий называл ничтожными сделки, которые нетерпимы с точки зрения интересов государства (например, сделка, направленная к явному ущербу для государства), оспоримыми – менее важные с точки зрения интересов общества (например, сделки, совершенные под влиянием существенного заблуждения)⁴. Первая группа сделок объявляется недействительной независимо от просьбы ее участников или других лиц; во второй группе случаев сделка может быть признана недействительной, если о том будет заявлено соответствующее требование⁵. О.С. Иоффе подчеркивал, что «условия недействительности ничтожных сделок очевидны и доказательств не требуют ... напротив, пороки оспоримых сделок трудно распознаваемы и нуждаются в доказательствах, именно поэтому недействительность таких сделок не наступает сама по себе»⁶.

По данному вопросу И.С. Шиткина указывает, что сделки, совершенные без обязательного согласования с ФАС России, оспоримы, поскольку они могут быть признаны недействительными только в судебном порядке и по иску антимонопольного органа, и исключительно в случае, если такие сделки приводят

¹ Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. I: Общая часть. С. 421 (автор главы – А.М. Ширвиндт).

² Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. (автор главы – Е.А. Суханов). СПС КонсультантПлюс.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Научно-практический комментарий / отв. ред. Т.Е. Абова, А.Ю. Кабалкин, В.П. Мозолин. М.: Бек, 1996. С. 288 (автор комментария к главе 9 – Р.О. Халфина).

⁴ Новицкий И.Б. Курс советского гражданского права. Сделки. Исковая давность. М.: Госюриздат, 1954. С. 69.

⁵ Там же.

⁶ Иоффе О.С. Советское гражданское право. Общая часть. С. 297.

или могут привести к ограничению конкуренции¹. Данный подход подтверждается и п. 6.3 Разъяснения № 19.

С учетом п. 2 ст. 167 ГК РФ для сделок по экономической концентрации результатом признания их недействительными может являться, например, возврат акций (долей) прежним собственникам, обратная передача прав определять условия осуществления предпринимательской деятельности.

В условиях цифровой экономики возникает необходимость установления специальных мер ответственности в отношении обладающих рыночной властью хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность на цифровых рынках. Так, например, ст. 18(2) Акта о цифровых рынках ЕС предусматривает возможность установления запрета на совершение такими хозяйствующими субъектами действий по экономической концентрации в течение определенного периода за систематическое нарушение требований Акта о цифровых рынках ЕС. Введение указанной нормы отражает понимание европейского законодателя о том, что крупные технологические компании консолидируются и усиливают рыночную власть за счет приобретений стартапов².

Выводы: В юридической литературе и правоприменительной практике отсутствуют единые подходы относительно того, как подходить к рассмотрению действий по экономической концентрации и разработке эффективных условий предписаний в высокотехнологичных отраслях. Однако имеется множество примеров различных решений, которые могут быть применены регулятором в зависимости от конкретных обстоятельств рассматриваемой сделки (иного действия) и конкретной отрасли. Трудности контроля за экономической концентрацией в динамично развивающихся отраслях заключаются в разработке адекватных обязательств в тех случаях, когда неясно, как будет развиваться конкурентная динамика в будущем.

---

¹ Шиткина И.С. Правовое регулирование экономической концентрации (в свете нового Федерального закона «О защите конкуренции») // Хозяйство и право. № 1. 2007. С. 14-23. СПС КонсультантПлюс.

² Robertson V. The Future of Digital Mergers in a Post-DMA World // European Commission. 17.03.2023. URL: https://commission.europa.eu/document/download/c3b0db11-0c61-4c73-bfc1-f152d94c1b47_en?filename=Morning-4-5-Robertson.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

Установление в предписаниях антимонопольного органа в рамках контроля за экономической концентрацией на цифровых рынках условия, предусматривающего обособленное хранение больших данных участников сделки (иного действия) после ее совершения, без передачи от одного хозяйствующего субъекта другому, позволит не допустить ограничения конкуренции приобретателем (участником реорганизации) вследствие получения им легальной возможности доступа к объединенным в результате совершения сделки (иного действия) большим данным.

Для обеспечения реализации принципов соразмерности и разумности предписаний антимонопольного органа при осуществлении контроля за экономической концентрацией на цифровых рынках установление в предписаниях обязательств под условием, то есть которые ставятся в зависимость от наступления определенных обстоятельств (возникновение непреодолимых барьеров входа на товарный рынок, превышение приобретателем (группой лиц) определенной доли на рынке, сокращение инвестиций приобретателем в инновационную деятельность лица, являющегося объектом экономической концентрации, и другие), позволит обеспечить устранение потенциальных антиконкурентных последствий после совершения сделки (иного действия) с учетом дальнейшего состояния конкуренции на цифровых рынках. Возникновение обязательства по предоставлению доступа к большим данным для обеспечения конкуренции на цифровых рынках может быть поставлено в зависимость от наступления следующих обстоятельств: асимметрия больших данных между приобретателем (объединенным в результате реорганизации хозяйствующим субъектом) и действующими, потенциальными конкурентами как барьер входа на товарный рынок, а также непреодолимость такого барьера входа вследствие невозможности получения больших данных действующими, потенциальными конкурентами из иных источников.

Рассмотренные правовые последствия несоблюдения законодательства о контроле за экономической концентрацией служат механизмами, позволяющими сохранять конкуренцию на рынке. В условиях цифровой экономики возникает

необходимость установления специальных мер ответственности в отношении обладающих рыночной властью хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность на цифровых рынках.

Заключение

Трансформация содержания процессов экономической концентрации создает предпосылки для приведения правил контроля за экономической концентрацией в соответствие с условиями цифровой экономики, формирования правового регулирования антимонопольного контроля в отношении владельцев цифровых платформ.

В настоящей работе выполнен комплексный анализ отечественного и зарубежного правового регулирования антимонопольного контроля за экономической концентрацией в сфере предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики, который позволил выявить ряд правовых проблем теоретического и практического характера, возникающих при осуществлении антимонопольного контроля за экономической концентрацией, с учетом развития основанных на цифровых технологиях рынков, разработать подходы к их решению.

Проведенный в рамках настоящего диссертационного исследования исторический анализ отечественного и зарубежного правового регулирования контроля за экономической концентрацией позволил раскрыть процесс его становления и выявить направления развития законодательства в рассматриваемой сфере применительно к цифровым рынкам.

Антимонопольный контроль за экономической концентрацией на цифровых рынках предлагается определять как урегулированную нормами права деятельность антимонопольного органа, направленную на недопущение ограничения конкуренции, а также на обеспечение прав и законных интересов потребителей в результате экономической концентрации на товарных рынках, основанных на цифровых платформах и иных цифровых технологиях. При осуществлении антимонопольного контроля за экономической концентрацией на цифровых рынках возникает необходимость обеспечения прав и законных

интересов потребителей, поскольку в результате совершения сделки (иного действия) по экономической концентрации доступ приобретателя (участника реорганизации) к объединенным большим данным и сетевой эффект могут привести к возникновению у него рыночной власти и, как следствие, позволить в одностороннем порядке оказывать влияние на поведение потребителей (потребительский спрос) путем ценовой дискриминации, ограничения возможности переключения на альтернативных поставщиков.

Рассмотрение видов и оснований контроля за экономической концентрацией позволило определить мировую тенденцию расширения оснований контроля за экономической концентрацией для целей адаптации законодательства к современным реалиям посредством введения критерия цены сделки, возможности признания действий по экономической концентрации злоупотреблением доминирующим положением, установления специального отраслевого регулирования контроля за экономической концентрацией, предусматривающего дополнительные обязанности в отношении обладающих рыночной властью участников соответствующих рынков, с учетом специфики рынков и состояния конкуренции на них.

В рамках работы разработаны адаптированные к условиям цифровой экономики подходы к оценке допустимости сделок (иных действий), подлежащих антимонопольному контролю, то есть надлежащему выявлению возможных проконкурентных и антиконкурентных последствий их осуществления таким образом, который позволит регулятору в условиях динамики и неопределенности развития цифровых рынков определить в отношении их участников эффективные проконкурентные обязательства, принять обоснованное решение в отношении сделки (иного действия).

Поскольку экономическая концентрация может ограничить или устранить конкуренцию в сфере защиты конфиденциальности, конфиденциальность персональных данных может учитываться регулятором как неценовой параметр при проведении анализа состояния конкуренции посредством применения «теста

гипотетического монополиста», адаптированного к цифровым рынкам, на которых товары предоставляются по нулевой цене.

Кроме того, поскольку экономическая концентрация может оказать негативное влияние на возможности и стимулы приобретателя поддерживать инновационную деятельность объекта экономической концентрации, в рамках контроля за экономической концентрацией следует проводить анализ возможного негативного влияния сделки на инновационную деятельность участников, рассматривая в том числе пересекающиеся направления научных исследований хозяйствующих субъектов (включая конкретные активы, необходимые для этой деятельности), безотносительно к конкретному товарному рынку. Указанный подход ориентирован на будущее и отражает потенциальные изменения на рынках, которые могут возникнуть в результате инновационной деятельности. Более того, такой подход позволит оценить не только влияние экономической концентрации на товары (услуги), но также на инновации, лежащие в основе разработки и коммерциализации таких товаров (услуг).

В настоящем исследовании автором предложен подход, предусматривающий установление в предписаниях обязательств по обособленному хранению больших данных участников сделки (иного действия) после ее осуществления, без передачи от одного хозяйствующего субъекта другому, в целях недопущения недобросовестного поведения хозяйствующего субъекта-приобретателя в отношении конкурентов и потребителей в результате получения доступа к объединенным после осуществления такой сделки (иного действия) данным.

Также в рамках настоящего исследования выявлена целесообразность установления в различных правопорядках единообразного правового регулирования контроля за экономической концентрацией с учетом глобального характера сделок (иных действий) в условиях цифровой экономики. Соответственно, продолжают оставаться актуальными вопросы учета в нормах отечественного законодательства о контроле за экономической концентрацией позитивного опыта других юрисдикций, прежде всего, в части критериев

экономической концентрации и оценки допустимости сделок (иных действий), что позволит адаптировать отечественное законодательство к мировым стандартам, будет способствовать созданию единого последовательного подхода в отношении сделок (иных действий) в технологическом секторе.

Для обеспечения реализации принципов соразмерности и разумности предписаний антимонопольного органа при осуществлении контроля за экономической концентрацией на цифровых рынках установление антимонопольным органом в предписаниях обязательств под условием, то есть которые ставятся в зависимость от наступления определенных обстоятельств, позволит обеспечить устранение потенциальных антиконкурентных последствий после совершения сделки (иного действия) с учетом дальнейшего состояния конкуренции на цифровых рынках.

Библиографический список

Международные документы

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 16.01.2015. СПС КонсультантПлюс.
2. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о единых правилах конкуренции (Заключено в г. Москве 09.11.2022) // Бюллетень международных договоров. № 5. 2023.
3. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны (заключено на о. Корфу 24.06.1994) // Собрание законодательства РФ. 20.04.1998. № 16. Ст. 1802.

Нормативные правовые акты Российской Федерации

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 04.07.2020. № 144.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Российская газета. 08.12.1994. № 238-239. СПС КонсультантПлюс.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410. СПС КонсультантПлюс.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // Российская газета. 31.12.2001. № 256. СПС КонсультантПлюс.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954. СПС КонсультантПлюс.
9. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 19.04.2024) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434. СПС КонсультантПлюс.
10. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об акционерных обществах» // Российская газета. № 248. 29.12.1995. СПС КонсультантПлюс.
11. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Российская газета. 17.02.1998. № 30. СПС КонсультантПлюс.
12. Федеральный закон от 17.08.1995 № 147-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О естественных монополиях» // Собрание законодательства РФ. 21.08.1995. № 34. Ст. 3426. СПС КонсультантПлюс.
13. Федеральный закон от 29.04.2008 (ред. от 28.04.2023) № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» // Российская газета. № 96. 07.05.2008. СПС КонсультантПлюс.
14. Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // Российская газета. № 134. 14.07.1999. СПС КонсультантПлюс.
15. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.08.2020. № 31 (часть I). Ст. 5017. СПС КонсультантПлюс.
16. Федеральный закон от 27.07.2006 (ред. от 06.02.2023) № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451. СПС КонсультантПлюс.

17. Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О науке и государственной научно-технической политике» // Собрание законодательства РФ. 26.08.1996. № 35. Ст. 4137. СПС КонсультантПлюс.
18. Федеральный закон от 25.05.1995 № 83-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» // Российская газета. № 103. 30.05.1995.
19. Федеральный закон от 09.10.2002 № 122-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» // Российская газета. № 194. 12.10.2002.
20. Федеральный закон от 05.10.2015 № 275-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 225. 07.10.2015. СПС КонсультантПлюс.
21. Федеральный закон от 16.02.2022 № 11-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и статью 1 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // Российская газета. № 37. 18.02.2022.
22. Федеральный закон от 08.03.2022 № 46-ФЗ (ред. от 23.04.2024) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 51. 10.03.2022. СПС КонсультантПлюс.
23. Федеральный закон от 10.07.2023 № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 17.07.2023. № 29. Ст. 5319.
24. Закон РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 18.04.1991. № 16. Ст. 499.
25. Закон СССР от 10.07.1991 № 2326-1 «Об ограничении монополистической деятельности в СССР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 31. Ст. 885.
Утр. силу.

26. Федеральный закон от 23.06.1999 № 117-ФЗ (ред. от 02.02.2006) «О защите конкуренции на рынке финансовых услуг» // Российская газета. № 120. 29.06.1999. Утр. силу. СПС КонсультантПлюс.
27. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 15.05.2017. № 20. Ст. 2901.
28. Указ Президента РФ от 21.12.2017 № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 25.12.2017. № 52 (Часть I). С. 8111.
29. Указ Президента РФ от 05.08.2022 № 520 (ред. от 19.03.2024) «О применении специальных экономических мер в финансовой и топливно-энергетической сферах в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций» // Собрание законодательства РФ. 08.08.2022. № 32. Ст. 5816. СПС КонсультантПлюс.
30. Указ Президента РФ от 18.09.2018 № 528 «О передаче в собственность Чеченской Республики находящихся в федеральной собственности акций открытого акционерного общества «Чеченнефтехимпром» // Собрание законодательства РФ. 24.09.2018. № 39. Ст. 5948.
31. Указ Президента РФ от 24.10.2018 № 596 «Об имущественном взносе Российской Федерации в Государственную корпорацию по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех» // Собрание законодательства РФ. 29.10.2018. № 44. Ст. 6710.
32. Указ Президента РФ от 25.04.2019 № 197 «О федеральном казенном предприятии «Научно-производственное объединение «Казанский завод точного машиностроения» // Собрание законодательства РФ. 29.04.2019. № 17. Ст. 2079.
33. Указ Президента РФ от 05.01.2024 № 28 «О передаче в собственность Республики Саха (Якутия) находящихся в федеральной собственности акций акционерного общества «Жатайская судовой верфь» // Собрание законодательства РФ. 08.01.2024. № 2. Ст. 401.

34. Указ Президента РСФСР от 03.12.1991 № 297 (ред. от 28.02.1995) «О мерах по либерализации цен» // Российская газета. 25.12.1991. СПС КонсультантПлюс.
35. Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 331 (ред. от 31.08.2023) «Об утверждении Положения о Федеральной антимонопольной службе» // Российская газета. 31.07.2004. № 162. СПС КонсультантПлюс.
36. Постановление Правительства РФ от 18.10.2014 № 1072 (ред. от 25.11.2020) «Об установлении величин активов финансовых организаций, поднадзорных Центральному банку Российской Федерации, в целях осуществления антимонопольного контроля» // Собрание законодательства РФ. 27.10.2014. № 43. Ст. 5907. СПС КонсультантПлюс.
37. Постановление Правительства РФ от 27.09.2021 № 1621 «Об установлении величин активов лизинговых компаний в целях осуществления антимонопольного контроля» // Собрание законодательства РФ. 04.10.2021. № 40. Ст. 6844.
38. Постановление Правительства РФ от 14.08.2020 № 1217 «О признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации в сфере контроля за соблюдением антимонопольного законодательства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 24.08.2020. № 34. Ст. 5448.
39. Распоряжение Правительства РФ от 02.09.2021 № 2424-р (ред. от 28.02.2024) «Об утверждении Национального плана («дорожной карты») развития конкуренции в Российской Федерации на 2021 - 2025 годы» // Собрание законодательства РФ. 13.09.2021. № 37. Ст. 6553. СПС КонсультантПлюс.
40. Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 29.05.2023. № 22. Ст. 3964.
41. Постановление Правительства РФ от 08.04.2009 № 314 «Об утверждении Правил осуществления государственного контроля за экономической концентрацией в области использования водных объектов» // Собрание законодательства РФ. 13.04.2009. № 15. Ст. 1843. Утр. силу.

42. Постановление Совета Министров СССР от 16.08.1990 № 835 «О мерах по демонополизации народного хозяйства» // СП СССР. 1990. № 24. Ст.114. Утр. силу.
43. Приказ ФАС России от 18.06.2007 № 168 «Об утверждении Перечня документов и сведений, представляемых в антимонопольный орган при представлении заявления хозяйствующими субъектами, имеющими намерение заключить соглашение» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 13.07.2007 № 9834) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 31. 30.07.2007.
44. Приказ ФАС России от 20.09.2007 № 294 (ред. от 06.02.2008) «Об утверждении административного регламента Федеральной антимонопольной службы по исполнению государственной функции по согласованию приобретения акций (долей) в уставном капитале коммерческих организаций, получения в собственность или пользование основных производственных средств или нематериальных активов, приобретения прав, позволяющих определять условия ведения хозяйствующим субъектом его предпринимательской деятельности, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 19.10.2007 № 10370) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 51. 17.12.2007. СПС КонсультантПлюс.
45. Приказ ФАС России от 28.12.2007 № 457 (ред. от 03.04.2012) «Об утверждении регламента Федеральной антимонопольной службы по осуществлению государственного контроля за экономической концентрацией, осуществляемой группой лиц». СПС КонсультантПлюс.
46. Приказ ФАС России от 17.04.2008 № 129 (ред. от 20.04.2010) «Об утверждении Формы представления антимонопольному органу сведений при обращении с ходатайствами и уведомлениями, предусмотренными статьями 27 - 31 Федерального закона «О защите конкуренции» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 04.05.2008 № 11614) // Российская газета. № 101. 14.05.2008. СПС КонсультантПлюс.

47. Приказ ФАС России от 28.04.2010 № 220 (ред. от 12.03.2020) «Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке» (Зарегистрировано в Минюсте России 02.08.2010 № 18026) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 34. 23.08.2010.
48. Приказ ФАС России от 25.05.2012 № 342 (ред. от 26.04.2013) «Об утверждении административного регламента Федеральной антимонопольной службы по исполнению государственной функции по согласованию создания и реорганизации коммерческих организаций в случаях, установленных антимонопольным законодательством Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 28.08.2012 № 25304) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 10. 11.03.2013. СПС КонсультантПлюс.
49. Приказ ФАС России от 25.08.2023 № 574/23 «Об утверждении квалификационных требований к экспертам, привлекаемым антимонопольным органом или комиссией по рассмотрению дела о нарушении антимонопольного законодательства» (Зарегистрировано в Минюсте России 31.10.2023 № 75791). СПС КонсультантПлюс.
50. Приказ Минфина России от 17.09.2020 № 204н (ред. от 30.05.2022) «Об утверждении Федеральных стандартов бухгалтерского учета ФСБУ 6/2020 «Основные средства» и ФСБУ 26/2020 «Капитальные вложения» (Зарегистрировано в Минюсте России 15.10.2020 № 60399) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 16.10.2020. СПС КонсультантПлюс.
51. Приказ Минфина России от 30.05.2022 № 86н «Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 14/2022 «Нематериальные активы» (Зарегистрировано в Минюсте России 28.06.2022 № 69031) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 28.06.2022. СПС КонсультантПлюс.

Нормативные правовые акты иностранных государств

52. Sherman Antitrust Act of 1890. 15 U.S.C. §§ 1-7 (2004). URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-3055/pdf/COMPS-3055.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).
53. Clayton Act of 1914. 15 U.S.C. § 18 (1996). URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-3049/pdf/COMPS-3049.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).
54. Federal Trade Commission Act of 1914. 15 U.S.C. § 45 (1988). URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-388/pdf/COMPS-388.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).
55. Celler–Kefauver Act of 1950. URL: <https://fraser.stlouisfed.org/title/celler-kefauber-anti-merger-act-5841> (дата обращения: 01.06.2024).
56. Hart-Scott-Rodino Antitrust Improvements Act of 1976. 15 U.S.C. § 18a. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-90/pdf/STATUTE-90-Pg1383.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).
57. Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union (25.03.1957; Rome) // Official Journal of the European Union C 202/1. URL: http://data.europa.eu/eli/treaty/tfeu_2016/oj (дата обращения: 01.06.2024).
58. Council Regulation (EEC) No 4064/89 of 21.12.1989 on the control of concentrations between undertakings // OJ L 395. 30.12.1989. P. 1-12. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX:31989R4064> (дата обращения: 01.06.2024). Repealed.
59. Council Regulation (EC) No 139/2004 of 20.01.2004 on the control of concentrations between undertakings // OJ L 24. 29.01.2004. P. 1-22. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX%3A32004R0139> (дата обращения: 01.06.2024).
60. Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14.09.2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act)

PE/17/2022/REV/1 // OJ L 265. 12.10.2022. P. 1-66. URL: <http://data.europa.eu/eli/reg/2022/1925/oj> (дата обращения: 01.06.2024).

61. Digital Markets, Competition and Consumers Act 2024. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2024/13> (дата обращения: 01.06.2024).

62. Bundesgesetz gegen Kartelle und andere Wettbewerbsbeschränkungen 2005. URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=20004174> (дата обращения: 01.06.2024).

63. Competition Act in the version published on 26 June 2013 (Bundesgesetzblatt (Federal Law Gazette) I, 2013, p. 1750, 3245), as last amended by Article 1 of the Act of 25 October 2023 (Federal Law Gazette I, p. 294). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_gwb/englisch_gwb.html (дата обращения: 01.06.2024).

Материалы правоприменительной практики

64. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.03.2011 № 2-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 4 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой муниципального образования - городского округа «Город Чита» // Собрание законодательства РФ. 11.04.2011. № 15. Ст. 2190.

65. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 5.

66. Определение Верховного Суда РФ от 17.05.2021 № 305-ЭС21-5232 по делу № А40-91027/2019. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/382d8879-9dce-451b-aaa1-fd4b6f4a6c33/3b557d3b-0fe3-4de9-ae76-7ac921d40441/A40-91027-2019_20210517_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.06.2024).

67. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2007 года (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 07.11.2007) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2.
68. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13.08.2004 № 84 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами статьи 61 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. № 10. 2004. СПС КонсультантПлюс.
69. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14.07.2020 № Ф09-4517/19 по делу № А07-13106/2018. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/829292d8-85e2-4c1b-956c-3e1486f625bb/1eb11a99-2029-4032-8c26-86bd8757d5a1/A07-13106-2018_20200714_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.06.2024).
70. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.05.2021 по делу № А40-45414/19-79-350. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2746f229-c3ae-490b-ac40-e4c14760a5ef/2561c3d0-6822-48b3-ba49-3d6a7177023c/A40-45414-2019_20210514_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.06.2024).
71. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.12.2023 № 09АП-71988/2023 по делу № А40-151401/23. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/c0bfd2b1-f9d3-42a9-8922-ed108b0e89ba/bd0149d3-b057-4081-ab40-35597f344d87/A40-151401-2023__20231206.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.06.2024).
72. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 28.12.2020 по делу № А40-70206/20. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/44d81f71-7b15-4f80-bad1-1695288ad57c/febc931c-e363-449b-b5fc-9d4b82801b0d/%D0%9040-70206-2020__20201228.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.06.2024).
73. Решение ФАС России от 24.11.2014 № АЦ/47641/14, Предписание ФАС России от 24.11.2014. URL: <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-kontrolya-promyshlennosti/ats-47641-14/> (дата обращения: 01.06.2024).

74. Решение Комиссии ФАС России от 18.09.2015 по делу № 1-14-21/00-11-15. URL: https://br.fas.gov.ru/generate_pdf/cb7f3315-ce72-4d4c-80b3-6fd2c41ced32/&ved=2ahUKEwjKs9qA5e-GAxUiBhAIHRs9VNEQFnoECBUQAQ&usg=AOvVaw0awMрTKHSDhUyejMxMMI2O (дата обращения: 01.06.2024).
75. Решение ФАС России от 08.11.2017 о продлении срока рассмотрения ходатайства компании «Байер АГ». URL: <https://www.fas.gov.ru/documents/591759> (дата обращения: 01.06.2024).
76. Решение ФАС России от 15.11.2017 о продлении срока рассмотрения ходатайства компании «Байер АГ». URL: <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-kontrolya-agropromyshlennogo-kompleksa/-c084b115-a929-42e7-a5a9-a8362a96e6c4> (дата обращения: 01.06.2024).
77. Решение ФАС России от 04.04.2018. URL: <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-regulirovaniya-svyazi-i-informatsionnyh-tehnologiy/-06d699fc-402a-4bb0-8645-44b58ec57beb> (дата обращения: 01.06.2024).
78. Предписание ФАС России от 19.10.2017 № ЦА/72151/17. URL: <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-regulirovaniya-svyazi-i-informatsionnyh-tehnologiy/tsa-72151-17/> (дата обращения: 01.06.2024).
79. Предписание ФАС России от 24.11.2017 № АГ/82030/17. URL: <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-regulirovaniya-svyazi-i-informatsionnyh-tehnologiy/ag-82030-17> (дата обращения: 01.06.2024).
80. Предписание ФАС России от 25.01.2018 № АД/4619/18. URL: <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-kontrolya-promyshlennosti/ad-4619-18> (дата обращения: 01.06.2024).
81. Предписание ФАС России от 20.04.2018 № ИА/28184/18. URL: <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-kontrolya-agropromyshlennogo-kompleksa/ia-28184-18> (дата обращения: 01.06.2024).
82. Предписание ФАС России от 23.11.2020 № АД/102400/20. URL: <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-regulirovaniya-svyazi-i-informatsionnyh-tehnologiy/701c596d-6eea-4f9b-842c-55e43236fe07> (дата обращения: 01.06.2024).

83. Предписание ФАС России от 10.09.2021 № ПИ/76750/21. URL: <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-regulirovaniya-svyazi-i-informatsionnyh-tehnologiy/e5250ae0-3300-46d3-af73-dafe9c4fb5ca> (дата обращения: 01.06.2024).
84. Предписание ФАС России от 28.02.2023 № ТН/13912/23. URL: <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-kontrolya-sotsialnoy-sfery-torgovli-i-neproizvodstvennyh-uslug/257adbe5-ffdd-4c48-8d28-51f50501872c> (дата обращения: 01.06.2024).
85. Предписание ФАС России от 19.06.2023 № ГМ/48068/23. URL: <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-kontrolya-sotsialnoy-sfery-torgovli-i-neproizvodstvennyh-uslug/43bf4855-1f8a-4409-b885-1b8aef6c899c> (дата обращения: 01.06.2024).
86. Anticipated acquisition by Facebook Inc of Instagram Inc ME/5525/12 // Office of Fair Trading. 22.08.2012. URL: <https://assets.publishing.service.gov.uk/media/555de2e5ed915d7ae200003b/facebook.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).
87. Anticipated acquisition by Blackbaud, Inc. of Giving Limited. Decision on relevant merger situation and substantial lessening of competition ME/6700-17 // Competition & Markets Authority. 08.09.2017. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/59cb693640f0b6440de0f092/bb_jg_decision.pdf (дата обращения: 01.06.2024).
88. Anticipated acquisition by Microsoft Corporation of Activision Blizzard, Inc. Decision on relevant merger situation and substantial lessening of competition, ME/6983/22 // Competition & Markets Authority. 12.10.2022. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/634536048fa8f5153767e533/MSFT.AB_K_phase_1_decision_-_1.09.2022.pdf (дата обращения: 01.06.2024).
89. Anticipated acquisition by Microsoft of Activision Blizzard, Inc. Final report // Competition & Markets Authority. 26.04.2023. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/644939aa529eda000c3b0525/Microsoft_Activision_Final_Report_.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

90. Judgment of the Court of Justice of 21.02.1973. Europemballage Corporation and Continental Can Company Inc. v Commission of the European Communities. Case 6-72. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61972CJ0006> (дата обращения: 01.06.2024).
91. Joined Cases T-213/01 and T-214/01 Österreichische Postsparkasse and Bank für Arbeit und Wirtschaft v Commission [2006] ECR II-1601. URL: <https://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?text=&docid=57916&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=11708561> (дата обращения: 20.03.2024).
92. Judgment of the Court (Third Chamber) of 23.11.2006. Asnef-Equifax, Servicios de Información sobre Solvencia y Crédito, SL v Asociación de Usuarios de Servicios Bancarios (Ausbanc). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62005CJ0238> (дата обращения: 01.06.2024).
93. Judgment of the Court of First Instance (Grand Chamber) of 17.09.2007. Microsoft Corp. v Commission of the European Communities. Case T-201/04. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62004TJ0201> (дата обращения: 01.06.2024).
94. Judgment of the Court (Second Chamber) of 16.03.2023. Towercast v Autorité de la concurrence and Ministère de l'Économie. Case C-449/21. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX:62021CJ0449> (дата обращения: 01.06.2024).
95. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 04.07.2023. Meta Platforms Inc and Others v Bundeskartellamt. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62021CJ0252&qid=1711196528095> (дата обращения: 01.06.2024).
96. Commission Decision of 11.03.2008 (Case № COMP/M.4731 – Google/DoubleClick). URL: https://ec.europa.eu/competition/mergers/cases/decisions/m4731_20080311_20682_en.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

97. Case M.7217 – Facebook/WhatsApp. Commission decision pursuant to Article 6(1)(b) of Council Regulation No 139/2004. 03.10.2014. URL: https://ec.europa.eu/competition/mergers/cases/decisions/m7217_20141003_20310_3962132_EN.pdf (дата обращения: 01.06.2024).
98. Case M.8124 – Microsoft/LinkedIn Commission decision pursuant to Article 6(1)(b) in conjunction with Article 6(2) of Council Regulation No 139/20041 and Article 57 of the Agreement on the European Economic Area. 06.12.2016. URL: https://ec.europa.eu/competition/mergers/cases/decisions/m8124_1349_5.pdf (дата обращения: 01.06.2024).
99. Commission Decision of 27.03.2017 declaring a concentration to be compatible with the internal market and the EEA Agreement (Case M.7932 – Dow/DuPont). URL: https://ec.europa.eu/competition/mergers/cases/decisions/m7932_13668_3.pdf (дата обращения: 01.06.2024).
100. Commission Decision of 06.09.2018 declaring a concentration to be compatible with the internal market and the EEA Agreement (Case M.8788 – Apple/Shazam). URL: https://ec.europa.eu/competition/mergers/cases/decisions/m8788_1279_3.pdf (дата обращения: 01.06.2024).
101. Case No. Comp/M.8744 - BMW/Daimler/Car Sharing JV. Commission Decision. 07.11.2018. URL: https://ec.europa.eu/competition/mergers/cases/decisions/m8744_1326_7.pdf (дата обращения: 01.06.2024).
102. Commission Decision of 17.12.2020 declaring a concentration to be compatible with the internal market and the EEA agreement (Case M.9660 – Google/Fitbit). 17.12.2020. URL: https://ec.europa.eu/competition/mergers/cases1/202120/m9660_3314_3.pdf (дата обращения: 01.06.2024).
103. Commission Decision of 27.01.2022 declaring a concentration to be compatible with the internal market and the EEA agreement (Case M.10262 – Meta (formerly Facebook) / Kustomer). URL:

https://ec.europa.eu/competition/mergers/cases1/202242/M_10262_8559915_3054_3.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

104. Decision n° 18-DCC-18 of 01.02.2018 relating to the acquisition of sole control of the company Concept Multimedia by the Axel Springer Group // Autorité de la concurrence. URL:

https://www.autoritedelaconcurrence.fr/sites/default/files/decision_seloger_en_def.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

105. Planned acquisition of Honey Science Corp. by PayPal Inc. cleared (B6-86/19) // Bundeskartellamt. 31.03.2020. URL:

https://www.bundeskartellamt.de/SharedDocs/Entscheidung/EN/Fallberichte/Fusionskontrolle/2020/B6-86-19.pdf?__blob=publicationFile&v=2 (дата обращения: 01.06.2024).

106. MOFCOM Announcement No. 43 of 2015 on Changing Restrictive Conditions for the Concentration between Undertakings concerning the Acquisition of Hard Disk Drive Business of Samsung Electronics Co., Ltd. by Seagate Technology Co., Ltd. // MOFCOM. 20.10.2015. URL:

<http://english.mofcom.gov.cn/article/policyrelease/buwei/201510/20151001148014.shtml> (дата обращения: 01.06.2024).

107. Brown Shoe Co. v. United States, 370 U.S. 294 (1962). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/370/294> (дата обращения: 01.06.2024).

108. United States v. Philadelphia National Bank, 374 U.S. 321 (1963). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/374/321> (дата обращения: 01.06.2024).

109. United States v. Von's Grocery Co., 384 U.S. 270 (1966). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/384/270> (дата обращения: 01.06.2024).

110. United States v. General Dynamics Corp., 415 U.S. 486 (1974). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/415/486> (дата обращения: 01.06.2024).

111. Reiter v. Sonotone Corp., 442 U.S. 330 (1979). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/442/330> (дата обращения: 01.06.2024).

112. United States v. Bazaarvoice, Inc., C13-0133 (N.D. Cal. Jan. 8, 2013). URL: <https://www.justice.gov/atr/case/us-v-bazaarvoice-inc> (дата обращения: 01.06.2024).

Иные документы

113. Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период 2013-2024 гг. (утв. Президиумом ФАС России 03.07.2013). СПС КонсультантПлюс.
114. Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года (утв. протоколом Президиума ФАС России от 03.07.2019 № 6). СПС КонсультантПлюс.
115. Разъяснения ФАС России «Разъяснения по порядку и методике анализа соглашений о совместной деятельности». 2013. URL: <https://fas.gov.ru/documents/575737> (дата обращения: 01.06.2024).
116. Разъяснение ФАС России от 11.06.2021 № 19 «Об особенностях осуществления государственного антимонопольного контроля за экономической концентрацией» (утв. протоколом Президиума ФАС России от 11.06.2021 № 3). СПС КонсультантПлюс.
117. Рекомендации Президиума ФАС России «По применению механизма отказа от конфиденциальности (вейвера) при рассмотрении сделок экономической концентрации» (одобрено протоколом Президиума ФАС России от 13.03.2019 № 2). СПС КонсультантПлюс.
118. 1968 Merger Guidelines // U.S. Department of Justice. URL: <http://www.justice.gov/atr/hmerger/11247.htm> (дата обращения: 01.06.2024).
119. 1982 Merger Guidelines // U.S. Department of Justice. URL: <https://www.justice.gov/archives/atr/1982-merger-guidelines> (дата обращения: 01.06.2024).
120. 1984 Merger Guidelines // U.S. Department of Justice. URL: <https://www.justice.gov/archives/atr/1984-merger-guidelines> (дата обращения: 01.06.2024).
121. 1997 Merger Guidelines // U.S. Department of Justice and the Federal Trade Commission. URL: <https://www.justice.gov/archives/atr/1997-merger-guidelines> (дата обращения: 01.06.2024).

122. 2010 Horizontal Merger Guidelines // U.S. Department of Justice and the Federal Trade Commission. 19.08.2010. URL: <https://www.justice.gov/atr/file/810276/dl?inline> (дата обращения: 01.06.2024).
123. 2023 Merger Guidelines // U.S. Department of Justice and the Federal Trade Commission. 18.12.2023. URL: <https://www.justice.gov/d9/2023-12/2023%20Merger%20Guidelines.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).
124. Commission Notice on remedies acceptable under Council Regulation (EC) No 139/2004 and under Commission Regulation (EC) No 802/2004. OJ C 267. 22.10.2008. P. 1-28. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A52008XC1022%2801%29> (дата обращения: 01.06.2024).
125. Guidelines on assessment of horizontal mergers under the Council Regulation on the control of concentrations between undertakings // OJ C 31. 05.02.2004. P. 5-18. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A52004XC0205%2802%29> (дата обращения: 01.06.2024).
126. Guidelines on the assessment of non-horizontal mergers under the Council Regulation on the control of concentrations between undertakings // OJ C 265. 18.10.2008. P. 6-25. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52008XC1018%2803%29> (дата обращения: 01.06.2024).

Учебные пособия, монографии, статьи

127. Абдуллин Д.Т. Анализ влияния сделок и иных действий на развитие инноваций при осуществлении антимонопольного контроля за экономической концентрацией в условиях цифровой экономики: правовые аспекты // Право и экономика. № 5 (435). 2024. С. 77-82.
128. Абдуллин Д.Т. Правовая регламентация критериев экономической концентрации в рамках осуществления антимонопольного контроля на товарных рынках в условиях цифровой экономики // Законодательство. 2024. № 5. С. 33-38.

129. Абдуллин Д.Т. Правовое обеспечение конкуренции при осуществлении сделок и иных действий в рамках экономической концентрации в условиях цифровой экономики посредством предписаний антимонопольного органа // Право и экономика. № 6 (436). 2024. С. 37-43.
130. Абдуллин Д.Т. Правовые аспекты обеспечения конфиденциальности персональных данных потребителей при осуществлении антимонопольного контроля за экономической концентрацией // Евразийский юридический журнал. № 4 (191). 2024. С. 266-269.
131. Авдашева С.Б., Калинина М.М. Предписания участникам слияний (сравнительный анализ практики Федеральной антимонопольной службы России и Европейской комиссии по конкуренции) // Экономическая политика. 2012. № 1. С. 141-158.
132. Авдашева С.Б., Шаститко А.Е. Новое антимонопольное законодательство: результат стратегического взаимодействия? // Экономическая политика. 2007. № 3. С. 72-91.
133. Акимова М.А., Леус В.Л. Истоки антимонопольного регулирования в римском праве // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 2. С. 180-192.
134. Актуальные вопросы современного конкурентного права. Сборник научных трудов / отв. ред. М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2017. Вып. 1. 288 с. СПС КонсультантПлюс.
135. Алексеев С.С. Общая теория права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. 565 с.
136. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1964. 226 с.
137. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху. Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции / под ред. А.Ю. Цариковского, А.Ю. Иванова, Е.А. Войниканис. 2-е изд. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 392 с.
138. Арутюнян А.А., Бербенева А.Д. Эволюция антимонопольного регулирования цифровых платформ // Цифровое право. 2022. № 3 (3). С. 79-96.

139. Балашкевич И.В. Вопросы согласований соглашений о совместной деятельности с антимонопольным органом // Юрист. № 21. 2017. С. 42-46.
140. Башлаков-Николаев И.В., Максимов С.В. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации о применении судами антимонопольного законодательства: научно-практический комментарий. М.: Проспект, 2022. 184 с. СПС КонсультантПлюс.
141. Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. II. Лица, блага, факты: учебник. М.: Юрайт, 2013. 1093 с.
142. Борзило Е.Ю. Эволюция определения «доминирующее положение» в российском антимонопольном законодательстве // Закон. 2018. № 10. С. 120-126. СПС КонсультантПлюс.
143. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: монография. Книга 5. Том 1. Договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований. М.: Статут, 2006. 736 с. СПС КонсультантПлюс.
144. Вайпан В.А. Понятие цифровой экосистемы и принципы ее регулирования // Проблемы создания цифровой экосистемы: правовые и экономические аспекты: монография, коллектив авторов / под ред. д.ю.н., доц. В.А. Вайпана, д.ю.н., проф. М.А. Егоровой. М.: Юстицинформ, 2021. С. 12-19. СПС Гарант.
145. Варламова А.Н. Конкурентное право и отраслевые товарные рынки // Оценка состояния конкуренции на товарных рынках: правовые и экономические вопросы: монография, коллектив авторов / отв. ред.: А.В. Молчанов, Д.А. Петров. М.: Юрист, 2020. С. 59-79.
146. Варламова А.Н. Конкурентное право и отраслевые товарные рынки: Монография. М.: Зерцало-М, 2021. 359 с.
147. Витрянский В.В. Система гражданско-правовых договоров в условиях реформирования гражданского законодательства // Вестник ВАС РФ. 2012. № 1. С. 26-59. СПС КонсультантПлюс.

148. Гаврилов Д.А., Нагорский К.С. Развитие процедур государственного контроля за сделками М&А // Российское конкурентное право и экономика. 2018. № 3 (15). С. 50-55.
149. Гаврилов Д.А., Овакимян К.Б. Оценка положительного и негативного влияния сделок, иных действий на состояние конкуренции в рамках государственного контроля за экономической концентрацией // Оценка состояния конкуренции на товарных рынках: правовые и экономические вопросы: монография, коллектив авторов / отв. ред.: А.В. Молчанов, Д.А. Петров. М.: Юрист, 2020. С. 279-295.
150. Гохан П.А. Слияния, поглощения и реструктуризация компаний / пер. с англ. 4-е изд. М.: Альпина Паблицерз, 2010. 741 с.
151. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Научно-практический комментарий / отв. ред. Т.Е. Абова, А.Ю. Кабалкин, В.П. Мозолин. М.: Бек, 1996. 714 с.
152. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. I: Общая часть / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 576 с.
153. Губин Е.П. Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства: правовые проблемы. М.: Норма, 2017. 320 с.
154. Гутерман А.Е. Вопросы административной ответственности за нарушение правил государственного контроля за экономической концентрацией // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 1. С. 20-23. СПС КонсультантПлюс.
155. Гутерман А.Е. Последствия нарушения правил государственного контроля за экономической концентрацией // Конкурентное право. 2016. № 1. С. 25-29. СПС КонсультантПлюс.
156. Доценко А.В., Иванов А.Ю. Антимонопольное регулирование, цифровые платформы и инновации: дело Google и выработка подходов к защите конкуренции в цифровой среде // Закон. 2016. № 2. С. 31-45.
157. Европейская интеграция: учебник / под ред. О.В. Буториной. М.: Издательский Дом «Деловая литература», 2011. 720 с.

158. Егорова М.А. Некоторые вопросы государственного контроля экономической концентрации группы лиц // Журнал предпринимательского и корпоративного права. № 1, январь-март 2016 г. С. 38-43. СПС Гарант.
159. Егорова М.А. Развитие норм о доминирующем положении в четвертом антимонопольном пакете // Юрист. 2016. № 7. С. 10-14. СПС КонсультантПлюс.
160. Егорова М.А., Кожевина О.В., Кинев А.Ю. Правовая защита конкуренции в условиях формирующихся цифровых рынков // Lex russica. Т. 74. 2021. № 2 (171). С. 40-49.
161. Егорова М.А., Петров А.А., Кожевина О.В. Влияние цифровизации на реализацию антимонопольного регулирования и контроля за экономической концентрацией в высокотехнологичном секторе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. Т. 13. 2022. № 2. С. 327-343.
162. Егорова М.А., Петров Д.А., Попондопуло В.Ф. Цифровая (платформенная) экономика в свете антимонопольного регулирования (сетевой эффект, цифровая платформа, запрет монополистической деятельности) // Конкурентное право. 2024. № 1. С. 2-5.
163. Егорова М.А., Хохлов Е.С. Современные проблемы анализа товарных рынков для целей антимонопольного регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 1. С. 111-119.
164. Иванов А.Ю. Контроль монополизации в условиях цифровой экономики: первая часть дискуссии о пятом антимонопольном пакете // Закон. 2018. № 2. С. 106-119. СПС КонсультантПлюс.
165. Игнатишин Ю.В. Слияния и поглощения: стратегия, тактика, финансы. СПб.: Питер, 2005. 208 с.
166. Иншакова А.О. Европейские минимальные правовые стандарты в российском антимонопольном регулировании (часть 1) // Цивилист. 2010. № 2. С. 90-94.
167. Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву / отв. ред. С.И. Аскназий. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. 144 с.

168. Иоффе О.С. Советское гражданское право. Общая часть. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. 494 с.
169. Истомин В.Г. Государственный антимонопольный контроль за экономической концентрацией: современное состояние и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 4. С. 202-209.
170. Князева И.В. Антимонопольная политика в России: учеб. пособие. М.: Омега-Л, 2008. 493 с.
171. Козлитин Е.В., Авдашева С.Б. Результаты невыполненных предписаний антимонопольного органа (на примере структурных предписаний при поглощении ТНК-ВР Роснефтью) // Современная конкуренция. 2015. Том 9. № 6 (54). С. 5-19.
172. Конкурентное право России: учебник / отв. ред. И.Ю. Артемьев, С.А. Пузыревский, А.Г. Сушкевич. М.: Издательский Дом Высшей школы экономики, 2014. 496 с.
173. Гаврилов Д.А., Пузыревский С.А., Серегин Д.И. Конкурентное право: учебник / отв. ред. С.А. Пузыревский. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 416 с.
174. Конкурентное право: учебник / под ред. д.ю.н., доц. М.А. Егоровой, д.ю.н., доц. А.Ю. Кинева. М.: Юстицинформ, 2018. 628 с. СПС Гарант.
175. Петров Д.А., Попондопуло В.Ф. Конкурентное право: учебник и практикум для вузов / под общ. ред. В.Ф. Попондопуло. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2023. 350 с.
176. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. 183 с.
177. Курбатов А.Я. Сочетание частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности. М.: Центр ЮрИнфоР, 2001. 211 с.
178. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 27. М.: Издательство политической литературы, 1969. 643 с.
179. Мазуренко В.А. Государственный контроль за внутригрупповыми сделками с активами стратегического хозяйственного общества // Российское конкурентное право и экономика. 2021. № 4 (28). С. 26-33.

180. Малкина Н.Л., Шаститко А.А. Проблемы определения продуктовых границ товарного рынка на оптовых рынках перепродажи товара // Закон. 2021. № 3. С. 155-166. СПС КонсультантПлюс.
181. Маслов А.О. Цифровые рынки в конкурентном праве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 2. С. 55-60.
182. Мозолин В.П. Корпорации, монополии и право США. М.: Издательство Московского университета, 1966. 398 с.
183. Новицкий И.Б. Курс советского гражданского права. Сделки. Исковая давность. М.: Госюриздат, 1954. 248 с.
184. Новицкий И.Б. Римское право. Учебник для вузов. М.: ИКД ЗЕРЦАЛО-М, 2003. 244 с.
185. Овакимян К.Б. Правовое регулирование государственного контроля за экономической концентрацией: монография. М.: Проспект, 2024. 128 с.
186. Ответственность за нарушения антимонопольного законодательства: проблемы теории и практики: монография / отв. ред. С.В. Максимов, С.А. Пузыревский. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2016. 144 с. СПС КонсультантПлюс.
187. Паращук С.А. Правовая регламентация группы лиц как единого хозяйствующего субъекта по законодательству России // Предпринимательское право. 2024. № 2. С. 61-69. СПС КонсультантПлюс.
188. Паращук С.А. Правовые основы государственной конкурентной политики России // Предпринимательское право. 2019. № 2. С. 63-70. СПС КонсультантПлюс.
189. Паращук С.А. Правовое обеспечение защиты конкуренции в российском правовом порядке: состояние и тенденции развития // Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография / отв. ред. Е.П. Губин. М.: Юстицинформ, 2019. СПС КонсультантПлюс.
190. Паращук С.А. Конкурентное право (правовое регулирование конкуренции и монополии). М.: Городец, 2002.

191. Патенкова В.Ю. Контроль за деятельностью акционерного общества: правовое регулирование: монография. М.: Юстицинформ, 2023. 180 с. СПС КонсультантПлюс.
192. Петров Д.А. Рыночная власть и переговорная сила как категории антимонопольного регулирования // Конкурентное право. 2021. № 1. С. 4-7.
193. Петров Д.А. Соглашения о совместной деятельности как правовая форма конгломератной экономической концентрации // Конкурентное право. 2016. № 2. С. 28-32.
194. Писенко К.А., Гаспарян Э.Г. Актуальные вопросы правового обеспечения антимонопольной политики на цифровых финансовых рынках // Финансовое право. 2018. № 8. С. 34-38. СПС КонсультантПлюс.
195. Антимонопольное (конкурентное) право: Учебник / К.А. Писенко, И.А. Цинделиани, Б.Г. Бадмаев, К.В. Казарян. М.: Российский государственный университет правосудия, 2015. 420 с.
196. Поваров Ю.С. Пересмотр антимонопольных предписаний по сделкам экономической концентрации: значение, условия и порядок // Конкурентное право. 2023. № 2. С. 10-13. СПС КонсультантПлюс.
197. Предпринимательское право Российской Федерации / отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. 4-е изд. В 2-х т. Т. 1. М.: Норма, 2024. 808 с.
198. Предпринимательское право: учебник: в 2 т. / под ред. В.Ф. Попондопуло. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. Т. 1. 624 с. СПС КонсультантПлюс.
199. Режибо П., Лианос Я. Экономика цифровых слияний // Правоведение. 2019. Т. 63. № 4. С. 573-597.
200. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. 958 с. СПС КонсультантПлюс.
201. Рудык Н.Б. Конгломеративные слияния и поглощения: Книга о пользе и вреде непрофильных активов. М.: Дело, 2005. 223 с.

202. Самолысов П.В. Антимонопольный контроль в Российской Федерации: генезис, сущность и содержание // Вестник арбитражной практики. 2016. № 6. С. 57-64. СПС КонсультантПлюс.
203. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: 4 Принт, 2020. 304 с.
204. Свечников К.Л. Проблемы монополизации в цифровой экономике // Вестник Российского университета кооперации. 2021. № 2 (44). С. 70-73.
205. Семякин М.Н. Экономическая концентрация как междисциплинарная модель познания в правоведении и экономической науке // Государственно-правовые явления. 2020. Вып. 3. С. 38-43.
206. Серегин Д.И. Особенности контроля экономической концентрации при приобретении основных производственных средств и нематериальных активов // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2020. № 1. С. 29-34.
207. Символоков О.А. Правила торговой политики как способ предупреждения ограничения конкуренции // Современные проблемы развития российского и зарубежного конкурентного права: монография / под общ. ред. д.ю.н. проф. М.А. Егоровой. М.: Юстицинформ, 2022. С. 71-81.
208. Символоков О.А. Применение арбитражными судами антимонопольного законодательства по делам об антиконкурентных соглашениях // Журнал российского права. 2021. № 11. С. 133-149. СПС КонсультантПлюс.
209. Сеницын С.А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2021. 212 с. СПС Гарант.
210. Слияния и поглощения в системе современной экономики: монография / под ред. А.Н. Фоломьева. М.: РАГС, 2010. 184 с.
211. Степанов Д.И. Формы реорганизации коммерческих организаций: вопросы законодательной реформы // Хозяйство и право. 2001. № 3. С. 64-74. № 4. С. 43-58. URL: <http://www.lin.ru/document.htm?id=1249703346338427698> (дата обращения: 01.06.2024).

212. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. 456 с. СПС КонсультантПлюс.
213. Теория и практика становления конкурентного законодательства (на материалах Республики Молдова) / А. Караганчу, В. Кэраре. М.: Юстицинформ, 2012. 262 с.
214. Тимофеев С.В. Цифровые монополии: задачи и перспективы законодательного антимонопольного регулирования // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2022. № 4. С. 109-120.
215. Тотьев К.Ю. Конкурентное право (правовое регулирование конкуренции). Учебник. М.: Издательство РДЛ, 2000. 352 с.
216. Филиппова С.Ю. Юридические факты в гражданском праве. Часть 1: Правомерные юридические действия: гражданско-правовые проблемы классификации. М.: Статут, 2020. 368 с.
217. Харитонов Ю.С. Проблемы применения антимонопольного законодательства в условиях цифровой экономики // Основные направления развития конкуренции в глобальном и национальном аспекте: сборник научных трудов к пятилетию кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) / отв. ред. С.А. Пузыревский, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2018. С. 36-50. СПС КонсультантПлюс.
218. Харитонов Ю.С. Регулирование цифровых экосистем: вопросы правовой политики // Проблемы создания цифровой экосистемы: правовые и экономические аспекты: монография, коллектив авторов / под ред. В.А. Вайпана, М.А. Егоровой. М.: Юстицинформ, 2021. С. 29-37. СПС Гарант.
219. Цифровое право: учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. 640 с. СПС Гарант.
220. Чепурнова Н.М., Мурызева В.О. Свободная конкуренция в условиях цифровой экономики: механизмы защиты // Государственная служба. 2020. Т. 22. № 2. С. 35-41.

221. Чурилов А.Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности и новых технологий: вызовы XXI века: монография. М.: Юстицинформ, 2020. 224 с. СПС КонсультантПлюс.
222. Шаститко А.Е., Комкова А.А., Курдин А.А., Шаститко А.А. Конкурентная политика и стимулы к инновационной деятельности. М., 2016. 69 с. URL: <https://ssrn.com/abstract=2767410> (дата обращения: 01.06.2024).
223. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. СПб.: Тип. т-ва печ. и изд. дела Труд, 1908.
224. Шиткина И.С. Правовое регулирование экономической зависимости // Приложение «Хозяйство и право». 2017. № 6. URL: <https://shitkina-law.ru/upload/iblock/bd6/a0eh9t2zsyge8j7h88mn1gktgk94qw05.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).
225. Шиткина И.С. Правовое регулирование экономической концентрации (в свете нового Федерального закона «О защите конкуренции») // Хозяйство и право. 2007. № 1. С. 14-23. СПС КонсультантПлюс.
226. Шувалов И.И. Соотношение частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности // Экономика. Право. Общество. Т. 7. 2022. № 1 (29). С. 21-28.
227. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия: Пер. с нем., пер. с англ. / Предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. М.: Эксмо, 2008. 864 с.
228. Экономическая концентрация: опыт экономико-правового исследования рыночных и юридических конструкций: монография / отв. ред. д.ю.н. М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2016. 552 с. СПС Гарант.
229. Юридические факты и их влияние на отраслевые институты права: проблемы и направления развития: монография / под общ. ред. В.Н. Синюкова, М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2021. 536 с.
230. Ячеистова Н. Глобализация и конкуренция // Конкурентная Россия. Метаморфозы конкуренции. Конкурентная политика. Экономический рост / под

ред. И.Ю. Артемьева, А.Н. Голомолзина, В.А. Димова и др. М.: Издательство Московского университета, 2004. С. 47-70.

Диссертации

231. Борзило Е.Ю. Антимонопольные ограничения предпринимательской деятельности хозяйствующих субъектов: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 457 с.
232. Борзило Е.Ю. Система правовых антимонопольных ограничений предпринимательской деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. 366 с.
233. Карлаш Д.С. Правовое регулирование отношений по использованию больших данных в предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 238 с.
234. Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 394 с.
235. Маслов А.О. Антимонопольные требования к функционированию цифровых платформ: правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 196 с.
236. Овакимян К.Б. Правовое регулирование государственного контроля за экономической концентрацией: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 198 с.
237. Осляков В.Г. Государственный контроль за осуществлением предпринимательской деятельности (правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 237 с.
238. Павлов С.А. Государственный антимонопольный контроль экономической концентрации в Российской Федерации, Соединенных Штатах Америки и Европейском Союзе: сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2011. 231 с.
239. Паращук С.А. Недобросовестная конкуренция: содержание и правовые средства ее пресечения): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 222 с.
240. Филиппова С.Ю. Юридические действия как юридические факты в российском гражданском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 559 с.

Литература на иностранных языках

241. Acquisti A., Taylor C.R. and Wagman L. The Economics of Privacy // Journal of Economic Literature. 2016. Vol. 54. No. 2. P. 442-492.
242. Argenton C. and Prüfer J. Search Engine Competition with Network Externalities // TILEC Discussion Paper DP 2011-024. April 2011. 29 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1808624 (дата обращения: 01.06.2024).
243. Arrow K. Economic Welfare and the Allocation of Resources for Invention // The Rate and Direction of Inventive Activity: Economic and Social Factors / ed. by Universities-National Bureau Committee for Economic Research and Committee on Economic Growth of the Social Science Research Council. Princeton University Press. 1962. P. 609-626.
244. Baer W.J. A Study of the Commission's Divestiture Process // Federal Trade Commission. 1999. 43 p. URL: <https://www.ftc.gov/sites/default/files/attachments/merger-review/divestiture.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).
245. Bourreau M. and de Streel A. Digital Conglomerates and EU Competition Policy. 11.03.2019. 40 p. URL: <https://ssrn.com/abstract=3350512> (дата обращения: 01.06.2024).
246. Bourreau M., de Streel A. and Graef I. Big Data and Competition Policy: Market power, personalised pricing and advertising. Project Report // Centre on Regulation in Europe. 16.02.2017. 61 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2920301 (дата обращения: 01.06.2024).
247. Colomo P.I. Competition Law and Innovation: Where Do We Stand? // Journal of European Competition Law & Practice. Volume 9. Issue 9. November 2018. P. 561-562.
248. Coublucq D., Kovo D. and Valletti T. Innovation Concerns in European Merger Control: The Agrochemical Saga (Dow/Dupont and Bayer/Monsanto) // Antitrust

- Economics at a Time of Upheaval / ed. by Kwoka J., Valletti T. and White L. 22 p. URL: <https://ssrn.com/abstract=4245916> (дата обращения: 01.06.2024).
249. Crémer J., de Montjoye Y.-A., Schweitzer H. Competition policy for the digital era. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019. 128 p.
250. Cunningham C., Ederer F. and Ma S. Killer Acquisitions // *Journal of Political Economy*. 2021. Vol. 129. No. 3. P. 649-702.
251. De Smedt P., Vandersanden G. The EC Merger Control Regulation // *Hastings Int'l & Comp. L. Rev.* Vol. 13. 1990. P. 437-451.
252. Eben M. and Robertson V. Digital Market Definition in the European Union, United States, and Brazil: Past, Present, and Future // *Journal of Competition Law and Economics*. 2022. Vol. 18. No. 2. P. 417-455. URL: <https://eprints.gla.ac.uk/249520/2/249520.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).
253. Esayas S. Privacy as a Non-Price Competition Parameter: Theories of Harm in Mergers // *University of Oslo Faculty of Law Research Paper No. 2018-26*. 16.08.2018. 61 p. URL: <https://ssrn.com/abstract=3232701> (дата обращения: 01.06.2024).
254. Evans D.S. The Antitrust Economics of Free. John M. Olin Program in Law and Economics Working Paper No. 555. 2011. 26 p. URL: https://chicagounbound.uchicago.edu/law_and_economics/484 (дата обращения: 01.06.2024).
255. Ezrachi A. Behavioural Remedies in EC Merger Control - Scope and Limitations // *World Competition*. Volume 29. Issue 3. 2006. P. 459-479.
256. Ezrachi A., Reyna A. The Role of Competition Policy in Protecting Consumers' Well-being in the Digital Era // *BEUC*. 28 p. URL: https://www.beuc.eu/sites/default/files/publications/beuc-x-2019-054_competition_policy_in_digital_markets.pdf (дата обращения: 01.06.2024).
257. Feinstein D. Big Data in a Competition Environment // *CPI Antitrust Chronicle*. May 2015 (2). 5 p. URL: <https://www.competitionpolicyinternational.com/assets/Uploads/FeinsteinMay-152.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

258. Fugina K. Merger Control Review in the United States and the European Union: Working towards Conflict Resolution // *Northwestern Journal of International Law & Business*. Volume 26. Issue 2. Winter 2006. P. 471-492.
259. Gal M.S., Rubinfeld D.L. Algorithms, AI and Mergers. New York University School of Law. Law and Economics Research Paper Series. Working Paper No. 23-36. September 2023. 49 p. URL: <https://ssrn.com/abstract=4469586> (дата обращения: 01.06.2024).
260. Gal M.S., Rubinfeld D.L. The Hidden Costs of Free Goods: Implications for Antitrust Enforcement // *Antitrust Law Journal*. 2016. Vol. 80. P. 521-562.
261. Gassler M. Why the introduction of a new transaction-value jurisdictional threshold for the EUMR has been postponed, at least for now // *Oxford Competition Law*. 28.06.2018. URL: <https://oxcat.ouplaw.com/page/775> (дата обращения: 01.06.2024).
262. Gautier A. and Lamesch J. Mergers in the digital economy // *Information Economics and Policy*. 2021. Vol. 54. URL: <https://doi.org/10.1016/j.infoecopol.2020.100890> (дата обращения: 01.06.2024).
263. Gawer A. Digital Platforms' boundaries: The interplay of firm scope, platform sides, and digital interfaces // *Long Range Planning*. 2021. Volume 54. Issue 5. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0024630120302442> (дата обращения: 01.06.2024).
264. Gilbert R.J. and Sunshine S.C. Incorporating Dynamic Efficiency Concerns in Merger Analysis: The Use of Innovation Markets // *Economic Analysis Group Discussion Paper EAG 94-2*. U.S. Department of Justice Antitrust Division. 02.11.1994. 32 p.
265. Gotts I.K. Key Principles of Merger Remedies // *The Guide to Merger Remedies* / ed. by Harty R.P. and Kiratzis N. United Kingdom, 2018. P. 13-21.
266. Halperin M. The Future of Merger Control in Technological Markets as Revealed in Recent Merger Cases // *Antitrust*. 2023. Vol. 38. No. 1. P. 73-81.
267. Hemphill S.C. and Wu T. Nascent Competitors // *University of Pennsylvania Law Review*. 2020. Vol. 168. P. 1879-1910.

268. Hess C. and Ostrom E. Introduction: An Overview of the Knowledge Commons // Understanding Knowledge as a Commons: From Theory to Practice / ed. by Hess C. and Ostrom E. The MIT Press. 2007. P. 3-26.
269. Hovenkamp H. The 2023 Merger Guidelines: Law, Fact, and Method. 2024. 39 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4684465 (дата обращения: 01.06.2024).
270. Kąkol M.K. The evolution of US merger control policy – part 1: 1890-1973 // *Ekonomia i Prawo. Economics and Law* / ed. by Polszakiewicz B., Boehlke J. 2014. Vol. 13. No. 3. P. 403-415.
271. Kąkol M.K. The evolution of US merger control policy – part 2: 1974-2013 // *Ekonomia i Prawo. Economics and Law* / ed. by Polszakiewicz B., Boehlke J. 2014. Vol. 13. No. 3. P. 417-430.
272. Katz M. and Sallet J. Multisided Platforms and Antitrust Enforcement // *The Yale Law Journal*. 2018. Vol. 127. P. 2142-2175.
273. Killer Acquisitions? The Debate on Merger Control for Digital Markets / Holmström M., Padilla J., Stitzing R. et al. // 2018 Yearbook of the Finnish Competition Law Association. 2018. URL: <https://ssrn.com/abstract=3465454> (дата обращения: 01.06.2024). 20 p.
274. Knapstad T. Digital dominance: assessing market definition and market power for online platforms under Article 102 TFEU // *European Competition Journal*. 08.11.2023. P. 412-436.
275. Kwoka J., Waller S.W. Fix It or Forget It: A “No-Remedies” Policy for Merger Enforcement // *CPI Antitrust Chronicle*. August 2021. P. 1-9. URL: <https://www.competitionpolicyinternational.com/wp-content/uploads/2021/08/5-Fix-It-or-Forget-It-A-No-Remedies-Policy-for-Merger-Enforcement-By-John-Kwoka-Spencer-Weber-Waller.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).
276. Leddy M., Reinker K. and Rudolf L.-P. The proliferation of global merger control // *Research Handbook on Global Merger Control* / ed. by Kokkoris I. and Levy N. United Kingdom, Edward Elgar Publishing Ltd, 2023. P. 11-48.

277. Lorenz M. *An Introduction to EU Competition Law*. Cambridge University Press, 2013. 386 p. URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139087452.006> (дата обращения: 01.06.2024).
278. Maier-Rigaud F. and Loertscher B. *Structural vs. Behavioral Remedies // CPI Antitrust Chronicle*. April 2020. 10 p. URL: <https://www.competitionpolicyinternational.com/wp-content/uploads/2020/04/CPI-Maier-Rigaud-Loertscher.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).
279. *Merger Remedies Guide*. Third edition / ed. by Harty R.P. and Kiratzis N. United Kingdom, 2020. 304 p.
280. Motta M., Peitz M. *Big Tech Mergers*. Discussion Paper Series CRC TR 224. May 2020. 39 p. URL: <https://www.crctr224.de/research/discussion-papers/archive/dp147> (дата обращения: 01.06.2024).
281. Mulder J., Sauter W. *A new regime for below threshold mergers in EU competition law? The Illumina/Grail and Towercast judgments // Journal of Antitrust Enforcement*. 2023. Vol. 11. Issue 3. P. 544-554.
282. Neal P.C. *The Clayton Act and the Transamerica Case // Stanford Law Review*. 1952. Vol. 5. P. 179-232.
283. Niels G. *Transaction Versus Non-Transaction Platforms: A False Dichotomy in Two-Sided Market Definition // Journal of Competition Law & Economics*. 2019. Vol. 15. P. 327-357.
284. Ocello E., Jödin C. & Subočs A. *What's Up with Merger Control in the Digital Sector // Competition Merger Brief*. 1/2015. P. 1-7.
285. Oppenheim C., Stenson J. and Wilson R.M.S. *Views of Information Professionals on Information as an Asset*. 2004. 24 p. URL: https://repository.lboro.ac.uk/articles/journal_contribution/Studies_on_Information_as_an_Asset_III_Views_of_Information_Professionals/9413186/1 (дата обращения: 01.06.2024).
286. Pittman R. *Competition Law in Central Eastern Europe: Five Years Later // The Antitrust Bulletin*. Vol. 43. No. 1. 1998. P. 179-228.

287. Posner E.A. The Whig History of the Merger Guidelines // ProMarket. 31.05.2023. URL: <https://www.promarket.org/2023/05/31/the-whig-history-of-the-merger-guidelines> (дата обращения: 01.06.2024).
288. Posner R.A. The Economics of Justice. Cambridge, 1981. 432 p.
289. Reynolds S. Competition Law and Policy in Russia // OECD Journal of Competition Law and Policy. 2005. Vol. 6. No. 3. P. 7-83.
290. Richter H. Prospects of Merger Review in the Digital Age: A Critical Look at the EU, the United States, and Germany // International Review of Intellectual Property and Competition Law. 2023. Vol. 54. P. 223-267.
291. Robertson V. Competition Law's Innovation Factor – The Relevant Market in Dynamic Contexts in the EU and the US. Hart Publishing, 2020. 384 p.
292. Rubinfeld D.L. and Gal M.S. Access Barriers to Big Data // Arizona Law Review. 2017. Vol. 59. P. 339-381.
293. Shapiro C. Antitrust in a Time of Populism // International Journal of Industrial Organization. 2018. Vol. 61. P. 714-748.
294. Shapiro C. Competition and Innovation. Did Arrow Hit the Bull's Eye? // The Rate and Direction of Inventive Activity Revisited / ed. by Lerner J. and Stern S. University of Chicago Press. 2012. P. 361-404.
295. Shapiro C. Protecting Competition in the American Economy: Merger Control, Tech Titans, Labor Markets // Journal of Economic Perspectives. 2019. Vol. 33. No. 3. P. 69-93.
296. Sokol D.D., Comerford R. Antitrust and Regulating Big Data // The George Mason Law Review. 2016. Vol. 23. No. 5. P. 1129-1161.
297. Solove D.J. Privacy and Power: Computer Databases and Metaphors for Information Privacy // Stanford Law Review. 2001. Vol. 53. P. 1393-1462.
298. Stucke M. and Grunes A. Big Data and Competition Policy. 2016. 11 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/308970973_Big_Data_and_Competition_Policy (дата обращения: 01.06.2024).
299. Support Study for Impact Assessment Concerning the Review of Merger Regulation Regarding Minority Shareholdings // Spark Legal Network and Queen Mary

- University of London. 2016. 72 p. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/85490864-fa5c-11e6-8a35-01aa75ed71a1#> (дата обращения: 01.06.2024).
300. The EU Digital Markets Act / Cabral L., Наукаp J., Parker G. et al. // Publications Office of the European Union. Luxembourg. 2021. 36 p.
301. Titus J.W. Stop, Look and Listen: Premerger Notification Under Hart-Scott-Rodino Antitrust Improvements Act // Duke Law Journal. 1979. P. 355-381.
302. Vettas N., Kourandi F. On the Economics of Non-Horizontal Mergers // The Reform of EC Competition Law. New Challenges / ed. by Lianos I., Kokkoris I. Kluwer Law International BV, The Netherlands. 2010. P. 477-494.
303. Walle V.S. Remedies in EU Merger Control - An Essential Guide. Working paper, last updated on 5 April 2021. 90 p. URL: <https://ssrn.com/abstract=3782333> (дата обращения: 01.06.2024).
304. Winegar A.G. and Sunstein C.R. How Much is Data Privacy Worth? A Preliminary Investigation. 01.07.2019. 26 p. URL: <https://ssrn.com/abstract=3413277> (дата обращения: 01.06.2024).
305. Wismer S., Bongard C. and Rasek A. Multi-Sided Market Economics in Competition Law Enforcement // Journal of European Competition Law & Practice. 2017. No. 8. P. 257-262.
306. Yun J.M. Overview of Network Effects & Platforms in Digital Markets // The Global Antitrust Institute Report on the Digital Economy. 19.11.2020. 31 p. URL: <https://ssrn.com/abstract=3733656> (дата обращения: 01.06.2024).
307. Zingales N., Renzetti B. Digital Platform Ecosystems and Conglomerate Mergers: A Review of the Brazilian Experience // World Competition. 2022. Vol. 45 (4). P. 473-510. URL: <https://ssrn.com/abstract=4264806> (дата обращения: 01.06.2024).